Воспоминания о II съезде РСДРП

Воспоминания о II съезде РСДРП

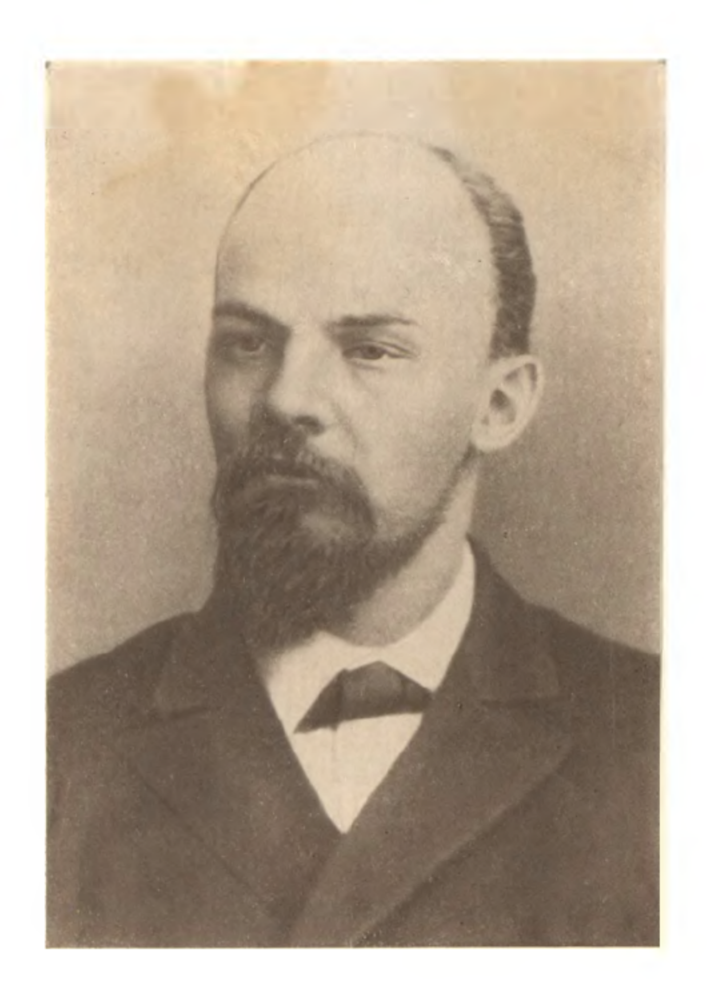

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1959

Настоящая книга представляет собой сборник воспоминаний участников II съезда РСДРП, на котором в 1903 г. была создана партия большевиков. Основная часть книги печатается по тексту сборника «Воспоминания о втором съезде партии», выпущенного Партиздатом в 1934 г. Воспоминания М. Н. Лядова печатаются по тексту его неопубликованной рукописи. Отдельные воспоминания даются в сокращенном виде.

Книга открывается статьей В. И. Ленина «Рассказ о II съезде РСДРП».

Сборник подготовлен к печати Н. Н. Суровцевой и Р. З. Юницкой.

В. И. ЛЕНИН
1897 г.

В. И. ЛЕНИН

РАССКАЗ О II СЪЕЗДЕ РСДРП

Этот рассказ назначен только для личных знакомых, и потому чтение его без согласия автора (Ленина) **равно чтению чужого письма.**

Для понимания дальнейшего скажу прежде всего о составе съезда, хотя это и будет отчасти забеганием вперед. Решающих голосов на съезде было 51 (33 делегата с 1 голосом и 9 с двумя, 9 «двуруких»). Совещательных голосов, если я не ошибаюсь, 10, всего значит 52 человека. Политическая группировка этих голосов, как она выяснилась в течение *всего* съезда, такова: решающие голоса — 5 бундовских[1], 3 рабочедельских (2 от Союза русских социал-демократов за границей и 1 от питер-

---

[1] *Бундовцы* — члены Бунда — Всеобщего еврейского рабочего союза в России и Польше. Бунд был организован в 1897 г., объединял по преимуществу полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП, в марте 1898 г., Бунд вошел в РСДРП. На II съезде РСДРП бундовцы выступили с требованием признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. После того как съезд отверг бундовский организационный национализм, Бунд вышел из партии

В 1906 г., после IV («Объединительного») съезда, Бунд вновь вошел в РСДРП. Бундовцы оказывали постоянную поддержку меньшевикам и вели борьбу против большевиков. Бунд активно участвовал в создании августовского антипартийного блока. Бунд являлся носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России и нанес ему огромный вред, способствуя разобщению сил российского пролетариата.— *Ред.*

ского «Союза борьбы»)[1], 4 южнорабоченца (2 от группы «Южный рабочий» и 2 от Харьковского комитета, вполне солидарного с «Южным рабочим»)[2], 6 нерешительных, колеблющихся («болото», как звали их — в шутку, конечно,— все искряки), затем около 33 искровцев, более или менее твердых и последовательных в своем искрянстве. Эти 33 искровца, которые, будучи едины, всегда решали судьбу всякого вопроса на съезде, раскололись, в свою очередь, на 2 подгруппы, раскололись окончательно лишь в конце съезда: одна подгруппа, приблизительно в 9 голосов искровцев «мягкой, вернее, зигзаговой линии» (или женской линии, как острили, и не без основания, некоторые шутники), искровцев, стоявших (как ниже будет видно) за справедливость, за равнодействующую etc.[3], и около 24 голосов искровцев твердой линии, отстаивавших последовательный искризм и в тактике и в личном составе центральных учреждений партии.

Повторяю, такая группировка окончательно сложилась и вполне выяснилась лишь post factum[4], в конце съезда (имевшего до 40 заседаний!), и я забегаю вперед, очерчивая эту группировку вначале. Оговорюсь также, что группировка эта дает лишь *приблизительное* число голосов, ибо по отдельным мелким вопросам (а однажды, в вопросе о «равноправии языков», о чем ниже, и по крупному поводу) голоса нередко разбивались, часть воздерживалась, группировки смешивались и т. д.

Состав съезда определен был предварительно Организационным Комитетом, который имел право, по уставу съезда, приглашать на съезд кого найдет нужным, с совещательным голосом. На съезде была выбрана, с самого начала, комиссия для проверки мандатов, в которую (комиссию) перешло все и вся, относящееся к

---

[1] *Рабочедельцы* — сторонники «экономизма», группировавшиеся вокруг журнала «Рабочее дело» (орган «Союза русских социал-демократов за границей», выходил в 1899—1902 гг.).— *Ред.*

[2] *Южнорабоченцы* — члены социал-демократической группы «Южный рабочий», издававшей газету того же названия. Ленин относил группу «Южный рабочий» к тем организациям, «которые, признавая «Искру» руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении».— *Ред.*

[3] — et cetera — и так далее.— *Ред.*

[4] — впоследствии.— *Ред.*

составу съезда. (В скобках сказать, и в эту комиссию вошел бундист, который измором брал всех членов комиссии, задержав их до 3-х часов ночи и оставшись все же «при особом мнении» *по каждому вопросу.)*

Начался съезд при мирной и дружной работе всех искряков, между которыми оттенки в мнениях были, конечно, всегда, но наружу эти оттенки, в качестве политических разногласий, не выступали. Кстати заметим наперед, что раскол искряков был одним из главных политических результатов съезда, и желающему ознакомиться с делом надо обратить поэтому особое внимание на все эпизоды, связанные, хотя бы отдаленно, с этим расколом.

Довольно важным актом в самом начале съезда был выбор *бюро* или *президиума.* Мартов стоял за выбор 9 лиц, которые бы на каждое заседание выбирали по 3 в бюро, причем в состав этих 9-ти он вводил даже бундиста. Я стоял за выбор только трех на весь съезд, и притом трех для «держания в строгости». Выбраны были: Плеханов, я и товарищ Т[1] (о нем часто будет идти речь ниже — искровец твердой линии, член ОК). Этот последний прошел, впрочем, небольшим большинством голосов против одного южнорабоченца (тоже члена ОК). Разногласие между мною и Мартовым по вопросу о бюро (разногласие, характерное с точки зрения всего дальнейшего) не повело, однако, ни к какому расколу или конфликту: дело уладилось как-то мирно, само собою, «по-семейному», как улаживались большею частью вообще дела в организации «Искры» и в редакции «Искры».

К началу же съезда относится (тайное и неформальное, конечно) заседание организации «Искры» по вопросу о ее мандатах на съезде. Заседание пришло равным образом к мирному, «полюбовному» решению вопроса. Я отмечаю это заседание лишь потому, что считаю характерным, во-1-х, дружную работу искряков в начале съезда, а, во-2-х, их решение прибегать, в случаях сомнительных и спорных, к авторитету организации «Искры» (вернее, членов организации «Искры», присутствовавших на съезде), причем, конечно, обязательного

---

[1] *Т* — большевик П. А. Красиков (по протоколам II съезда РСДРП — Павлович, П.).— *Ред.*

значения голосования этих собраний не имели, ибо правило: «императивные мандаты отменены», каждый может и обязан вотировать на съезде по своему личному, свободному убеждению, без всякого подчинения какой бы то ни было организации,— это правило, говорю я, всеми искряками признавалось, и в начале чуть ли не каждого заседания «Искры» громко провозглашалось председателем.

Далее. Первым инцидентом на съезде, который вскрыл, что не все обстоит ладно среди искряков, и который послужил «завязкой» финальной драмы (или трагикомедии?), явился пресловутый *«инцидент с ОК»*. На этом инциденте надо остановиться подробно. Он имел место еще тогда, когда съезд занят был своим собственным конституированьем, когда обсуждался еще регламент съезда (поглотивший, кстати сказать, тьму времени в силу обструкции бундистов, не упускавших случая намеренно и ненамеренно затормозить где можно и чем можно). Суть инцидента с ОК состояла в том, что ОК, с одной стороны, отклонил еще до съезда протест «Борьбы» (группы «Борьбы»)[1], требовавшей допущения на съезд, и поддержал это отклонение в комиссии по проверке мандатов, а, с другой стороны, тот же ОК внезапно заявил *на съезде*, что он приглашает с совещательным голосом Рязанова. Разыгрался этот инцидент следующим образом.

Еще до начала заседаний съезда Мартов сообщил мне конфиденциально, что член организации «Искры» и член ОК (назовем это лицо буквой N[2]) решил настаивать в ОК на приглашении с совещательным голосом на съезд одного лица, которое сам Мартов не мог характеризовать иначе, как термином «перебежчик»[3]. (Лицо

[1] *«Борьба»* — заграничная литературная группа, причисляла себя к РСДРП, оформилась как самостоятельная группа в 1901 г. в Париже. В состав группы входили Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов, Э. Л. Гуревич. Ввиду отступлений от социал-демократических воззрений и тактики, дезорганизаторских действий и отсутствия связи с социал-демократическими организациями в России группа не была допущена на II съезд партии. Решением II съезда группа «Борьба» была распущена.— *Ред.*

[2] *N*(*NN*) — псевдоним меньшевички Е. М. Александровой (по протоколам II съезда РСДРП — Штейн).— *Ред.*

[3] *«Перебежчик»* — И. В. Чернышев; вначале был «экономистом», затем перешел в заграничную организацию «Искры», в апреле 1903 г. вернулся к «экономистам».— *Ред.*

это, действительно, склонялось одно время к «Искре», с тем, чтобы впоследствии и притом через несколько недель, перейти на сторону «Рабочего Дела», хотя и находившегося уже тогда в стадии полнейшего упадка.) Мы поговорили об этом с Мартовым, оба возмущенные тем, что член организации «Искры» делает такой шаг, сознавая, конечно (ибо Мартов предупреждал товарища N), что этот шаг есть прямой удар в лицо «Искре», и не считая тем не менее нужным посоветоваться с организацией. N действительно внес свое предложение в ОК, но это предложение было отклонено благодаря горячему протесту товарища Т, обрисовавшего всю переменчивую политическую фигуру «перебежчика». Характерно, что Мартов не мог уже тогда, по его словам, даже говорить с N, несмотря на прежние хорошие личные отношения: настолько поражен он был этим шагом. Стремление N бросать палки под колеса «Искре» выразилось еще и в принятом при его поддержке выговоре редакции «Искры» со стороны ОК,— выговоре, который касался, правда, очень мелкого случая, но тем не менее возбудил сугубое негодование Мартова. Сообщения из России, переданные мне тоже Мартовым, указывали к тому же на тенденцию N пускать слухи о розни между искровцами заграничными и русскими. Все это настраивало искровцев самым недоверчивым образом по отношению к N, а тут еще подоспел такой факт. ОК отклонил протест «Борьбы», члены ОК (Т и N), приглашенные в комиссию проверки мандатов, равным образом высказались оба *(и N в том числе!!!)* против «Борьбы» самым решительным образом. Тем не менее ОК устроил внезапно, во время перерыва одного утреннего заседания съезда, свое заседание у «окошка» и решил на этом заседании пригласить с совещательным голосом Рязанова! *N был за приглашение.* Т, конечно, безусловно против, заявляя притом о незаконности такого решения ОК после того, как вопрос о составе съезда передан уже в особую, съездом выбранную, комиссию по проверке мандатов. Конечно, южнорабоченские члены ОК + бундист + N провалили товарища Т, и решение ОК состоялось.

Т известил об этом решении редакцию «Искры», которая (не в полном составе, но с участием Мартова и Засулич), конечно, постановила единогласно выступить на борьбу с ОК на съезде, ибо многие искряки уже

высказались публично на съезде против «Борьбы», и отступать в этом вопросе было невозможно.

Когда ОК (в послеобеденном заседании) заявил съезду о своем решении, Т заявил в свою очередь о своем протесте. Южнорабоченский член ОК обрушился тогда на Т, обвиняя его в нарушении дисциплины (!), ибо ОК постановил на съезде этого не раскрывать (sic![1]). Понятно, что мы (Плеханов, *Мартов* и я) обрушились тогда со всей энергией против ОК, обвиняя его в восстановлении императивных мандатов, в нарушении суверенности съезда и т. д. Съезд встал на нашу сторону, ОК был разбит, была принята резолюция, отнимающая у ОК в качестве коллегии право влиять на состав съезда.

Таков был «инцидент с ОК». Во-1-х, он окончательно подорвал у многих искряков политическое доверие к N (и укрепил доверие к Т), во-2-х, он не только доказал, но и *показал* воочию, как шатко еще искровское направление даже в таком центральном, архи-будто бы-искровском, учреждении, как ОК. Стало ясно, что кроме бундиста, в ОК есть еще 1) южнорабоченцы с их особой политикой; 2) «искровцы, стыдящиеся быть искровцами», и только *частью* (3) искровцы, сего не стыдящиеся. Когда южнорабоченцы пожелали объясниться с редакцией «Искры» (приватно, конечно) по поводу этого печального инцидента — *товарищ N, очень важно заметить это, не выразил тогда никакого желания объясниться,* — то редакция объяснялась с ними, причем я прямо сказал южнорабоченцам, что съезд вскрыл окончательно этот крупный политический факт: наличность в партии многих искровцев, стыдящихся быть искровцами, и способных, просто в пику «Искре», выкинуть такое коленце, как приглашение Рязанова. Со стороны N меня так возмутило это коленце, после речи N в комиссии *против* «Борьбы», что я публично на съезде сказал: «товарищи, бывавшие на заграничных конгрессах, знают, какую бурю возмущения вызывают всегда там люди, говорящие в комиссиях одно, а на съезде другое»[2]. Такие «искровцы», которые боялись бундовских «упреков», что они «ставленники «Искры»», и *из-за*

[1] — так! — *Ред.*
[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 439.— *Ред.*

этого только выкидывали *политические коленца* против «Искры», не могли, разумеется, вызывать доверия к себе.

Общее недоверие искровцев к N возросло в громадной степени, когда попытка Мартова объясниться с N привела к *заявлению N о выходе его, N, из организации «Искры»!!* С этого момента «дело» об N переходит в организацию «Искры», члены которой были возмущены *таким* выходом, и организация имела *4 заседания* по этому вопросу. Заседания эти, особенно последнее, чрезвычайно важны, ибо в них окончательно сформировался раскол внутри искряков по вопросу, *главным образом,* о составе ЦК.

Но прежде чем перейти к рассказу об этих (приватных и неформальных, повторю еще раз) заседаниях организации «Искры», скажу о работах съезда. Работы эти велись дружно тем временем, в смысле единого выступления всех искряков, и по 1-му пункту порядка дня (место Бунда в партии) и по 2-му (программа) и по 3-му (утверждение ЦО партии). Согласие искровцев обеспечивало крупное сплоченное большинство на съезде (компактное большинство, как выражались бундовцы с огорчением!), причем «нерешительные» (или «болото») и южнорабоченцы и тут не раз проявляли себя в мелочах своей полной неустойчивостью. Политическая группировка не вполне искровских элементов съезда выяснялась все более и более.

Возвращаюсь к заседаниям организации «Искры». На первом заседании было решено попросить у N объяснений, предоставив этому N указать, в каком составе организации «Искры» он, N, хочет с ней объясняться. Я решительно протестовал против такой постановки вопроса, требуя отделения политического вопроса (о недоверии искряков к N на данном съезде в политическом отношении) и личного вопроса (назначить комиссию для расследования причин странного поведения N). На 2-ом заседании было доложено, что N хочет объясняться *без Т,* хотя N намерен-де не говорить ничего лично о Т. Я протестовал вторично, отказываясь от участия в таком объяснении, когда не-член организации устраняет, хотя бы на секунду, члена, говоря однако не о нем; я видел в этом недостойную игру и пощечину, наносимую N-ом организации: N не доверяет организации даже

настолько, чтобы ей предоставить определить условия объяснения! В 3-ем заседании имело место «объяснение» N, объяснение, которое *не удовлетворило* большинство участников объяснения. 4-ое заседание произошло при полном составе всех искряков, но этому заседанию *предшествовал* ряд важных эпизодов съезда.

Во-первых, стоит отметить эпизод с «равноправием языков». Дело шло о принятии программы, о формулировке требования равенства и равноправности в отношении языков. (Каждый пункт программы обсуждался и принимался отдельно, бундисты чинили тут **отчаянную** обструкцию и чуть ли не $^2/_3$ съезда, по времени, ушло на программу!) Бундистам удалось здесь поколебать ряды искряков, внушив части их мысль, что «Искра» не хочет «равноправия языков»,— тогда как на деле редакция «Искры» не хотела лишь этой, неграмотной, по ее мнению, несуразной и лишней формулировки. Борьба вышла отчаянная, съезд разделился *пополам,* на *две равные половины* (кое-кто воздерживался): на стороне «Искры» (и редакции «Искры») было около 23-х голосов (может быть 23—25, не помню точно), и столько же против. Вопрос пришлось отложить, сдать в комиссию, которая нашла формулу, принятую всем съездом *единогласно.* Инцидент с равноправием языков важен тем, что он вскрыл еще и еще раз шаткость искризма, вскрыл окончательно шаткость и нерешительных (которых именно тогда, если не ошибаюсь, и именно искровцы мартовского толка *сами* прозвали *болотом!)* и южнорабоченцев, которые все были против «Искры». Страсти разгорелись отчаянно и *резкие* слова бросались *без числа* против южнорабоченцев искряками, *особенно мартовцами.* Один «лидер» мартовцев чуть до скандала не дошел с южнорабоченцами во время перерыва, и я поспешил тогда возобновить заседание (по настоянию Плеханова, боявшегося драки). Важно отметить, что и из этих, наиболее стойких, 23 искряков, мартовцы (т. е. позднее пошедшие за Мартовым искряки) были в *меньшинстве.*

Другой эпизод — борьба из-за § 1 «устава партии». Это был уже п. 5-ый Tagesordnung'a[1], близко к концу съезда. (Принята была, по п. 1, резолюция против фе-

[1] — порядка дня.— *Ред.*

дерализма; по п. 2 — программа; по п. 3-му признание «Искры» Центральным Органом партии[1], по п. 4-му выслушаны «делегатские доклады», часть их, а остальная сдана в комиссию, ибо выяснилось, что у съезда не остается уже времени (денежные средства и личная сила были исчерпаны).)

Пункт 1-ый устава определяет понятие члена партии. В моем проекте это определение было таково: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным *участием в одной из партийных организаций»*. Мартов же вместо подчеркнутых слов предлагал сказать: *работой под контролем и руководством одной из партийных организаций*. За мою формулировку стал Плеханов, за мартовскую — остальные члены редакции (за них говорил на съезде Аксельрод). Мы доказывали, что необходимо *сузить* понятие члена партии для отделения работающих от болтающих, для устранения организационного хаоса, для устранения такого безобразия и такой нелепости, чтобы могли быть организации, состоящие из членов партии, но не являющиеся партийными организациями, и т. д. Мартов стоял за *расширение* партии и говорил о широком классовом движении, требующем широкой — расплывчатой организации и т. д. Курьезно, что почти все сторонники Мартова ссылались, в защиту своих взглядов, на «Что делать?»[2]! Плеханов горячо восстал против Мартова, указывая, что его

---

[1] Очень важно иметь в виду, что в Tagesordnung съезда, принятом, по моему докладу, *в ОК* и *утвержденном съездом*, стояли 2 отдельных пункта: *п. 3.* «Создание ЦО партии или утверждение такового» и *п. 24.* «Выборы центральных учреждений партии». Когда один рабочеделец спросил (по п. 3), кого мы утверждаем, заголовок, что ли? редакции мы не знаем даже!, то *Мартов* взял слово и объяснил, что утверждается *направление* «Искры», независимо от состава лиц, что состав редакции этим отнюдь не предрешается, ибо выборы центральных учреждений предстоят по п. 24, и всякие императивные мандаты отменены.

Эти слова Мартова (по п. 3, *до раскола искряков)* очень и очень важны.

Разъяснение Мартова вполне соответствовало *общему* нашему пониманию значения п. 3 и п. 24 Tagesordnung'а.

После 3-го пункта Мартов в речах не раз даже употреблял на съезде выражение: *бывшие* члены редакции «Искры».

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 319—494.— *Ред.*

жоресистская формулировка открывает двери оппортунистам, только и жаждущим этого положения в партии и вне организации. «Под контролем и руководством» — говорил я — означают на деле не больше и не меньше, как: *без всякого контроля и без всякого руководства.* Мартов одержал тут *победу:* принята была (большинством около 28 голосов против 23 или в этом роде, не помню точно) его формулировка, *благодаря* Бунду, который, конечно, сразу смекнул, где есть щелочка, и всеми своими *пятью* голосами провел «что̀ похуже» (делегат от «Рабочего Дела» именно так и мотивировал свой вотум за Мартова!). Горячие споры о § 1 устава и баллотировка еще раз выяснили политическую группировку на съезде и показали наглядно, что Бунд + «Рабочее Дело» могут *решить судьбу* любого решения, поддерживая меньшинство искровцев против большинства.

После споров и баллотировки § 1 устава имело место *последнее* (4-ое) заседание организации «Искры». Разногласие между искряками по вопросу о личном составе ЦК выяснилось уже вполне и вызвало раскол в их рядах: одни стояли за искровский ЦК (ввиду распущения организации «Искры» и группы «Освобождение труда» и необходимости доделать искровское дело), другие — за допущение и южнорабоченцев и за преобладание искровцев «зигзаговой линии». Одни были безусловно против кандидатуры N, другие за. Чтобы последний раз попытаться столковаться, и собрали это *собрание 16-ти* (членов организации «Искры», причем считались, повторяю, и совещательные голоса). Голосование дало такие результаты: против N — 9 голосов, за — 4, остальные воздержались. Затем большинство, не желая все же войны с меньшинством, предложило список примирения, из 5 лиц, в том числе 1 южнорабоченец (угодный меньшинству) и один боевой член меньшинства, остальные же искровцы последовательные (из коих — это важно — один участвовал в съездовой драке лишь в конце ее и был собственно беспристрастен, двое же не участвовали в драках вовсе и были в личном вопросе абсолютно беспристрастны). За этот список поднялось 10 рук (потом прибавился еще один и стало 11), против — 1 (только один Мартов!), остальные воздержались! Примирительный список, следовательно, был сорван *Мартовым.*

После этого вотировались еще 2 «боевых» списка той и другой стороны, но оба собрали лишь меньшинство голосов.

Итак, в последнем собрании организации «Искры» мартовцы *по обоим вопросам остались в меньшинстве,* и тем не менее они объявили войну, когда один член большинства (беспристрастный или председатель) пошел к ним после собрания, чтобы сделать последнюю попытку соглашения.

Расчет мартовцев был ясен и *верен:* бундовцы и рабочедельцы, несомненно, поддержали бы список *зигзаговой линии,* ибо за месяц заседаний съезда все вопросы так выяснились, все личности так обрисовались, что *ни единый* член съезда не затруднился бы выбрать: что лучше или какое из зол меньше. А для Бунда + «Рабочее Дело», разумеется, зигзаговые искровцы были меньшим злом и всегда им будут.

После собрания 16-ти, когда искровцы окончательно разошлись и война между ними была объявлена, начинаются собрания двух партий, на которые раскололся съезд, т. е. частные, неофициальные свидания всех единомыслящих. Искровцы последовательной линии собирались сначала в числе 9 (9 из 16), потом 15, наконец *24,* считая *решающие голоса, а не лиц.* Такой быстрый рост объяснялся тем, что списки (ЦК) стали уже ходить и списки мартовцев отталкивали громадное большинство искряков сразу и бесповоротно, как списки дряблые: кандидаты, проводимые Мартовым, зарекомендовали себя на съезде с безусловно отрицательной стороны (вилянье, невыдержанность, бестактность etc.). Это, во-1-х; во-2-х, разъяснение искрякам того, что̀ происходило в организации «Искры», привлекало их в массе случаев на сторону большинства, и неуменье Мартова выдержать определенную политическую линию выяснилось для всех и каждого. Поэтому 24 голоса сплотились легко и быстро на последовательной искровской тактике, на списке в ЦК, на выборе тройки в редакцию (вместо утверждения старой, неработоспособной и расплывчатой шестерки).

Съезд в это время кончил обсуждение устава, причем Мартов и К° еще раз (и даже не раз, а несколько раз) *победили* большинство искряков *при благородном содействии Бунда + «Рабочего Дела»* — напр., по

вопросу о кооптации в центры (вопрос этот решен был съездом *в духе Мартова*).

Несмотря на эту порчу устава, весь устав в целом был принят всеми искряками и всем съездом. Но после общего устава перешли к уставу Бунда, и съезд отверг *подавляющим* большинством голосов предложение Бунда (признать Бунд *единственным* представителем еврейского пролетариата в партии). Кажется, один Бунд стал здесь почти против всего съезда. Тогда *бундисты ушли со съезда, заявив о выходе из партии.* У мартовцев убыло пять их верных союзников! Затем и рабочедельцы ушли, когда Заграничная лига русской революционной социал-демократии была признана *единственной* партийной организацией за границей. У мартовцев убыло еще 2 их верных союзника! Получилось всего на съезде 44 (51—7) решающих голоса, и из них *большинство* последовательных искряков (24); коалиция же мартовцев с южнорабоченцами и с «болотом» вместе давала лишь 20 голосов.

Зигзаговой линии искровцев предстояло подчиниться,— как подчинялись, без единого слова, искровцы твердой линии, когда их *бил* и разбил Мартов коалицией с Бундом. Но мартовцы зарвались уже до того, что вместо подчинения пошли на скандал и на раскол.

Скандалом было возбуждение вопроса об утверждении старой редакции, ибо достаточно заявления хоть одного редактора, чтобы съезд обязан был *рассмотреть* весь целиком вопрос о составе ЦО, не ограничиваясь простым утверждением. Шагом к расколу был *отказ* от выбора ЦО и ЦК.

Сначала о выборе редакции. В Tagesordnung'е стояло, как уже было указано выше, по п. 24: *выбор* централь*ных* учреж*дений* партии. А в *моем* комментарии к Tagesordnung[1] (комментарий этот был известен *всем искрякам задолго до съезда* и *всем членам* съезда) стояло на полях: выбор *3-х лиц в ЦО* и 3-х в ЦК. Следовательно не подлежит никакому сомнению, что из недр редакции вышло требование выбирать тройку и *никем* из редакции опротестовано оно не было. Даже

[1] *Комментарием к Tagesordnung* Ленин называет свои замечания к проекту регламента и порядка дня II съезда партии, озаглавленному им «Программа II очередного съезда Росс. СДРП» (см. Ленинский сборник VI, стр. 54—60).— *Ред.*

Мартов и другой лидер мартовцев защищали эти «две тройки» перед *целым рядом делегатов* еще до съезда.

Я лично, за несколько недель до съезда, заявил Староверу [1] и Мартову, что потребую на съезде *выбора* редакции; я согласился на выбор 2-х троек, причем имелось в виду, что редакционная тройка *либо* кооптирует 7 (а то и больше) лиц, *либо* останется одна (последняя возможность была специально оговорена мною). Старовер прямо даже сказал, что тройка значит: Плеханов + Мартов + Ленин, и я *согласился* с ним,— до такой степени для всех и всегда было ясно, что только такие лица в руководители и могут быть выбраны. Надо было озлиться, обидеться и потерять голову после борьбы на съезде, чтобы приняться задним числом нападать на целесообразность и дееспособность тройки. Старая шестерка до того была недееспособна, что она *ни разу за три года* не собралась в полном составе — это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров «Искры» не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И *ни разу* не возбуждался *крупный* теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (ноль статей в «Заре» [2] и 3—4 во всех 45-ти №№ «Искры»). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы. Кого следует выбрать в *политические руководители*, в *центр*,— это было ясно как день для всякого члена съезда, после месячных его работ.

Перенесение на съезд вопроса об утверждении старой редакции было *нелепым провоцированием на скандал.*

Нелепым,— ибо оно было бесцельно. Если бы даже утвердили шестерку,— один член редакции (я, например) потребовал бы переборки коллегии, разбора внут-

---

[1] *Старовер* — псевдоним меньшевика А. Н. Потресова.— *Ред.*

[2] *«Заря»* — марксистский научно-политический журнал, издавался легально редакцией «Искры» в 1901—1902 гг. в Штутгарте. Вышло 4 номера. Журнал «Заря» выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В «Заре» было напечатано несколько статей В. И Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»», «Аграрная программа русской социал-демократии» и другие, а также теоретические статьи Г. В. Плеханова.— *Ред.*

ренних ее отношений, и съезд обязан был бы начать дело сначала.

Провоцированием на скандал,— ибо *неутверждение* должно было быть понято *как обида,*— тогда как выбор заново ровнехонько ничего обидного в себе не включал. Выбирают ЦК,— пусть выберут и ЦО. Нет речи об утверждении ОК,— пусть не будет речи и об утверждении старой редакции.

Но понятно, что, *потребовав* утверждения, мартовцы *вызвали* этим протест на съезде, протест был воспринят как *обида,* оскорбление, *вышибание,* отстранение... и началось сочинение всех ужастей, которыми питается теперь фантазия досужих сплетников!

Редакция ушла со съезда на время обсуждения вопроса о выборе или утверждении. После отчаянно-страстных дебатов *съезд решил: старая редакция не утверждается*[1].

Только после этого решения *бывшие* члены редакции вошли в залу. Мартов встает тогда и отказывается от выбора *за себя* и за своих коллег, говоря всякие страшные и жалкие слова об «осадном положении в партии» (для невыбранных министров?), об «исключительных законах против отдельных лиц и групп» (вроде лиц, от имени «Искры» подносящих ей Рязанова и говорящих в комиссии одно, на съезде другое?).

Я отвечал ему, указывая *невероятное смешение политических понятий,* приводящее к протесту против выбора, против переборки съездом коллегий должностных лиц партии[2].

Выборы дали: Плеханов, Мартов, Ленин. *Мартов опять отказался.* Кольцов (имевший 3 голоса) тоже отказался. Съезд принял тогда резолюцию, поручающую двум членам редакции ЦО кооптировать себе 3-го, *когда они найдут подходящее лицо.*

После этого выбраны три члена ЦК *и только один из них назван съезду* счетчиком записок,— а также выбран (тайно, записками) пятый член Совета партии.

---

[1] Один мартовец держал *такую* речь при этом, что один делегат закричал после нее секретарю: вместо точки поставь в протоколе слезу! Защищали старую редакцию особенно горячо наиболее *«болотные»* люди.

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 460.— *Ред.*

Мартовцы и все «болото» за ними *не подавали записок* и подали об этом письменное заявление в бюро.

Это был явный шаг к расколу, к *сорванию съезда*, к непризнанию партии. Но когда один южнорабоченец прямо и заявил, что *сомневается* (sic!) в законности решений съезда, то Мартов устыдился и опроверг его, *заявив публично, что в законности решений не сомневается.*

К сожалению, этим хорошим и лояльным словам Мартова не соответствовали его (и мартовцев) дела и поступки...

Съезд сдал затем в «протокольную комиссию» вопрос об опубликовании протоколов и принял 11 резолюций тактических:

1) О демонстрациях.
2) » профессиональном движении.
3) » работе среди сектантства.
4) » » » учащейся молодежи.
5) » поведении на допросах.
6) » фабричных старостах.
7) » международном конгрессе 1904 г. в Амстердаме.
8) » либералах (Старовера).
9) » либералах (Плеханова).
10) » социалистах-революционерах.
11) » партийной литературе.

Затем съезд был закрыт председателем после краткой речи, напоминающей всем об обязательности решений съезда.

Рассматривая поведение мартовцев после съезда, их отказ от сотрудничества *(о коем редакция ЦО их официально просила)*, их *отказ* от работы на ЦК, их пропаганду бойкота,— я могу только сказать, что это безумная, недостойная членов партии попытка разорвать партию... из-за чего? *Только* из-за недовольства составом центров, ибо *объективно т о л ь к о* на этом мы разошлись, а субъективные оценки (вроде обиды, оскорбления, вышибания, отстранения, пятнания etc. etc.) *есть плод обиженного самолюбия и больной фантазии.*

Эта больная фантазия и обиженное самолюбие приводят прямо к позорнейшим *сплетням*, когда, *не зная и не видя еще деятельности новых центров*, распространяют слухи об их «недееспособности», об «ежовых

рукавицах» Ивана Ивановича, о «кулаке» Ивана Никифоровича и т. д.

Доказывание «недееспособности» центров *посредством бойкота их* есть невиданное и неслыханное нарушение *партийного долга*, и никакие софизмы не могут скрыть этого: *бойкот есть шаг к разрыву партии*.

Русской социал-демократии приходится пережить последний трудный переход к *партийности* от кружковщины, к *сознанию революционного долга* от обывательщины, к *дисциплине* от действования путем сплетен и кружковых давлений.

Кто ценит партийную работу и *дело* на пользу социал-демократического рабочего движения, тот не допустит таких жалких софизмов, как «правомерный» и «лояльный» бойкот центров, тот не допустит, чтобы дело страдало и работа останавливалась из-за недовольства десятка лиц на то, что они и их приятели не попали в центры,— тот не допустит, чтобы на должностных лиц партии воздействовали приватно и тайно путем угрозы не-сотрудничать, путем бойкота, путем пресечения денежных средств, путем сплетен и лживых россказней.

Написано в первой половине сентября 1903 г.
Впервые напечатано в 1927 г. в Ленинском сборнике VI.

В. И. Ленин, Сочинения, 4 изд., т. 7, стр. 1—19.

Н. К. КРУПСКАЯ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ

В июне 1902 г. в Белостоке состоялась организованная Бундом (Борисом) конференция, которая вся провалилась, кроме петербургского делегата. В связи с ней провалились Бауман и Сильвин. На этой конференции решено было образовать организационный комитет по созыву съезда. Дело, однако, затянулось. Нужно было представительство от местных организаций, но они носили еще крайне неоформленный, неоднородный характер. В Питере, например, организация делилась на рабочий комитет (Маня) и интеллигентский (Ваня). Рабочий комитет должен был по преимуществу вести экономическую борьбу, интеллигентский — вести высокую политику. Впрочем, эта высокая политика была довольно-таки мелкотравчатая и больше напоминала либеральную политику, чем революционную. Такая структура выросла на почве экономизма: принципиально разбитый наголову экономизм прочно держался еще на местах.

«Искра» по достоинству оценила значение такой структуры. Особая роль в борьбе за правильную структуру организаций принадлежит Владимиру Ильичу. Его «Письмо к Ереме[1]», или, как оно называется в литературе, «Письмо к товарищу»[2] (о нем скажу дальше), сыграло исключительную роль в деле организации партии. Оно помогло орабочению партии, втягиванию в разрешение всех жгучих вопросов политики рабочих, разбило ту стену, которая была воздвигнута рабочедельцами между рабочим и интеллигентом. Зиму 1902/03 г. в организациях была отчаянная борьба направлений, искровцы завоевывали постепенно положение, но бывало и так, что их «вышибали».

Владимир Ильич направлял борьбу искровцев, предостерегая их от упрощенного понимания централизма, борясь со склонностью видеть в каждой живой самостоятельной работе «кустарничество». Вся эта работа Владимира Ильича, так глубоко повлиявшая на качественный состав комитетов, мало известна молодежи, а между тем именно она определила лицо нашей партии, заложила основы ее теперешней организации.

Рабочедельцы-экономисты были особенно озлоблены на эту борьбу, лишавшую их влияния, и негодовали на «командование» со стороны заграницы. Для переговоров по организационным вопросам 6 августа приехал из Питера т. Краснуха с паролем: «Читали ли вы «Гражданин» № 47?» С тех пор он пошел у нас под кличкой Гражданин. Владимир Ильич много говорил с ним о питерской организации, ее структуре. В совещании принимали участие П. А. Красиков (он же Музыкант, Шпилька, Игнат, Панкрат) и Борис Николаевич (Носков). Из Лондона Гражданина отправили в Женеву потолковать с Плехановым и окончательно «объискриться». Через пару недель пришло письмо из Питера от Еремы, высказывавшего свои соображения о том, как должна быть организована работа на местах. Не видно было по письму, был ли Ерема отдельный пропагандист или группа пропагандистов. Но это было неважно. Владимир Ильич стал обдумывать ответ. Ответ разросся в брошюру «Письмо к товарищу о наших организацион-

[1] *Ерема* — А. А. Шнеерсон; после II съезда РСДРП меньшевик.— *Ред.*

[2] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 205—224.— *Ред.*

ных задачах». Оно было сначала отпечатано на гектографе и распространено, а затем в июне 1903 г. издано нелегально Сибирским комитетом.

В начале сентября 1902 г. приехал Бабушкин, бежавший из екатеринославской тюрьмы. Ему и Горовицу помогли бежать из тюрьмы и перейти границу какие-то гимназисты, выкрасили ему волосы, которые скоро превратились в малиновые, обращавшие на себя всеобщее внимание. И к нам он приехал малиновый. В Германии попал в лапы к комиссионерам, и еле-еле удалось ему избавиться от отправки в Америку. Поселили мы его в коммуну, где он и прожил все время своего пребывания в Лондоне. Бабушкин за это время страшно вырос в политическом отношении. Это уже был закаленный революционер, с самостоятельным мнением, перевидавший массу рабочих организаций, которому нечего было учиться, как подходить к рабочему,— сам рабочий. Когда он пришел несколько лет перед тем в воскресную школу,— это был совсем неопытный парень. Помню такой эпизод. Был он в группе сначала у Лидии Михайловны Книпович. Шел урок родного языка, подбирали какие-то грамматические примеры. Бабушкин написал на доске: «У нас на заводе скоро будет стачка». После урока Лидия отозвала его в сторону и наворчала на него: «Если хотите быть революционером, нельзя рисоваться тем, что ты революционер, надо иметь выдержку» и т. п. Бабушкин покраснел, но потом смотрел на Лидию как на лучшего друга, часто советовался с ней о делах и как-то по-особенному говорил с ней.

В то время в Лондон приехал Плеханов. Было устроено заседание совместно с Бабушкиным. Речь шла о русских делах. У Бабушкина было свое мнение, которое он защищал очень твердо и так держался, что стал импонировать Плеханову. Георгий Валентинович стал внимательнее в него вглядываться. О своей будущей работе в России Бабушкин говорил, впрочем, только с Владимиром Ильичем, с которым был особенно близок. Еще помню один маленький, но характерный эпизод. Дня через два после приезда Бабушкина, придя в коммуну, мы были поражены царившей там чистотой,— весь мусор был прибран, на столах постланы газеты, пол подметен. Оказалось, порядок водворил Бабушкин. «У русского интеллигента всегда грязь — ему прислуга

нужна, а сам он за собой прибирать не умеет»,— сказал Бабушкин.

Он скоро уехал в Россию. Потом мы его уже не видали. В 1906 г. он был захвачен в Сибири с транспортом оружия и вместе с товарищами расстрелян у открытой могилы.

Еще до отъезда Бабушкина приехали в Лондон бежавшие из киевской тюрьмы искровцы: Бауман, Крохмаль, Блюменфельд, везший в Россию чемодан с литературой, провалившийся на границе с чемоданом и адресами и потом отвезенный в киевскую тюрьму, Валлах (Литвинов, Папаша), Тарсис (он же Пятница).

Мы знали, что готовится в Киеве побег из тюрьмы. Дейч, только что появившийся на горизонте, спец по побегам, знавший условия киевской тюрьмы, утверждал, что это невозможно. Однако побег удался. С воли переданы были веревки, якорь, паспорта. Во время прогулки связали часового и надзирателя и перелезли через стену. Не успел бежать только последний по очереди — Сильвин, державший надзирателя.

Несколько дней прошли как в чаду.

В половине августа пришло письмо из редакции «Южного рабочего», популярного нелегального рабочего органа, сообщившее о провалах на юге и о том, что редакция желает вступить с организацией «Искры» и «Зари» в самые тесные сношения и заявляет о своей солидарности во взглядах. Это, конечно, было большим шагом вперед в деле объединения сил. Однако в следующем письме «Южный рабочий» выражал недовольство резкостью полемики «Искры» с либералами. Затем началась речь о том, что литературная группа «Южного рабочего» должна и впредь сохранить свою самостоятельность и т. д. Чувствовалось, что не все договаривается до конца.

Самарцы выяснили путем переговоров, что у «Южного рабочего» была: 1) недооценка крестьянского движения, 2) недовольство резкостью полемики с либералами и 3) желание остаться обособленной группой и издавать свой орган, популярный.

В начале октября в Лондон приехал бежавший из Сибири Троцкий. Он считал себя тогда искровцем. Владимир Ильич приглядывался к нему, много расспрашивал его про впечатления от русской работы. Троц-

кого звали на работу в Россию, но Владимир Ильич считал, что ему надо остаться за границей, подучиться и помогать работе «Искры». Троцкий поселился в Париже.

Приехала из ссылки в Олёкме Екатерина Михайловна Александрова (Жак). Раньше она была видной народоволкой, и это наложило на нее определенную печать. Она не походила на наших пылких, растрепанных девиц, вроде Димки, была очень выдержанна. Теперь она была искровкой; то, что она говорила, было умно.

К старым революционерам, к народовольцам, Владимир Ильич относился с уважением.

Когда приехала Екатерина Михайловна, на отношение к ней Владимира Ильича не осталось без влияния то, что она бывшая народоволка, а вот перешла к искровцам. Я и совсем смотрела на Екатерину Михайловну снизу вверх. Перед тем как стать окончательно социал-демократкой, я пошла к Александровым (Ольминским) просить кружок рабочих. На меня произвела тогда колоссальное впечатление скромная обстановка, всюду наваленные статистические сборники, молча сидевший в глубине комнаты Михаил Степанович и горячие речи Екатерины Михайловны, убеждавшей меня стать народоволкой. Я рассказывала об этом Владимиру Ильичу перед приездом Екатерины Михайловны. У нас началась полоса увлечения ею. У Владимира Ильича постоянно бывали такие полосы увлечения людьми. Подметит в человеке какую-нибудь ценную черту и вцепится в него. Екатерина Михайловна поехала из Лондона в Париж. Искровкой она оказалась не очень стойкой: на II партийном съезде не без ее участия плелась сеть оппозиции против «захватнических» намерений Ленина, потом она была в примиренческом ЦК, затем сошла с политической сцены.

Из приезжавших в Лондон из России товарищей помню еще Бориса Гольдмана (Адель) и Доливо-Добровольского (Дно).

Бориса Гольдмана я еще знала по Питеру, где он работал по технике, печатая листки «Союза борьбы». Человек чрезвычайно колеблющийся, в то время он был искровцем. Дно поражал своей тихостью. Сидит, бывало, тихо, как мышь. Он вернулся в Питер, но скоро сошел с ума, а потом, выздоровев наполовину, застре-

лился. Трудна тогда была жизнь нелегала, не всякий мог ее вынести.

Всю зиму шла усиленная работа по подготовке съезда. В декабре 1902 г. конституировался организационный комитет по подготовке съезда (в ОК вошли представители «Южного рабочего», Северного союза, Краснуха, И. И. Радченко, Красиков, Ленгник, Кржижановский; Бунд вначале воздержался от вхождения).

Название «организационный» соответствовало сути дела. Без ОК никогда не удалось бы созвать съезд. Нужно было при труднейших полицейских условиях произвести сложную работу по увязке, организационной и идейной, только еще оформившихся и продолжавших оформляться коллективов, по увязке мест с заграницей. Вся работа по сношениям с ОК в подготовке съезда фактически легла на Владимира Ильича. Потресов был болен, его легкие не были приспособлены к лондонским туманам, и он где-то лечился. Мартов тяготился Лондоном, его замкнутой жизнью и, поехав в Париж, застрял там. Должен был жить в Лондоне Дейч, бежавший с каторги старый член группы «Освобождение труда». Группа «Освобождение труда» надеялась на него, как на крупного организатора. «Вот приедет Женька (кличка Дейча),— говорила Вера Ивановна [1],— он наладит все сношения с Россией как нельзя лучше». На него надеялись и Плеханов и Аксельрод, считая, что это будет их представитель в редакции «Искры», который за всем будет следить. Однако, когда приехал Дейч, оказалось, что долгие годы оторванности от русских условий наложили на него свой отпечаток. Для сношений с Россией он оказался совершенно неприспособленным, не знал новых условий, его тянуло к людям, он вошел в Заграничную лигу русских социал-демократов [2], повел широкие сношения с заграничными колониями и тоже вскоре уехал в Париж.

---

[1] Вера Ивановна Засулич.— *Ред.*

[2] *Заграничная лига русской революционной социал-демократии* была основана по инициативе В. И. Ленина в октябре 1901 г. В состав Лиги вошли заграничный отдел организации «Искры» — «Зари» и организация «Социал-Демократ» (включавшая в себя группу «Освобождение труда»). Лига издала несколько «Бюллетеней» и брошюр, в том числе брошюру В. И. Ленина «К деревенской бедноте». После II съезда РСДРП в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели оттуда борьбу против Ленина, против большевиков.— *Ред.*

Постоянно жила в Лондоне Вера Ивановна, она охотно слушала рассказы о русской работе, но сама вести сношения с Россией не могла, не умела. Все легло на Владимира Ильича. Переписка с Россией ужасно трепала ему нервы. Ждать неделями, месяцами ответов на письма, ждать постоянно провала всего дела, постоянно пребывать в неизвестности, как развертывается дело,— все это как нельзя менее соответствовало характеру Владимира Ильича. Его письма в Россию переполнены просьбами писать аккуратно: «Еще раз усердно и настоятельно просим и молим писать нам чаще и подробнее,— в частности, немедленно, непременно в тот же день, как получится письмо, известить нас хоть парой строк о его получении...» Переполнены письма просьбами действовать скорее. Ночи не спал Ильич после каждого письма из России, сообщавшего о том, что «Соня молчит, как убитая», или что «Зарин вовремя не вошел в комитет», или что «нет связи со Старухой». Остались у меня в памяти эти бессонные ночи. Владимир Ильич страстно мечтал о создании единой сплоченной партии, в которой растворились бы все обособленные кружки со своими основывавшимися на личных симпатиях и антипатиях отношениями к партии, в которой не было бы никаких искусственных перегородок, в том числе и национальных. Отсюда борьба с Бундом. Бунд в то время в своем большинстве стоял на рабочедельской точке зрения. И Владимир Ильич не сомневался, что, если Бунд войдет в партию и сохранит только автономию в своих чисто национальных делах, ему неминуемо придется идти в ногу с партией. А Бунд хотел сохранить за собой полную самостоятельность во всех вопросах, он говорил о своей, особой от РСДРП, политической партии, он соглашался примкнуть лишь на федеративных началах. Такая тактика была убийственна для еврейского пролетариата. В одиночку еврейский пролетариат не мог никогда победить. Только слившись с пролетариатом всей России, мог он стать силой. Бундовцы этого не понимали. И потому редакция «Искры» вела с Бундом ярую борьбу. Это была борьба за единство, за сплоченность рабочего движения. Борьбу вела вся редакция, но бундовцы знали, что самым страстным сторонником борьбы за единство является Владимир Ильич.

Вскоре группа «Освобождение труда» вновь поставила вопрос о переезде в Женеву, и на этот раз уже один только Владимир Ильич голосовал против переезда туда. Начали собираться. Нервы у Владимира Ильича так разгулялись, что он заболел тяжелой нервной болезнью — «священный огонь»,— которая заключается в том, что воспаляются кончики грудных и спинных нервов.

Когда у Владимира Ильича появилась сыпь, взялась я за медицинский справочник. Выходило, что по характеру сыпи это стригущий лишай. Тахтарев — медик не то четвертого, не то пятого курса — подтвердил мои предположения, и я вымазала Владимира Ильича йодом, чем причинила ему мучительную боль. Нам и в голову не приходило обратиться к английскому врачу, ибо платить надо было гинею. В Англии рабочие обычно лечатся своими средствами, так как доктора очень дороги. Дорогой в Женеву Владимир Ильич метался, а по приезде туда свалился и пролежал две недели.

Из работ, которые не нервировали Владимира Ильича в Лондоне, а дали ему известное удовлетворение, было писание брошюры «К деревенской бедноте» [1]. Крестьянские восстания 1902 г. привели Владимира Ильича к мысли о необходимости написать брошюру для крестьян. В ней он растолковывал, чего хочет рабочая партия, объяснял, почему крестьянской бедноте надо идти с рабочими. Это была первая брошюра, в которой Владимир Ильич обращался к крестьянству.

ЖЕНЕВА

1903 г.

В апреле 1903 г. мы переехали в Женеву.

В Женеве мы поселились в пригороде, в рабочем поселке Séchéron,— целый домишко заняли: внизу большая кухня с каменным полом, наверху три маленькие комнатушки. Кухня была у нас и приемной. Недостаток мебели пополнялся ящиками из-под книг и посуды. Игнат (Красиков) в шутку назвал как-то нашу кухню «притоном контрабандистов». Толчея у нас сразу образовалась непротолченная. Когда надо было с кем потол-

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 325—392.— *Ред.*

ковать в особицу, уходили в рядом расположенный парк или на берег озера.

Понемногу стали съезжаться делегаты. Приехали Дементьевы. Костя (жена Дементьева) прямо поразила Владимира Ильича своими познаниями транспортного дела. «Вот это настоящий транспортер! — повторял он,— вот это дело, а не болтовня». Приехала Любовь Николаевна Радченко, с которой мы лично были очень близко связаны, разговорам не было конца. Потом приехали ростовские делегаты — Гусев и Локерман, затем Землячка, Шотман (Берг), Дяденька, Юноша (Дмитрий Ильич)[1]. Каждый день кто-нибудь приезжал. С делегатами толковали по вопросам программы, Бунда, слушали их рассказы. У нас постоянно сидел Мартов, не устававший говорить с делегатами.

Надо было осветить делегатам позицию «Южного рабочего», который, прикрываясь фирмой популярной газеты, хотел сохранить для себя право на обособленное существование. Надо было выяснить, что при условии нелегального существования популярная газета не может стать массовой, не может рассчитывать на массовое распространение.

В редакции «Искры» пошли всякие недоразумения. Положение стало невыносимым. Делилась редакция обычно на две тройки: Плеханов, Аксельрод, Засулич — с одной стороны, Ленин, Мартов, Потресов — с другой. Владимир Ильич внес опять предложение, которое он вносил уже в марте, о кооптации в редакцию седьмого члена. Временно, до съезда, кооптировали Красикова. В связи с этим Владимир Ильич стал обдумывать вопрос о тройке. Это был очень больной вопрос, и с делегатами об этом не говорилось. О том, что редакция «Искры» в ее прежнем составе стала неработоспособной,— об этом слишком тяжело было говорить.

Приехавшие жаловались на членов ОК: одного обвиняли в резкости, халатности, другого — в пассивности, мелькало недовольство тем, что «Искра»-де стремится слишком командовать, но казалось, что разногласий нет и что после съезда дела пойдут прекрасно.

Делегаты съезжались, не приехали только Клэр и Курц[2].

[1] *Дяденька* — Л. М. Книпович; *Юноша* — Д. И. Ульянов.— *Ред.*

[2] *Клэр* — Г. М. Кржижановский; *Курц* — Ф. В. Ленгник.— *Ред.*

ВТОРОЙ СЪЕЗД

Июль — август 1903 г.

Первоначально съезд предполагалось устроить в Брюсселе, там и происходили первые заседания. В Брюсселе жил в то время Кольцов — старый плехановец. Он взял на себя устройство всего дела. Однако устроить съезд в Брюсселе оказалось не так-то легко. Явка была назначена у Кольцова. Но после того, как к нему пришло штуки четыре россиян, квартирная хозяйка заявила Кольцовым, что больше она этих хождений не потерпит и, если придет еще хоть один человек, пусть они немедленно же съезжают с квартиры. И жена Кольцова стояла целый день на углу, перехватывала делегатов и направляла их в социалистическую гостиницу «Золотой петух» (так она, кажись, называлась).

Делегаты шумным лагерем расположились в этом «Золотом петухе», а Гусев, хватив рюмочку коньяку, таким могучим голосом пел по вечерам оперные арии, что под окнами отеля собиралась толпа (Владимир Ильич очень любил пение Гусева, особенно «Нас венчали не в церкви»).

Со съездом переконспирировали. Бельгийская партия придумала для ради конспирации устроить съезд в громадном мучном складе. Своим вторжением мы поразили не только крыс, но и полисменов. Заговорили о русских революционерах, собирающихся на какие-то тайные совещания.

На съезде было 43 делегата с решающим голосом и 14 с совещательным. Если сравнить этот съезд с теперешними, где представлены в лице многочисленных делегатов сотни тысяч членов партии, он кажется маленьким, но тогда он казался большим: на I съезде 1898 г. было всего ведь 9 человек... Чувствовалось, что за пять лет порядочно ушли вперед. Главное, организации, от которых приехали делегаты, не были уже полумифическими, они были уже оформлены, они были связаны с начинавшим широко развертываться рабочим движением.

Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич! Всю жизнь — до самого конца — он придавал партийным съездам исключительно большое значение; он считал,

что партийный съезд — это высшая инстанция, на съезде должно быть отброшено все личное, ничто не должно быть затушевано, все сказано открыто. К партийным съездам Ильич всегда особенно тщательно готовился, особенно заботливо обдумывал к ним свои речи.

Так же страстно, как Ильич, ждал съезда и Плеханов. Он открывал съезд. Большое окно мучного склада около импровизированной трибуны было завешено красной материей. Все были взволнованы. Торжественно звучала речь Плеханова, в ней слышался неподдельный пафос. И как могло быть иначе! Казалось, долгие годы эмиграции уходили в прошлое, он открывал съезд Российской социал-демократической рабочей партии.

По существу дела II съезд был учредительным. На нем ставились коренные вопросы теории, закладывался фундамент партийной идеологии. На I съезде были приняты только название партии и манифест об ее образовании. Вплоть до II съезда программы у партии не было. Редакция «Искры» эту программу подготовила. Долго обсуждалась она в редакции. Обосновывалось, взвешивалось каждое слово, каждая фраза, шли горячие споры. Между мюнхенской и швейцарской частью редакции месяцами велась переписка о программе. Многим практикам казалось, что эти споры носят чисто кабинетный характер и что совсем не важно, будет стоять в программе какое-нибудь «более или менее» или его стоять не будет.

Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали — сидит человек на корточках и машет как-то нелепо руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе, видит — человек нож о тротуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны — зря люди препираются, вникнуть в суть — дело касается самого существенного. Так и с программой было.

Когда в Женеву стали съезжаться депутаты, больше всего, детальнее всего с ними обсуждался вопрос о программе. На съезде этот вопрос прошел наиболее гладко.

Другой вопрос громадной важности, обсуждавшийся на II съезде, был вопрос о Бунде. На I съезде было постановлено, что Бунд составляет часть партии, хотя и автономную. В течение пяти лет, которые прошли со

времени I съезда, партии как единого целого, в сущности не было, и Бунд вел обособленное существование. Теперь Бунд хотел закрепить эту обособленность, установив с РСДРП лишь федеративные отношения. Подкладка этого заключалась в том, что Бунд, отражая настроение ремесленников еврейских местечек, гораздо больше интересовался борьбой экономической, чем политической, и потому гораздо больше симпатизировал экономистам, чем «Искре». Вопрос шел о том, быть ли в стране единой сильной рабочей партии, тесно сплачивающей вокруг себя рабочих всех национальностей, проживающих на территории России, или же быть в стране нескольким обособленным по национальности рабочим партиям. Вопрос шел об интернациональном сплочении внутри страны. Редакция «Искры» стояла за интернациональное сплочение рабочего класса, Бунд — за национальную обособленность и лишь за дружественные договорные отношения между национальными рабочими партиями России.

Вопрос о Бунде так же детально обсуждался с приехавшими делегатами и также решен был в духе «Искры» громадным большинством.

Позднее факт раскола заслонил перед многими те громадной важности принципиальные вопросы, которые были поставлены и разрешены на II съезде. Владимир Ильич во время обсуждения этих вопросов чувствовал особую близость к Плеханову. Речь Плеханова о том, что основным демократическим принципом должно являться положение «высший закон — благо революции» и что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения этого основного принципа, произвела на Владимира Ильича глубокое впечатление. Он вспоминал о ней, когда 14 лет спустя перед большевиками встал во весь рост вопрос о роспуске Учредительного собрания.

И другая речь Плеханова — о значении народного образования, о том, что оно есть «гарантия прав пролетариата», была созвучна с мыслями Владимира Ильича.

Плеханов на съезде тоже чувствовал близость к Ленину.

Отвечая Акимову, ярому рабочедельцу, жаждавшему посеять рознь между Плехановым и Лениным, Плеханов шутя говорил: «У Наполеона была страстишка разводить

своих маршалов с их женами; иные маршалы уступали ему, хотя и любили своих жен. Тов. Акимов в этом отношении похож на Наполеона,— он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но я проявлю больше характера, чем наполеоновские маршалы; я не стану разводиться с Лениным и надеюсь — и он не намерен разводиться со мной». Владимир Ильич смеялся и отрицательно качал головой.

При обсуждении первого пункта порядка дня (о конституировании съезда), по вопросу о приглашении представителя группы «Борьба» (Рязанов, Невзоров, Гуревич); неожиданно разыгрался инцидент. ОК пожелал выступить на съезде с особым мнением. Дело было вовсе не в группе «Борьба», а в том, что ОК попытался связать своих членов особой дисциплиной — перед лицом съезда. ОК захотел выступить как группа, предварительно решающая в своей среде, как надо голосовать, и выступающая на съезде как группа. Таким образом, высшей инстанцией для члена съезда являлась бы группа, а не сам съезд. Владимир Ильич вскипел прямо от возмущения. Но не только он поддержал Павловича (Красикова), восставшего против такой попытки, поддержали его и Мартов и другие. Хотя ОК был съездом распущен, однако инцидент был знаменателен и предвещал всяческие осложнения. Впрочем, временно инцидент отодвинулся на задний план, поскольку на первый план выдвинулись вопросы колоссальной принципиальной важности — вопрос о месте Бунда в партии и вопрос о программе. По вопросу о Бунде и редакция «Искры», и ОК, и делегаты с мест выступили очень дружно. Представитель «Южного рабочего», член ОК Егоров (Левин) также со всей решительностью выступал против Бунда. Плеханов во время перерыва говорил ему всяческие комплименты, говорил, что его речь надо-де «распубликовать по всем коммунам». Бунд клали на обе лопатки. Прочно устанавливалось положение, что национальные особенности не должны мешать единству партийной работы, монолитности социал-демократического движения.

Тем временем пришлось перебираться в Лондон. Брюссельская полиция стала придираться к делегатам и выслала даже Землячку и еще кого-то. Тогда снялись все. В Лондоне устройству съезда всячески помогли Тахтаревы. Полиция лондонская не чинила препятствий.

Продолжал обсуждаться вопрос о Бунде. Затем, пока подрабатывался в комиссии вопрос о программе, перешли к четвертому пункту порядка дня, к вопросу об утверждении центрального органа. Таковым — при возражениях со стороны рабочедельцев — единодушно признана была «Искра». «Искру» горячо приветствовали. Даже представитель ОК Попов (Розанов) говорил о том, что «вот здесь, на съезде, мы видим единую партию, созданную в значительной степени деятельностью «Искры»». Это было десятое заседание, а их было 37. Над съездом начинали понемногу скопляться тучи. Предстоял выбор тройки в ЦК. Основного ядра ЦК не было еще налицо. Несомненной была кандидатура Глебова (Носкова), зарекомендовавшего себя как неутомимого организатора. Другой несомненной кандидатурой была бы кандидатура Клэра (Кржижановского), если бы он был на съезде. Но на съезде его не было. За него и за Курца (Ленгника) приходилось голосовать заглазно, «по доверию», что было весьма даже неудобно. Между тем на съезде было слишком много «генералов», кандидатов в ЦК. Таковыми были Жак (Штейн — Александрова), Фомин (Крохмаль), Штерн (Костя — Роза Гальберштадт), Попов (Розанов), Егоров (Левин). Все это кандидаты на два места в цекистскую тройку. Кроме того, все знали друг друга не только как партийных работников, но знали и личную жизнь друг друга. Тут была целая сеть личных симпатий и антипатий. Чем ближе подходили выборы, тем напряженнее становилась атмосфера. Обвинения, бросавшиеся Бундом и «Рабочим делом», в желании командовать, диктовать свою волю из заграничного центра и пр., хотя и встречали дружный отпор вначале, делали свое дело, влияя на центр, на колеблющихся,— может быть, даже помимо их сознания. Боялись командования, чьего? Конечно, не Мартова, Засулич, Старовера и Аксельрода. Боялись командования Ленина и Плеханова. Но знали, что вопросы о составе, о русской работе будет определять Ленин, а не Плеханов, стоявший в стороне от практической работы.

Съезд утвердил направление «Искры», но предстояло еще утверждать редакцию «Искры».

Владимир Ильич выдвинул проект о том, чтобы редакцию «Искры» составить из трех лиц. Об этом проекте Владимир Ильич ранее сообщил Мартову и Потресову.

Мартов отстаивал перед съезжавшимися делегатами редакционную тройку, как наиболее деловую. Тогда он понимал, что тройка направлена была главным образом против Плеханова. Когда Владимир Ильич передал Плеханову записку с проектом редакционной тройки, Плеханов не сказал ни слова и, прочитав записку, молча положил ее в карман. Он понял, в чем дело, но шел на это. Раз партия -- нужна деловая работа.

Мартов больше всех членов редакции вращался среди членов ОК. Очень скоро его уверили, что тройка направлена против него и что, если он войдет в тройку, он предаст Засулич, Потресова, Аксельрода. Аксельрод и Засулич волновались до крайности.

В такой атмосфере споры о § 1 устава приняли особо острый характер. Ленин и Мартов политически и организационно разошлись по вопросу о § 1 партийного устава. Они нередко расходились и раньше, но раньше эти расхождения происходили в рамках тесного кружка и быстро изживались; теперь разногласия выступили на съезде, и все те, кто имел зуб против «Искры», против Плеханова и Ленина, постарались раздуть расхождение в крупный принципиальный вопрос. На Ленина стали нападать за статью «С чего начать?», за книжку «Что делать?», изображать честолюбцем и пр. Владимир Ильич выступал на съезде. В своей брошюре «Шаг вперед, два шага назад» он писал: «Не могу не вспомнить по этому поводу одного разговора моего на съезде с кем-то из делегатов «центра». «Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне.— «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему.— «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках» [1].

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 7, стр. 320.

В этой цитате весь Ильич.

С самого начала съезда нервы его были напряжены до крайности. Бельгийская работница, у которой мы поселились в Брюсселе, очень огорчалась, что Владимир Ильич не ест той чудесной редиски и голландского сыру, которые она подавала ему по утрам, а ему было и тогда уже не до еды. В Лондоне же он дошел до точки: совершенно перестал спать, волновался ужасно.

Как ни бешено выступал Владимир Ильич в прениях,— как председатель он был в высшей степени беспристрастен, не позволял себе ни малейшей несправедливости по отношению к противнику. Другое дело — Плеханов. Он, председательствуя, особенно любил блистать остроумием и дразнить противника.

Хотя громадное большинство делегатов не разошлось по вопросу о месте Бунда в партии, по вопросу о программе, о признании направления «Искры» своим знаменем, но уже к середине съезда почувствовалась определенная трещина, углубившаяся к концу его. Собственно говоря, серьезных разногласий, мешавших совместной работе, делавших ее невозможной, на II съезде еще не выявилось, они были еще в скрытом состоянии, в потенции, так сказать. А между тем съезд распадался явным образом на две части. Многим казалось, что во всем виноваты нетактичность Плеханова, «бешенство» и «честолюбие» Ленина, шпильки Павловича, несправедливое отношение к Засулич и Аксельроду,— и они примыкали к обиженным, из-за лиц не замечали сути. В их числе был и Троцкий, превратившийся в ярого противника Ленина. А суть была в том, что товарищи, группировавшиеся около Ленина, гораздо серьезнее относились к принципам, хотели во что бы то ни стало осуществить их, пропитать ими всю практическую работу; другая же группа была более обывательски настроена, склонна была к компромиссам, к принципиальным уступкам, более взирала на лица.

Борьба во время выборов носила крайне острый характер. Осталась в памяти пара предвыборных сценок. Аксельрод корит Баумана (Сорокина) за недостаток якобы нравственного чутья, поминает какую-то ссыльную историю, сплетню. Бауман молчит, и слезы у него на глазах.

И другая сценка. Дейч что-то сердито выговаривает Глебову (Носкову), тот поднимает голову и, блеснув загоревшимися глазами, с досадой говорит: «Помолчали бы вы уж в тряпочку, папаша!»

Съезд кончился. В ЦК выбрали Глебова, Клэра и Курца, причем из 44 решающих голосов 20 воздержались от голосования; в ЦО выбрали Плеханова, Ленина и Мартова. Мартов от участия в редакции отказался. Раскол был налицо.

ПОСЛЕ ВТОРОГО СЪЕЗДА

1903—1904 гг.

В Женеве, куда мы вернулись со съезда, началась тяжелая канитель. Прежде всего хлынула в Женеву эмигрантская публика из других заграничных колоний. Приезжали члены Лиги и спрашивали: «Что случилось на съезде? Из-за чего был спор? Из-за чего раскололись?»

Плеханов, которому страшно надоели эти расспросы, рассказывал однажды: «Приехал NN. Расспрашивает и все повторяет: «Я — как буриданов осел». А я его спрашиваю: «Почему же, собственно, буриданов?..»»[1]

Стали приезжать и из России. Приехал, между прочим, из Питера Ерема, на имя которого Владимир Ильич адресовал год тому назад письмо к питерской организации. Он сразу встал на сторону меньшевиков, зашел к нам. Приняв архитрагический вид, при встрече он воскликнул, обращаясь к Владимиру Ильичу: «Я Ерема!» и стал говорить о том, что меньшевики правы... Помню также члена киевского комитета, который все добивался: какие изменения в технике обусловили раскол на съезде? Я таращила глаза — столь примитивного понимания соотношения между «базой» и «надстройкой» я никогда не видывала, не предполагала никогда даже, что оно может существовать.

[1] *Буриданов осел* — выражение, употребляемое для обозначения крайней нерешительности; происходит от фамилии французского философа Жана Буридана (XIV в.); в рассуждениях о свободе воли он приводил следующий пример: если бы осла поместить между двумя абсолютно одинаковыми и одинаково удаленными от него охапками сена, он бы умер с голоду, не имея оснований сделать выбор.— *Ред.*

Те, кто помогал деньгами, явками и пр., под влиянием агитации меньшевиков отказывали в помощи. Помню, приехала в Женеву к сестре со своей старушкой-матерью одна моя старая знакомая. В детстве мы с ней так чудесно играли в путешественников, в диких, живущих на деревьях, что я ужасно обрадовалась, когда узнала о ее приезде. Теперь это была уже немолодая девушка, совсем чужая. Зашел разговор о помощи, которую их семья всегда оказывала социал-демократам. «Мы не можем вам дать теперь свою квартиру под явки,— заявила она,— мы очень отрицательно относимся к расколу между большевиками и меньшевиками. Эти личные дрязги очень вредно отзываются на деле». Ну, уж и посылали же мы с Ильичем ко всем чертям этих «сочувствующих», не входящих ни в какие организации и воображающих, что они своими явками и грошами могут повлиять на ход дела в нашей пролетарской партии!

Владимир Ильич тотчас же написал в Россию о случившемся Клэру и Курцу. В России ахали, но присоветовать ничего путного не могли, всерьез предлагали, например, вызвать Мартова в Россию, спрятать его где-нибудь в глуши и засадить за писание популярных брошюр. Курца решено было выписать за границу.

После съезда Владимир Ильич не возражал, когда Глебов предложил кооптировать старую редакцию: лучше уж маяться по-старому, чем раскол. Меньшевики отказались. В Женеве Владимир Ильич пробовал сговориться с Мартовым, писал Потресову, убеждал его, что расходиться не из-за чего. Писал по поводу раскола Владимир Ильич и Калмыковой (Тетке), рассказывал ей, как было дело. Ему все не верилось, что нельзя было найти выхода. Срывать решения съезда, ставить на карту русскую работу, дееспособность только что сложившейся партии казалось Владимиру Ильичу просто безумием, чем-то совершенно невероятным. Бывали минуты, когда он ясно видел, что разрыв неизбежен. Раз он начал писать Клэру о том, что тот не представляет себе совершенно настоящего положения, надо отдать себе отчет в том, что отношения старые в корне изменились, что старой дружбе с Мартовым теперь конец, о старой дружбе надо забыть, начинается борьба. Этого письма Владимир Ильич не докончил и не послал. Ему чрезвычайно трудно

было рвать с Мартовым. Период питерской работы, период работы в старой «Искре» тесно связывал их. Впечатлительный до крайности, Мартов в те времена умел чутко подхватывать мысли Ильича и талантливо развивать их. Потом Владимир Ильич яростно боролся с меньшевиками, но каждый раз, когда линия Мартова хоть чуточку выпрямлялась, у него просыпалось старое отношение к Мартову. Так было, например, в 1910 г. в Париже, когда Мартов и Владимир Ильич работали вместе в редакции «Социал-демократа». Приходя из редакции, Владимир Ильич не раз рассказывал довольным тоном, что Мартов берет правильную линию, выступает даже против Дана. И потом, уже в России, как доволен был Владимир Ильич позицией Мартова в июльские дни, не потому, что от этого была польза большевикам, а потому, что Мартов держится с достоинством — так, как подобает революционеру.

Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: «Вот и Мартов тоже, говорят, умирает».

Большинство делегатов съезда (большевиков) уехало в Россию на работу. Меньшевики уехали не все, напротив, приехал к ним еще Дан. За границей число их сторонников росло.

Большевики, оставшиеся в Женеве, периодически собирались. Самую непримиримую позицию на этих собраниях занимал Плеханов. Он весело шутил и подбадривал публику.

Приехал наконец член ЦК Курц — он же Васильев (Ленгник) — и почувствовал себя совершенно придавленным той склокой, которая царила в Женеве. На него навалилась целая куча дел по разбору конфликтов, посылке в Россию людей и т. д.

Меньшевики имели успех у заграничной публики и решили дать бой большевикам, созвав съезд Лиги русских социал-демократов за границей для заслушания доклада делегата Лиги на II съезде Ленина. В то время в правление Лиги входили Дейч, Литвинов и я. Дейч настаивал на созыве съезда Лиги. Литвинов и я были против, не сомневаясь, что при наличных условиях съезд превратится в сплошной скандал. Тогда Дейч вспомнил, что в правление входят еще Вечеслов, живший в Берлине, и Лейтейзен, живший в Париже. Они фактически послед-

нее время непосредственно в работе правления Лиги не принимали участия, но официально из него не вышли. Привлекли их к голосованию, они голоснули за съезд.

Владимир Ильич перед съездом Лиги, задумавшись, наехал на велосипеде на трамвай и чуть не выбил себе глаз. Повязанный, бледный, ходил он на съезд Лиги. С бешеной ненавистью нападали на него меньшевики. Помню одну дикую сцену: запомнились яростные лица Дана, Крохмаля и др., которые, вскочив, бешено стучали пюпитрами.

На съезде Лиги меньшевики были численно сильнее большевиков, кроме того, среди меньшевиков было больше «генералов». Меньшевики приняли такой устав Лиги, который делал из Лиги оплот меньшевизма, обеспечивал меньшевикам свое издательство, делал Лигу независимой от ЦК. Тогда Курц (Васильев) от имени ЦК потребовал изменения устава, а так как Лига этому не подчинилась, то объявил Лигу распущенной.

Плехановские нервы не выдержали скандала, устроенного меньшевиками, он заявил: «Не могу стрелять по своим».

На собрании большевиков Плеханов заявил, что надо идти на уступки. «Бывают моменты,— говорил он,— когда и самодержавие вынуждено делать уступки». «Тогда и говорят, что оно колеблется»,— подала реплику Лиза Кнунианц. Плеханов метнул на нее сердитый взгляд.

Плеханов решил для спасения мира в партии, как он говорил, кооптировать старую редакцию «Искры». Владимир Ильич ушел из редакции, заявив, что он отказывается от сотрудничества и даже не настаивает на опубликовании об его уходе из редакции. Пусть делает Плеханов попытку помириться, он не станет становиться поперек дороги миру в партии. Незадолго перед тем Владимир Ильич писал в письме к Калмыковой: «Нет хуже тупика, как отход от работы». Уходя из редакции, он становился на этот путь, он понимал это. Оппозиция потребовала еще кооптации представителей в ЦК, двух мест в Совете и признания законными постановлений съезда Лиги. ЦК соглашался кооптировать двух представителей оппозиции, передать им одно место в Совете, постепенно реорганизовать Лигу. Мира никакого не по-

лучалось. Уступка Плеханова окрылила оппозицию. Плеханов настаивал на уходе из Совета второго представителя ЦК — Ру (Коняга, настоящая фамилия Гальперин), чтобы очистить место меньшевикам. Владимир Ильич долго колебался перед этой новой уступкой. Помню, как мы втроем — Владимир Ильич, Коняга и я — стояли вечером на берегу разбушевавшегося Женевского озера. Коняга уговаривал Владимира Ильича согласиться на его отставку. Наконец Владимир Ильич решился — пошел к Плеханову говорить о том, что Ру выйдет из Совета.

Мартов выпустил брошюру «Осадное положение», наполненную самыми дикими обвинениями. Троцкий также выпустил брошюру «Отчет сибирской делегации», где события освещались совершенно в мартовском духе, Плеханов изображался пешкой в руках Ленина и т. д.

Владимир Ильич засел за ответ Мартову, за писание брошюры «Шаг вперед, два шага назад», где подробно анализировал события на съезде.

Тем временем в России также шла борьба. Большевистские делегаты делали доклады о съезде. Принятая на съезде программа и большинство резолюций съезда были встречены местными организациями с большим удовлетворением. Тем непонятнее казалась им позиция меньшевиков. Принимались резолюции с требованием подчинения постановлениям съезда. Из наших делегатов в этот период особенно энергично работала Дяденька, которая, как старая революционерка, не могла прямо понять, как допустимо такое неподчинение съезду. Она и другие товарищи из России писали ободряющие письма. Комитеты один за другим становились на сторону большинства.

Приехал Клэр. Он не представлял себе той стены, которая уже выросла между большевиками и меньшевиками, и думал, что можно помирить большевиков и меньшевиков; пошел говорить с Плехановым, увидел полную невозможность примирения и уехал в подавленном настроении. Владимир Ильич еще больше помрачнел.

В начале 1904 г. приехали в Женеву Циля Зеликсон, представитель питерской организации Барон (Эссен), рабочий Макар. Все они были сторонниками большевиков. С ними часто виделся Владимир Ильич. Разговоры

шли не только о склоке с меньшевиками, но и о российской работе. Барон, тогда совсем молодой парень, был увлечен питерской работой. «У нас,— говорил он,— теперь организация строится на коллективных началах, работают отдельные коллективы: коллектив пропагандистов, коллектив агитаторов, коллектив организаторов». Владимир Ильич слушал. «Сколько человек у вас в коллективе пропагандистов?» — спросил он. Барон несколько смущенно отвечал: «Пока я один». «Маловато,— заметил Ильич.— А в коллективе агитаторов?» Покраснев до ушей, Барон отвечал: «Пока я один». Ильич неистово хохотал, смеялся и Барон. Ильич всегда какой-нибудь парой вопросов, попадавших в самое больное место, умел из гущи красивых схем, эффективных отчетов вышелушить реальную действительность.

Потом приехал Ольминский (Мих. Ст. Александров), ставший на сторону большевиков, приехала бежавшая из далекой ссылки Зверь[1].

Зверь, вырвавшаяся из ссылки на волю, была полна веселой энергии, которой она заражала всех окружающих. Никаких сомнений, никакой нерешительности в ней не было и следа. Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола. Заграничные дрязги как-то не задевали ее. В это время мы придумали устраивать у себя в Сешероне раз в неделю «журфиксы» для сближения большевиков. На этих «журфиксах», однако, «настоящих» разговоров не выходило, зато очень разгоняли они навеянную всей этой склокой с меньшевиками тоску, и весело было слушать, как залихватски затягивала Зверка какого-нибудь «Ваньку» и подхватывал песню высокий лысый рабочий Егор. Он ходил поговорить по душам к Плеханову, даже воротничок по этому случаю одел, но ушел он от Плеханова разочарованным, с тяжелым чувством. «Не унывай, Егор, валяй «Ваньку», наша возьмет»,— утешала его Зверка. Ильич веселел: эта залихватость, эта бодрость рассеивали его тяжелые настроения.

Появился на горизонте Богданов. Тогда Владимир Ильич еще мало был знаком с его философскими работами, не знал его совершенно как человека. Было видно, однако, что это работник цекистского масштаба. Он при-

[1] *Зверь* — М. М. Эссен.— *Ред.*

ехал за границу временно, в России у него были большие связи. Кончался период безысходной склоки.

Больше всего было Ильичу тяжело рвать окончательно с Плехановым.

Весной Ильич познакомился со старым революционером-народоправцем Натансоном и его женой. Натансон был великолепным организатором старого типа. Он знал массу людей, знал прекрасно цену каждому человеку, понимал, кто на что способен, к какому делу кого можно приставить. Что особенно поразило Владимира Ильича: он знал прекрасно состав не только своих, но и наших с.-д. организаций лучше, чем многие наши тогдашние цекисты. Натансон жил в Баку, знал Красина, Постоловского и др. Владимиру Ильичу показалось, что Натансона можно бы убедить стать социал-демократом. Натансон очень был близок к социал-демократической точке зрения. Потом кто-то рассказывал, как этот старый революционер рыдал, когда в Баку впервые в жизни увидал грандиозную демонстрацию. Об одном не мог Владимир Ильич сговориться с Натансоном: не согласен Натансон был с подходом социал-демократии к крестьянству. Недели две продолжался роман с Натансоном. Натансон хорошо знал Плеханова, был с ним на «ты». Владимир Ильич разговорился с ним как-то о наших партийных делах, о расколе с меньшевиками. Натансон предложил поговорить с Плехановым. От Плеханова вернулся каким-то растерянным: надо идти на уступки...

Порвался роман с Натансоном. Владимиру Ильичу досадно стало на себя, что он с человеком чужой партии стал говорить о делах социал-демократии, что тот посредником каким-то явился. Досадовал на себя, досадовал на Натансона.

Тем временем ЦК в России вел двойственную, примиренческую политику; комитеты стояли за большевиков. Надо было, опираясь на Россию, созвать новый съезд.

В ответ на июльскую декларацию ЦК [1], которая лишала Владимира Ильича возможности защищать свою точку зрения и сноситься с Россией, Владимир Ильич

---

[1] Так называли резолюцию, принятую примиренческой частью ЦК, проводившей к этому времени меньшевистскую политику, и меньшевиками в отсутствие Ленина. Резолюция содержала 26 пунктов, но из них опубликовано было лишь 10 в № 72 «Искры» от 25 августа 1904 г. В ответе редакции «Искры» Ленину, возмущенному

вышел из ЦК, группа большевиков — 22 человека — приняла резолюцию о необходимости созыва III съезда [1].

Мы с Владимиром Ильичем взяли мешки и ушли на месяц в горы. Сначала пошла было с нами и Зверка, но скоро отстала, сказала: «Вы любите ходить там, где ни одной кошки нет, а я без людей не могу». Мы действительно выбирали всегда самые дикие тропинки, забирались в самую глушь, подальше от людей. Пробродяжничали мы месяц: сегодня не знали, где будем завтра, вечером, страшно усталые, бросались в постель и моментально засыпали.

Деньжат у нас было в обрез, и мы питались больше всухомятку — сыром и яйцами, запивая вином да водой из ключей, а обедали лишь изредка. В одном социал-демократическом трактирчике один рабочий посоветовал: «Вы обедайте не с туристами, а с кучерами, шоферами, чернорабочими: там вдвое дешевле и сытнее». Мы так и стали делать. Тянущийся за буржуазией мелкий чиновник, лавочник и т. п. скорее готов отказаться от прогулки, чем сесть за один стол с прислугой. Это мещанство процветает в Европе вовсю. Там много говорят о демократии, но сесть за один стол с прислугой не у себя дома, а в шикарном отеле — это выше сил всякого выбивающегося в люди мещанина. И Владимир Ильич с особенным удовольствием шел обедать в застольную, ел там с особым аппетитом и усердно похваливал дешевый и сытный обед. А потом мы одевали наши мешки и шли дальше. Мешки были тяжеловаты: в мешке Владимира Ильича уложен был тяжелый французский словарь, в моем — столь же тяжелая французская книга, которую

сокрытием от партии решений ее руководящего органа, Плеханов отстаивал мысль, что местные комитеты не должны знать всех подробностей о разногласиях вождей: «Стараться сделать пролетариат судьей в бесчисленных распрях, возникающих между кружками,— значит склоняться к самому худшему изо всех видов псевдодемократизма» («Искра» № 53, 25 ноября 1903 г.).

Один из пунктов этой декларации гласил: «ЦК решительно высказывается против созыва *в настоящее время* экстренного съезда, против агитации за этот съезд».— *Н. К.*

[1] Имеется в виду совещание 22 большевиков, состоявшееся под руководством Ленина в Швейцарии в августе (н. ст.) 1904 г. На совещании присутствовало 19 человек, позднее к решениям совещания присоединилось еще 3 человека. Совещание приняло написанное Лениным обращение «К партии», которое стало для большевиков программой борьбы за созыв III съезда РСДРП.— *Ред.*

я только что получила для перевода. Однако ни словарь, ни книга ни разу даже не открывались за время нашего путешествия; не в словарь смотрели мы, а на покрытые вечным снегом горы, синие озера, дикие водопады.

После месяца такого времяпрепровождения нервы у Владимира Ильича пришли в норму. Точно он умылся водой из горного ручья и смыл с себя всю паутину мелкой склоки. Август мы провели вместе с Богдановым, Ольминским, Первухиным в глухой деревушке около озера Lac de Bré. С Богдановым сговорились о плане работы; к литературной работе Богданов намечал привлечь Луначарского, Степанова, Базарова. Наметили издавать свой орган за границей и развивать в России агитацию за съезд.

Ильич совсем повеселел, и по вечерам, когда он возвращался домой от Богдановых, раздавался неистовый лай: это Ильич, проходя мимо цепной собаки, дразнил ее.

Осенью, вернувшись в Женеву, мы из предместья Женевы перебрались поближе к центру. Владимир Ильич записался в Société de lecture [1], где была громадная библиотека и прекрасные условия для работы, получалась масса газет и журналов на французском, немецком, английском языках. В этом Société de lecture было очень удобно заниматься, члены общества — по большей части старички-профессора — редко посещали эту библиотеку; в распоряжении Ильича был целый кабинет, где он мог писать, ходить из угла в угол, обдумывать статьи, брать с полок любую книгу. Он мог быть спокоен, что сюда не придет ни один русский товарищ и не станет рассказывать, как меньшевики сказали то-то и то-то и там-то и там-то подложили свинью. Можно было, не отвлекаясь, думать. Подумать было над чем.

Россия начала японскую войну, которая выявляла с особой яркостью всю гнилость царской монархии. В японскую войну пораженцами были не только большевики, но и меньшевики и даже либералы. Снизу поднималась волна народного возмущения. Рабочее движение вступило в новую фазу. Все чаще и чаще приходили известия о массовых народных собраниях, устраиваемых вопреки полиции, о прямых схватках рабочих с полицией.

---

[1] — Общество чтения.— *Ред.*

Перед лицом нарастающего массового революционного движения мелкие фракционные дрязги уже не волновали так, как волновали еще недавно. Правда, эти дрязги принимали иногда совершенно дикий характер. Например, приехал с Кавказа большевик Васильев и захотел сделать доклад о положении дел в России. Но в начале собрания меньшевики потребовали выборов президиума, хотя это был простой доклад, на который мог прийти любой член партии, а не организационное собрание. Попытка со стороны меньшевиков превратить каждый доклад в какую-то избирательную схватку была попыткой «демократическим способом» заткнуть рот большевикам. Дело дошло чуть не до рукопашной, до борьбы из-за кассы. В сумятице кто-то изодрал даже тальму на Наталье Богдановне (жене Богданова), кто-то кого-то зашиб. Но теперь все это гораздо меньше волновало, чем раньше.

Теперь мысли были в России. Чувствовалась громадная ответственность перед развивающимся там — в Питере, в Москве, в Одессе и пр.— рабочим движением.

Все партии — либералы, эсеры — особенно ярко стали выявлять свою настоящую сущность. Выявили свое лицо и меньшевики. Теперь уже ясно стало, что разделяет большевиков и меньшевиков.

У Владимира Ильича была глубочайшая вера в классовый инстинкт пролетариата, в его творческие силы, в его историческую миссию. Эта вера родилась у Владимира Ильича не вдруг, она выковалась в нем в те годы, когда он изучал и продумывал теорию Маркса о классовой борьбе, когда он изучал русскую действительность, когда он в борьбе с мировоззрением старых революционеров научился героизму борцов-одиночек противопоставлять силу и героизм классовой борьбы. Это была не слепая вера в неведомую силу, это была глубокая уверенность в силе пролетариата, в его громадной роли в деле освобождения трудящихся, уверенность, покоившаяся на глубоком знании дела, на добросовестнейшем изучении действительности. Работа среди питерского пролетариата облекла в живые образы эту веру в мощь рабочего класса.

В конце декабря стала выходить большевистская газета «Вперед». В редакцию, кроме Ильича, вошли Оль-

минский, Орловский[1]. Вскоре на подмогу приехал Луначарский. Его пафосные статьи и речи были созвучны с тогдашним настроением большевиков.

Нарастало в России революционное движение, а вместе с тем росла и переписка с Россией. Она скоро дошла до 300 писем в месяц, по тогдашним временам это была громадная цифра. И сколько материала она давала Ильичу! Он умел читать письма рабочих. Помню одно письмо, писанное рабочими одесских каменоломен. Это было коллективное письмо, написанное несколькими первобытными почерками, без подлежащих и сказуемых, без запятых и точек, но дышало оно неисчерпаемой энергией, готовностью к борьбе до конца, до победы, письмо — красочное в каждом своем слове, наивном и убежденном, непоколебимом. Я не помню теперь, о чем писалось в этом письме, но помню его вид, бумагу, рыжие чернила. Много раз перечитывал это письмо Ильич; глубоко задумавшись, шагал по комнате. Не напрасно старались рабочие одесских каменоломен, когда писали Ильичу письмо: тому написали, кому нужно было, тому, кто лучше всех их понял.

Через несколько дней после письма рабочих одесских каменоломен пришло письмо от одесской начинающей пропагандистки Танюши, которая добросовестно и подробно описывала собрание одесских ремесленников. И это письмо читал Ильич и тотчас сел отвечать Танюше: «Спасибо за письмо. Пишите чаще. Нам чрезвычайно важны письма, описывающие *будничную,* повседневную работу. Нам чертовски мало пишут таких писем».

Чуть не в каждом письме Ильич просит русских товарищей давать побольше связей. «Сила революционной организации в числе ее связей»,— пишет он Гусеву. Просит Гусева связывать большевистский заграничный центр с молодежью. «Среди нас есть,— пишет он,— какая-то идиотская, филистерская, обломовская боязнь молодежи»[2]. Ильич пишет своему старому знакомому по Самаре Алексею Андреевичу Преображенскому, который

---

[1] *Орловский* — В. В. Воровский.— *Ред.*
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 34, стр. 254.— *Ред.*

жил в то время в деревне, и просит у него связей с крестьянами. Он просит питерцев посылать письма рабочих в заграничный центр не в выдержках, не в изложении, а в подлинниках. Эти письма рабочих яснее всего говорили Ильичу о том, что революция близится, нарастает. У порога стоял уже пятый год.

Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине, М., Госполитиздат, 1957, стр. 63—88.

Ленгник Фридрих Вильгельмович (1873—1936) — один из старейших деятелей революционного движения, член КПСС. В 1896 г. вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», вскоре был арестован и сослан в Восточную Сибирь. Входил в организацию «Искры», работал в Екатеринославе, Самаре, Киеве. Был членом организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. На II съезде был заочно избран в члены ЦК и в Совет партии. Вел революционную работу в ряде городов России и в эмиграции. После Октябрьской революции на ответственных постах в ВСНХ, Наркомате рабоче-крестьянской инспекции и Наркомвнешторге. Принимал участие в разработке плана ГОЭЛРО. На XII, XIII, XIV и XV партийных съездах избирался членом ЦКК ВКП(б).

Ф. В. ЛЕНГНИК

ПОДГОТОВКА II СЪЕЗДА ПАРТИИ

В истории нашего рабочего движения II съезд партии занимает совершенно исключительное положение по своей красочности и по своему содержанию, определившему главные перипетии борьбы за чистоту революционного марксизма и ленинизма, который тогда уже выступил на арену истории в полном боевом облачении...

Борьба организации «Искры» за революционную партию пролетариата была прелюдией к той колоссальной

борьбе, которая развернулась вовсю лишь на этом историческом съезде и в последующее за II съездом время. Борьба с экономизмом, борьба с рабочедельчеством, борьба с меньшевизмом, борьба с богдановщиной и богостроительством [1], борьба с троцкизмом, борьба с «примиренчеством», борьба с правыми и контрреволюционными элементами — все это отдельные этапы той грандиозной битвы, которую вел и будет вести победоносный ленинизм со всеми видами российского и международного оппортунизма.

Вспоминая время этих первых авангардных боев, когда мы, члены молодой организации «Искры», должны были отвоевывать от оппортунистов разных мастей каждый комитет нашей партии, каждый форпост нашей работы — транспорт, типографии, газеты и пр. и т. п. (и это под перекрестным огнем жандармерии, охранки и прочей чиновничьей нечисти),— можно сказать, что на долю организации «Искры» выпала нелегкая задача. Последняя была разрешена ею с удивительным совершенством, что объясняется прежде всего той спаянностью членов организации и той кристальной чистотой ленинского учения, которые и составляли главную силу этой небольшой и все же непобедимой кучки революционеров, сгруппировавшихся вокруг великого Ленина.

Оппортунисты в лице экономистов, рабочедельцев и бундовцев всячески старались захватить инициативу по созыву II съезда партии в свои руки, но благодаря бдительности нашего центра это никак им не удавалось, и каждый раз они бывали биты самым нещадным образом. Первая попытка этого рода имела место на Белостокской конференции в 1902 г., которую бундовцы и рабочедельцы хотели объявить II съездом РСДРП, но оказалось, что, несмотря на все безграничные хитрости бундовцев и рабочедельцев, все же вездесущая организация «Искры» проникла на эту конференцию и настояла на том, чтобы

---

[1] *Богостроительство* — враждебное марксизму литературное и религиозно-философское течение, возникло после поражения революции 1905—1907 гг., в период столыпинской реакции, среди части партийных интеллигентов. Богостроители (А. А. Богданов, А. В. Луначарский и др.) пытались примирить марксизм с религией, проповедовали создание новой, «социалистической» религии. Совещание расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий», состоявшееся 8—17 (21—30) июня 1909 г., осудило богостроительство, как извращение научного социализма.— *Ред.*

это совещание, очень незначительное по своему составу, было объявлено конференцией, создавшей лишь организационный комитет по созыву II съезда. По иронии судьбы от организации «Искры», с директивами от вездесущего Ильича, присутствовал на этой Белостокской конференции будущий ярый противник ленинизма — Дан (Гурвич): тогда он был еще искровцем. Пишущий эти строки также имел мандат на эту Белостокскую конференцию, но не был на нее допущен вследствие хитросплетений бундовцев, бывших хозяевами на этой конференции. Но другой делегат, приехавший прямо из-за границы от Ильича (именно упомянутый выше Дан), был счастливее меня и попал на эту конференцию. Может быть, бундовцы уже тогда чуяли в нем своего тайного сторонника.

Вот эта Белостокская конференция и положила начало организационному комитету по созыву II съезда РСДРП, после того как делегату «Искры» удалось воспрепятствовать провозглашению ею себя II съездом РСДРП. Это было в марте 1902 г. От «Союза русских социал-демократов» (рабочедельческой заграничной организации) присутствовал М. Коган-Гриневич, от ЦК Бунда — П. И. Розенталь, от Петербургского комитета — доктор Краснуха и Зельдов, от Екатеринославского комитета — Ф. Шипулинский, от «Южного рабочего» — О. А. Ерманский-Коган и от «Искры» — Ф. И. Дан. Собрание не только вынуждено было согласиться с доводами делегата «Искры», вооруженного стальной логикой Ильича, конституироваться как конференция, но одобрило также с некоторыми поправками текст воззвания, предложенного «Искрой», и избрало организационный комитет по созыву съезда *за границей.*

Этот организационный комитет, однако, очень скоро потерпел большой урон вследствие арестов, и следующее собрание организационного комитета, которое состоялось в Пскове, было устроено уже по инициативе организации «Искры». На этом совещании из прежнего состава организационного комитета присутствовал один доктор Краснуха. Бунд по случайным причинам не присутствовал, а организация «Искры» была представлена целой плеядой товарищей. Новый ОК был определен на Псковском совещании в следующем составе: доктор Краснуха, Левин, Радченко, П. Н. Лепешинский (Лапоть), Красиков

(Игнат, Шпилька), Г. М. Кржижановский (Клэр), Ф. В. Ленгник (Курц, Васильев) [1]. Это совещание имело место примерно в начале ноября 1902 г. Оно не было прослежено жандармерией, хотя на следующий же день было арестовано несколько его участников, например П. Н. Лепешинский, И. И. Радченко, но, по-видимому, в другой связи.

В № 32 «Искры» в январе 1903 г. было напечатано объявление ОК об его образовании, причем подчеркивалось, что его задача заключается в помощи местным организациям. Бунд очень обиделся, что ОК был образован без участия его делегата, но было разъяснено, что Бунд случайно не получил посланного ему приглашения на конференцию, и уже в феврале инцидент с Бундом был ликвидирован включением в ОК его представителя. Ряд крупнейших комитетов партии признал ОК организацией, которой они вручают подготовку II съезда. Среди них были: Одесский, Николаевский, Харьковский, Киевский, Московский, Екатеринославский, Казанский, Уфимский, Донской и «Северный союз» (с оговоркой). Борьба кипела в Петербургском комитете, где были очень сильны экономисты с 1898 г., на Урале, где имели влияние на наши партийные организации даже эсеры, и в Воронежском комитете, который считался особенно сильной цитаделью рабочедельцев (родина Махновца, одного из вождей рабочедельчества). Вскоре после опубликования извещения об образовании ОК он был признан всеми почти партийными комитетами, в том числе и Петербургским. Одесский и Николаевский комитеты, присоединяясь к ОК, заявили, однако, что они против попытки ОК исполнять функции ЦК партии. Единственным комитетом, не желавшим признать ОК, оказался Ворснежский комитет. Однако и ряд других организаций занимал особую позицию по отношению к ОК, который вскоре стал цитаделью искровцев. Так, например, «Северный союз» в лице будущего члена ЦК т. Носкова также не вполне примыкал к искровцам и старался обособиться от ОК.

Сама жизнь заставляла ОК брать на себя функции ЦК, так как тогда не было ни одного авторитетного органа, могущего взять на себя функции объединяющего

---

[1] В ОК, кроме указанных лиц, был кооптирован также А. М. Стопани.— *Ред.*

партийного центра, необходимость которого чувствовалась всеми партийными организациями. В крайней оппозиции к ОК и в особенности к «Искре» были Бунд, отчасти «Южный рабочий» и прежде всего, конечно, экономисты и рабочедельцы. Но, как потом выяснилось на II съезде, и среди искровцев было много оппортунистических элементов, вождем которых после их выявления и оформления должен был стать один из бывших дотоле сподвижников Ленина по «Искре» — Юлий Осипович Мартов.

Что касается Плеханова, тогдашнего кумира искровцев и в то время крупнейшего теоретика нашей партии, то в нем боролись две души. Одна душа олицетворяла лучшие традиции правоверного марксизма, другая же тянула его в мещанское болото эмигрантщины, которая в конце концов и потянула его на дно, о чем все мы, твердые искровцы, тогда очень сокрушались. Судьба Г. В. Плеханова была поистине трагична в этом отношении.

«Воспоминания
о втором съезде партии».
Сборник статей, М., Партиздат, 1934,
стр. 18—22.

Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич (1872—1947) — член КПСС, профессиональный революционер. В 1893 г. один из организаторов Московского рабочего союза. В 1903 г. работал в заграничной организации «Искры». Делегат II съезда РСДРП от Саратовского комитета (по протоколам съезда — Лидин), сторонник большинства. После съезда на партийной работе за границей, затем избран членом Бюро комитетов большинства. Был представителем большевиков на Амстердамском социалистическом конгрессе. Несколько раз подвергался тюремному заключению, был в ссылке. В годы столыпинской реакции входил в группу «Вперед». В 1911 г. порвал связи с этой группой. После Октябрьской социалистической революции находился на хозяйственной работе, затем ректор Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, член коллегии Наркомпроса. Автор ряда работ по истории партии.

М. Н. ЛЯДОВ

МОИ ВСТРЕЧИ [1]

С трудом дождавшись конца ссылки, я сейчас же отправился в назначенный мне Саратов, где должен был отбыть два года дополнительного надзора.

Мне повезло: в первый же день по приезде в Саратов я был кооптирован в комитет и получил возмож-

[1] Из воспоминаний М. Н. Лядова, написанных им в 1945 г.— *Ред.*

ность прочитать все накопившиеся номера «Искры» и благодаря этому сразу войти в курс всех партийных дел. В комитете я застал сильный разнобой. Комитет вел очень большую работу, но твердой точки зрения у него не было. Публика тут была очень молодая и легко поддавалась влиянию. Мне очень скоро удалось связаться с самарцами (Кржижановским, Соловьевым), которые были непосредственно связаны с Ильичем. В Саратове тоже нашелся один не входивший в организацию, сносившийся с женевцами Барамзин, который хорошо информировал меня о всех партийных разногласиях, так что я мог действовать уже гораздо уверенней, и, действительно, очень скоро мне удалось провести в комитете резолюцию о признании «Искры» в качестве руководящего партийного органа. Скоро началась подготовка II съезда партии. В самый разгар предсъездовских дискуссий мне пришлось спешно бежать из Саратова за границу, и здесь уже я получил известие, что выбран на съезд. Еще до этого в Берлине мне пришлось помогать отправлять в Россию транспорты «Искры». При этом я получил возможность уже в спокойной обстановке перечитать все вышедшие номера «Искры» и «Зари», так что смог еще больше подковать себя. Получив мандат, я поехал в Женеву, куда, как я знал, начинали уже съезжаться делегаты съезда. До сих пор все мы — работавшие в России делегаты — были уверены, что главную скрипку в редакции ведет Плеханов. О внутренних делах редакции никто ничего не знал. Не знали также и про те довольно крупные разногласия, которые уже значительно проявлялись внутри редакции. Нас всех, наоборот, поражало кажущееся полное единомыслие и сплоченность редакции. Приехав в Женеву, я прежде всего отправился к Плеханову. Когда я начал ему в чем-то противоречить, он посмотрел на меня свысока и заявил: «Ваша маменька еще не была знакома с вашим папенькой, когда я был уже марксистом, а вы спорите со мной!» После такого заявления уже не хотелось ни о чем его расспрашивать, да и говорить с ним пропала всякая охота.

От него я отправился к Ленину. Я еще не знал твердо, что Ленин, автор произведшей на меня сильное впечатление книги «К деревенской бедноте», недавно мной прочитанной, есть именно тот Владимир Ульянов,

которого я видел впервые почти десять лет тому назад в Москве.

Ильич жил за городом, на берегу Женевского озера. Я пошел к нему вместе с другим делегатом — питерским рабочим Шотманом. Помню, я был в очень плохом настроении и спрашивал себя: а что если и Ленин встретит нас так же высокомерно, как только что встретил Плеханов? В это время нам повстречался велосипедист. Хотя он был одет по-европейски, но что-то выдавало его российское происхождение. На мой вопрос, где дом номер такой-то, он сразу соскочил с велосипеда и, протягивая нам руки, спросил: «Вы, наверное, ко мне? Я Ленин».

Теперь у меня не было уже сомнения, что передо мной тот самый Владимир Ильич Ульянов, которого я еще в Москве в 1894 г. признал вождем. Когда мы назвали себя, Ильич сразу обрушился на нас целым потоком вопросов. Он был вполне в курсе всех наших организационных дел, видно, читал все направляемые в редакцию письма. Он требовал от нас самых детальных сведений о настроении рабочей массы, о нашей работе с крестьянством (а мы в Саратове тогда начали усиленно работать среди крестьян), о наших стычках с эсерами, о существовавшей еще в Саратове объединенной группе эсеров и эсдеков. По этим вопросам можно было сразу понять, что имеешь дело с человеком, который расспрашивает не из простого любопытства, а потому, что живет всеми партийными интересами, что он внимательно прочитывал все посылаемые в редакцию письма, что, кроме посылаемых официально комитетом писем, он ведет переписку еще кое с кем, стоящим вне комитета. Расспрашивая нас самым подробным образом, он одновременно тщательно экзаменовал нас, но делал это так незаметно, деликатно, что, конечно, мне и в голову не приходило обижаться на него.

Я заметил, что, по мнению Саратовского комитета, было бы лучше, если бы «Искра» не так резко нападала на «экономистов» и эсеров, что своей резкостью она отпугивает многих колеблющихся, которых можно было бы привлечь к нам, особенно рабочих, которые не понимают разницы между разными революционными взглядами и перестают всем доверять, слыша, как они

грызутся между собой. Ильич внимательно выслушал меня и, хитро улыбаясь, стал доказывать, что наша задача — чтобы рабочие ясно поняли, что мы собираемся строить их партию, рабочую партию, поэтому замазывать разногласия является настоящим преступлением перед рабочими же. Им надо говорить обо всем, ничего не скрывая. Только так можно воспитать настоящих социал-демократов, вполне сознательно относящихся к самостоятельному решению сложных задач, стоящих перед ними. Как сейчас помню, как мы шли тогда вдоль берега Женевского озера, прогуляли, беседуя, часа два и Ильич внимательно растолковывал нам свою точку зрения. Растолковывал он внимательно не как противникам, а как, несомненно, единомышленникам, с которыми в близком будущем предстоят совместные тяжелые бои с противником. Наконец Ильич повел нас в свою квартиру, познакомил с Надеждой Константиновной, сам начал на керосинке готовить чай. Мы долго просидели у него, не хотелось уходить. Здесь чувствовалась настоящая товарищеская обстановка, чувствовалось, что имеешь дело с настоящим вождем партии. Тогда же мы узнали, что единомыслие в редакции только кажущееся. По каждому почти вопросу Ильичу приходилось драться со стариками, с Плехановым, который никак не мог понять, что русские рабочие уже не те, с которыми ему пришлось иметь дело в восьмидесятых годах, когда он уехал из России. Вся беда его, что он не знал теперешней России, поэтому ему непонятны были стоящие перед партией задачи. Его беда, что он вынужден был жить в маленьком сравнительно городишке, вроде Женевы, в котором нет настоящих рабочих. Вот почему Ильич всегда настаивал, чтобы редакция была сначала в Мюнхене, а когда это стало невозможно, то в Лондоне. Плеханов на это очень обижался: переезжать в Мюнхен ему было невозможно, а в Лондон он не хотел. Аксельрод тоже пустил глубокие корни в Цюрихе, где он имел собственное кефирное заведение, которое доставляло ему средства к жизни. Так что почти вся работа в редакции лежала на Ленине и Мартове. Только по самым принципиальным вопросам, как например выработка проекта программы, устраивались совещания, на которых обычно Ильичу приходилось резко сталкиваться с Плехановым по очень важным принципиальным вопро-

сам. У Аксельрода своего мнения обычно не было, он всегда соглашался с Плехановым. Засулич всегда боялась обидеть Плеханова и тоже голосовала с ним. Так что большинство голосований проходило при делении редакции на две половины. Ильич даже подумывал привлечь в редакцию седьмого члена. Ему предлагали в качестве такового недавно появившегося в Лондоне Троцкого, который очень бойко писал. Ильич присматривался к нему пока, но считал его очень самоуверенным. Плеханов высказывался решительно против него. Самое лучшее было бы, говорил Ленин, редакция из трех: Плеханова, Мартова и его — Ленина. Хотя с Плехановым приходится очень часто спорить, но Плеханов представляет собой большую теоретическую силу. Сейчас особенно важно, чтобы все приехавшие из России делегаты заразили Плеханова тем боевым предреволюционным энтузиазмом, которым так и дышит каждый из нас. Остальные члены редакции — просто обуза. Аксельрод за все время написал пару статей, Засулич старается, работает, но она не решается никогда выступить против Плеханова. Потресов — барин, он мог бы писать, но очень ленив и пишет редко и очень мало интересуется редакционными делами. Поэтому будет очень хорошо, если составить редакцию из Плеханова, Мартова и Ленина,— это будет самая деловая и работоспособная редакция.

Мы долго просидели в этот вечер у Ильича, не хотелось уходить, так хорошо и уютно было у него. И мы ушли совершенно влюбленные в него, в полной уверенности, что нам нужно будет, что бы ни случилось, твердо и без сомнений идти за Лениным. Дальнейшее знакомство с остальными членами редакции только подтвердило, насколько был прав Ильич в данных им характеристиках. Больше всех старался нас обработать Мартов. Он горько жаловался на Ленина, на его диктаторские замашки, на его нетерпимость к инакомыслящим. В общем он производил впечатление искреннего, но очень небольшого человека, а главное, совершенно несамостоятельного. Тяжелое впечатление произвел на меня и Дейч — тоже член группы «Освобождение труда». Он очень много рассказывал про свои ссылки и пребывание на Каре, но, видно, очень мало интересовался современными вопросами и текущими делами.

Все съехавшиеся в Женеву делегаты начали собираться на предварительные совещания. Среди других с докладами по текущим вопросам выступал и Ильич. Каждое его выступление было для нас, приезжих с мест, настоящей высшей школой. Он всегда ясно и четко ставил все вопросы, всегда затрагивал самую основную суть вопроса. После каждой беседы с ним я чувствовал, как расширялся у меня кругозор, как я начинал все более сознательно относиться к общепартийным делам. Общая беда всех местных работников, что каждый на первый план всегда выдвигал чисто местные интересы, их ставил всегда выше общепартийных. Вот в этом отношении беседы с Ильичем мне очень много дали.

Выступали и Плеханов и Мартов. Плеханов говорил очень красиво, гораздо красивее, чем Ильич, очень любил рассказывать анекдоты, цитировать. Он проявлял громадную эрудицию. Но по основным вопросам текущей политики он был очень слаб, и видно было, что он «плавал». Мартов говорил очень много и скучно, а главное, о чем бы ни заговаривал, он всегда сворачивал на личные обиды, которые наносил «злодей» Ленин остальным членам редакции. Иногда в предсъездовских дискуссиях разгорался спор между Лениным и Мартовым, и как-то само собой случалось, что все приехавшие с местной работы из районов, где уже разгоралось массовое движение, где уже пахло близкой революцией, все тесней группировались вокруг Ленина, все более понимали, как важно для создающейся партии, чтобы именно Ленин оказался во главе ее. Наоборот, все заграничники или приехавшие с мест, где еще массового движения не было, все выступали против Ленина, не понимали всей серьезности выставленных им положений. И, действительно, при дальнейшем обострении отношений все работники с мест стали большевиками, а все заграничники — меньшевиками.

Наконец наступило время начала съезда, понемногу, один за другим делегаты отправлялись в Брюссель, где должен был открыться съезд. Там будущий меньшевик Кольцов, который должен был организовать всю подготовку съезда, договорился с вождем бельгийских социал-

демократов Вандервельде[1] о том, что никто препятствовать съезду не будет, снял у социал-демократов, владельцев мелких гостиниц, помещение для делегатов, сговорился также с владельцами трактиров, тоже социал-демократами, о питании делегатов. Каждый из нас приходил к Кольцову на явку, получал там адрес гостиницы и обедов. На этом заканчивались заботы устроителей о делегатах. Совершенно иначе повел себя Ильич. Он лично обошел всех приехавших из России делегатов, не умевших говорить ни на одном языке, кроме русского, помогал им сговориться с хозяевами, указывал, что нужно осмотреть в свободное время, сам водил делегатов осматривать местные достопримечательности. Приходил он также к тому или иному делегату просто провести совместно вечер. На таких вечерах обыкновенно Красиков играл на скрипке, а Гусев, который обладал хорошим баритоном, пел, а чаще всего мы пели хором любимые русские или украинские песни. Ильич очень любил эти хоровые песни, и сам принимал в пении самое горячее участие, фальшивя не меньше каждого из нас. Иногда наши кавказцы, особенно Кнуньянц и Зурабов, пускались плясать лезгинку. Любоваться нашими плясками, послушать наше пение собирались обычно все проживающие в гостинице товарищи.

Слух о наших вечерах распространился широко по всему рабочему Брюсселю. Понятно, и полиция обратила на них внимание, особенно, когда, как мы это узнали позднее, русские власти категорически потребовали от бельгийских властей помешать съезду русских «нигилистов».

Между тем собрались все делегаты и настало время открывать съезд. Для заседания съезда брюссельские социал-демократы предоставили нам кооперативный склад, в котором до этого хранилась шерсть или тряпье. Там были поставлены простые скамьи и один стол для президиума. Плеханов, как старейший член съезда, открыл съезд. Начало было очень торжественное. Мы,

---

[1] *Вандервельде, Э.* — лидер оппортунизма в бельгийском рабочем движении, один из руководителей II Интернационала. Во время первой мировой войны проявил себя как социал-шовинист; стал в 1914 г. министром бельгийского буржуазного правительства.— *Ред.*

приехавшие с мест, сразу почувствовали, что совершается в истории нашей партии что-то очень большое. Этому съезду все придавали очень большое значение. Разногласия начались сразу после открытия съезда, как только был поставлен вопрос о выборе президиума. Плеханов как председатель съезда прошел единогласно... По вопросу о выборах Ленина уже ясно наметилось будущее разделение на большевиков и меньшевиков. Мы все, приехавшие с мест, дружно сплотились вокруг Ильича.

Во время первого заседания все вдруг обратили внимание на то, что делегаты все чаще и чаще начинают почесываться, выбегать один за другим из помещения. Наконец то же начало происходить и с только что выбранным президиумом. Плеханов предложил устроить перерыв. Это было очень кстати. Оказывается, на нас напали целые полчища блох, и самые европейские из нас вынуждены были самым неприличным способом чесаться. Пришлось все помещение тщательно вымыть, вытрясти всю пыль, и только после этого мы могли продолжить наши занятия.

Уже с самого начала работ съезда я очень привязался к Ильичу. Становилось ясно, что только он твердо знает, что нужно партии и куда надо вести ее. Он во всем, даже в мелочах, стоял на принципиальных позициях. На все у него была своя принципиальная точка зрения. Было ясно, что он стремится создать единомыслящую и единодействующую партию, а не просто случайное собрание всех, кто называет себя социал-демократами. Как мы узнали из рассказов самого Ленина, Баумана, Красикова и Надежды Константиновны, входивших тогда в Лигу русских социал-демократов, у них на заседаниях Лиги, т. е. заграничной искровской организации, уже развернулись по этому вопросу широкие дебаты в связи с вопросом о приглашении Рязанова, претендующего на участие на съезде представителем группы «Борьбы» — литературной организации, состоявшей из трех человек и оказавшейся не в состоянии получить хотя бы один мандат от какой-нибудь работающей в России организации. Ильич счел необходимым обо всех возникающих на заседаниях Лиги дебатах информировать всех нас. Он всегда смотрел на съезд как на высший партийный орган,

который выше и важней всех отдельных организаций, входящих в партию. В то время как остальные заграничники оставались всего-навсего членами маленьких кружков, Ильич вырос уже в настоящего вожака партии. В этом отношении и Плеханов не представлял исключения из всех остальных заграничников. Поэтому он так легко поддавался жалобам меньшевиков на личные обиды, якобы наносимые им Лениным. И это даже тогда, когда он, по-видимому, шел за Лениным. Мартов, работавший более других в редакции «Искры» вместе с Лениным и поэтому, казалось, лучше других знавший Ленина, вскоре оказался самым ярым его противником. Тоже и Троцкий. Он возомнил себя вождем и на съезде заговорил с таким апломбом и самоуверенностью, что сразу вооружил против себя всех приехавших с мест работников, среди которых преобладали более опытные люди, прошедшие гораздо больший стаж работы в массах и руководства массовым движением рабочих. Немудрено поэтому, что на выступления Троцкого, вздумавшего поучать делегатов, ему ответили кличкой «Балаболкин», которая очень прочно сразу прилипла к нему.

Работы на съезде между тем шли своим чередом. Начались прения по выработке партийной программы. Когда съезд высказался за принятие пункта о «самоопределении национальностей», делегаты социал-демократии Польши и Литвы, считавшие этот вопрос уступкой их противникам — пепеэсовцам [1], подали заявление об уходе со съезда. До съезда они не считались членами нашей партии. Вслед за ними ушли со съезда и представители Бунда, которые считались после I съезда членами партии. Они ушли после вынесенного съездом решения, отклонившего предложение бундовцев признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. К уходу бундовцев Ильич отнесся совершенно спокойно, но и не высказывал особенной радости, ибо имел уже возможность убедиться, что после их ухода на съезде осталось достаточное количе-

---

[1] *Пепеэсовцы* — члены Польской социалистической партии. ППС — Polska partia socjalistyczna — мелкобуржуазная националистическая партия, созданная в 1892 г.— *Ред.*

ство оппортунистов, с которыми предстоит еще основательно драться.

Ленин вообще очень серьезно относился ко всему, что происходило на съезде, он старательно записывал все прения и был всегда готов исправить секретаря, когда тот неверно заносил в протокол тот или иной инцидент. Секретарями были все по очереди. Каждый оратор был обязан не позже следующего дня давать в президиум текст своей речи. Ильич обычно давал только краткий конспект своей речи, очень многие его речи, например по аграрному вопросу, пропали таким образом. Плеханов представлял обычно свою речь вполне обработанную, со всеми «случайно» сказанными остротами и анекдотами.

Вскоре мы начали замечать все более усиливающуюся слежку за нами и русских и бельгийских полицейских агентов. Наконец Землячку вызвали в полицейское управление и объявили, чтобы она в двадцать четыре часа покинула Брюссель. Мы поручили Кольцову вместе с Плехановым выяснить у Вандервельде, который гарантировал нашу безопасность, в чем дело, какая нам грозит неприятность. Скоро наши делегаты вернулись от Вандервельде, который посоветовал как можно скорей убраться из Брюсселя, так как в противном случае нам всем грозит арест и высылка в Россию, потому что русское министерство иностранных дел через посла предупредило, что будто бы приехали важные русские анархисты, а по отношению к анархистам между всеми странами существует соглашение о выдаче их властям. Пришлось наскоро, маленькими группами, через различные порты выбираться из Брюсселя. Мне пришлось ехать с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной, Бауманом. Эти полтора-два дня, проведенные вместе с Ильичем, навсегда остались у меня в памяти. Ильич был особенно откровенен с нами. Он подробно рассказал обо всем, что происходило в редакции «Искры», обо всех конфликтах внутри редакции.

Ильич много говорил также и о том, как, избавившись от оппортунистических элементов, вроде «экономистов» и бундовцев, мы создадим настоящую централизованную партию. Мы не должны гнаться за количеством членов партии. Она должна стать настоя-

щей боевой, единомыслящей, чтобы каждый член партии отвечал за всю партию, а партия в целом могла отвечать за каждого члена партии. Ильич успел уже тщательно изучить всех делегатов съезда. И, вспоминая данные им характеристики, я вскоре убедился, что он дал уже тогда довольно правильную характеристику, выделив будущих своих союзников и будущих противников. Он ошибся только по отношению к немногим, которые впоследствии стали меньшевиками.

В таких разговорах незаметно прошло время, и мы оказались уже в английском порту. Мы сели на отходящий в Лондон поезд и через несколько часов уже въезжали в английскую столицу. Мы долго ехали по улицам Лондона, или, верней, по туннелям под городом. Впрочем, трудно было сразу разобрать, едем ли мы по туннелю или по улице: такой стоял туман и так много было копоти и дыма. Сами улицы, с узкими, высокими, совершенно однообразными домами, производили впечатление туннеля. Мы ехали, как я после узнал, по рабочим кварталам и наконец приехали на станцию Чаринг-Кросс. Сама станция, куда мы приехали, была заполнена массой пассажиров, которые входили и выходили из целого ряда прибывающих и отъезжающих поездов. Все это произвело на меня ошеломляющее впечатление, тем более, что в нашей компании я был единственным человеком, который еще не бывал в Лондоне. Зато Ильич чувствовал себя здесь совсем как дома. Он повел нас всех к старому лондонскому товарищу — Алексееву. Он снимал комнату в доме, расположенном на маленьком сквере. Ильич уверенно постучал привешенным к входной двери молотком три раза. Спустившийся с третьего этажа Алексеев приветствовал нас и потащил к себе в комнату.

Внутренний вид его комнаты свидетельствовал о том, что хозяин совсем не думал, чтобы как-нибудь сделать свое житье хоть мало-мальски уютным. Вся мебель состояла из поломанной койки, двух еле стоящих на ногах стульев и колченогого стола. Зато всюду, где только возможно, валялись газеты, и русские и английские. Хозяин сразу захлопотал с керосинкой и чайником. Делал он это так неловко, что Надежда Константиновна сразу устранила его от хозяйства и сама взялась хозяйничать. Понемногу стали прибывать и дру-

гие делегаты. В комнате стало людно, нечего было и думать, что кому-нибудь удастся здесь отдохнуть. Ильич, едва выпив кружку чаю, сразу взялся за дело, побежал разыскивать комнаты для делегатов. Всех поражала и восхищала его заботливость; он буквально предвидел все мелочи. Заботу о делегатах он проявлял во все время работ съезда. Каждый день он заходил на квартиры, где поселились делегаты, справлялся, не нужно ли чего, нет ли недоразумений с хозяйками, чертил подробнейшую карту, как пробраться на место, где должен был заседать съезд. Ради конспирации место заседаний съезда менялось каждый день, и эти начерченные Ильичем карты немало помогли нам без труда попадать в нужное место. И здесь, в Лондоне, он совершенно так же, как в Брюсселе, все свободное от заседаний время проводил с делегатами. Водил нас осматривать Лондон, конечно, прежде всего свел нас в Гайд-парк, показал воскресные тамошние митинги, которые производили сильное впечатление, особенно на тех, кто в первый раз попал за границу. Каждый оратор приходил вместе с небольшой кучкой своих «поклонников», приносил с собой либо скамейку, либо специально изготовленный помост, с которого можно было говорить, взбирался на него или на скамейку и начинал свою речь. Слушатели постепенно подходили все новые и новые. Если оратор говорил интересно и сумел заинтересовать, толпа его слушателей все более и более росла. Если он не сумел заинтересовать, толпа слушающих все более и более редела, оставались лишь те, кого он привел с собой, часто его родственники или знакомые, которые шумными возгласами одобрения тщетно старались привлечь новых слушателей. Здесь, как объяснил нам Ильич, были самые различные проповедники: представители различных конкурирующих друг с другом сект, наряду с ними представители всевозможных политических и философских партий и учений. Наряду с ярым консерватором, защитником порядков «старой, доброй Англии», ее традиций, законов и обычаев, выступал анархист или социалист, нападающий на все старое, отжившее. Иногда два политических или философских противника, ораторствующие перед двумя соседними кучками слушателей, под влиянием слушателей, соединившихся в одну кучку,

невольно должны были вступать в полемику друг с другом. Все это было для нас совершенно ново, и мы охотно стали каждое воскресенье, даже и без Ильича, ходить туда. Водил нас Ильич и по музеям. Помню, очень понравился нам промышленный музей, где были выставлены машины разных эпох. Например, помню паровозы и вагоны начиная от первых до последних образцов современных паровозов. Жалко было, что работы на съезде оставляли нам очень мало свободного времени. На съезде нам приходилось заседать и днем и вечером, иногда до поздней ночи, а после, когда уже резко проявился раскол, приходилось в перерыве между утренним и вечерним заседаниями устраивать еще и фракционные заседания.

А настроение на съезде делалось все горячей и горячей. Во время прений по программе можно было еще договориться и основная масса делегатов казалась единомыслящей. Проект программы «Искрой» был опубликован еще задолго до съезда, и все делегаты имели полную возможность изучить его и узнать мнение организации, пославшей делегата на съезд, а по организационному и тактическим вопросам дело обстояло совершенно иначе. Существовала только книга Ленина «Что делать?», которая поставила организационный вопрос во всей его принципиальности. Но большинство делегатов увидели эту книжку, только попав за границу, и поэтому тщательно изучить ее не успели. Большинству даже сторонников Ильича казалось, что главное — это договориться по программным разногласиям, а вопрос об уставе — это вопрос второстепенный, здесь нетрудно будет прийти к какому-нибудь единому выводу. И только те, кто изучил внимательно «Что делать?», понимали все значение организационного вопроса и его связи с программными и тактическими вопросами.

Каждый из нас, работающих в России, особенно в тех местах, где уже происходило массовое рабочее движение, ясно понимал необходимость создания единомыслящей и единодействующей партии. Мы сразу поняли все значение первого пункта устава, предложенного Лениным, как верного средства создать именно такую строго централизованную партию. Характерно, что Плеханов, редактор «Искры», прямо заявил, что

долго колебался, к кому пристать — к Мартову или Ленину, и наконец решился согласиться с Лениным. Здесь сказалось вообще неверие Плеханова в возможность создания мощной партии в нелегальных условиях. Он пошел тогда с нами, большевиками, и голосовал за ленинское предложение, по-видимому не поняв всей его серьезности, так же как он до съезда одобрял вместе со всей редакцией книгу Ленина «Что делать?», не поняв всей серьезности выдвинутых в ней проблем. Впоследствии он выступал против написанного в этой книжке и видел в ней главное зло. А пока на съезде по всем принципиальным вопросам, всплывшим после принятия мартовской формулировки первого пункта устава, он шел с нами, участвовал на наших фракционных заседаниях. Он даже как будто помолодел в нашей среде. Казалось, он уже теперь будет прочно с нами, и этому больше всего радовался Ильич.

Когда на съезде большевиков майоризировало меньшинство искровцев при помощи бундовцев и рабочедельцев и мы были биты по первому пункту устава, Ильич решил обезвредить этот пункт подходящим составом руководящих центров и строгими правами, предоставленными уставом этим руководящим центрам. Это удалось провести благодаря тому, что сначала бундовцы, а затем и рабочедельцы покинули съезд. Теперь мы остались в большинстве и могли уже спокойно проводить остальные пункты устава и на основании этого устава потом производить выборы в руководящие органы.

При принятии тактических резолюций обнаружилось, что между большевиками и меньшевиками существовали не только организационные, но и глубокие тактические разногласия. Мы фактически уже говорили на разных языках.

В последние дни работы съезда особенно интересно было наблюдать за Ильичем. Он проявил себя как настоящий вождь, которому дороже всего создающаяся партия. Еще теснее сплотились мы, большевики, вокруг Ленина. Теперь мы больше говорили уже не о съезде, а о будущей работе, о деталях организации.

После окончания работ съезда Ильич предложил всем большевикам поехать на могилу Маркса. Он

отлично знал дорогу туда и без всяких расспросов провел нас через запутанный и сложный лабиринт многочисленных пересадок на автобусы, трамваи, и наконец, после очень долгого пути, мы достигли кладбища. Ильич предложил нам прежде всего обратиться к сторожам с просьбой указать, где расположена могила Маркса. С этим вопросом мы обратились к нескольким сторожам. Все они ответили нам, что они знают расположение могил только известных людей, которые часто посещаются, а могилу мистера Маркса никто не посещает, и о ней никто не справлялся, и поэтому только в конторе нам могут дать справки о том, где она расположена. Но Ленину не пришлось обращаться в контору. Он уверенно провел нас без всяких затруднений прямо к могиле. И вот мы перед могилой величайшего гения, вождя пролетариата всех стран, величайшего теоретика, который своим учением обогатил все человечество, создал новую эпоху. Могила этого величайшего человека была совершенно запущена, очевидно, никем не посещалась. На могиле — старая мраморная плита, под которой покоится прах самого Маркса, его верной супруги, прошедшей с ним всю жизнь, Женни Маркс, его малолетнего внука и проработавшей у них всю жизнь верной служанки, друга семьи — Елены Демут. Окружив эту могилу, мы, русские большевики, думали о том, что именно мы призваны не только заботиться о поддержании этой могилы, но, что гораздо важней, и о поддержании всего учения Маркса, в значительной степени тогда забытого и искаженного. Теперь можно смело сказать, что мы действительно выполнили ту молчаливую клятву, которую дали тогда после окончания съезда, положившего начало большевизму.

Под руководством Ленина и его верных учеников мы не только возродили в чистом виде учение Маркса, но и на одной шестой части земной суши претворили в жизнь его учение, создали первую в мире социалистическую республику, создали мощный Интернационал, который уже в громадном размере возродил созданный Марксом I Интернационал. Теперь можно смело сказать, что в этот памятный день по-настоящему в виде маленькой кучки восемнадцати никому до того неведомых русских социал-демократов заложен был камень большевизма, призванного историей обновить весь мир.

Вскоре мы стали разъезжаться. Большинство поехало в Россию на нелегальную работу. Мне не удалось сразу вернуться туда. Ленин предложил мне поехать в Берлин и быть там представителем вновь избранного ЦК, выступать там в защиту нашей линии, ознакомить с ней тамошних товарищей. Ленин отлично понимал, что меньшевики воспользуются своими старыми связями, чтобы перед лидерами немецкого движения дискредитировать наше направление. Меня выбрал Ленин для этой цели, как человека, владеющего немецким языком. Он обещал обстоятельно информировать меня о всех дальнейших происшествиях в Женеве и инструктировать в новой для меня работе. И могу заявить, что он очень тщательно выполнил это обещание. Во все время моего пребывания в Берлине он аккуратно, лично или через Надежду Константиновну, снабжал меня самой подробной информацией и немедленно отвечал мне на каждый мой запрос. У меня тогда скопилась богатая коллекция его писем, и так жалко, что все они погибли через несколько лет при обыске, произведенном на квартире Камо[1] в Берлине.

Снова увидел я Ленина, очутившись после моей высылки из Берлина опять в Женеве, приблизительно через год после нашей разлуки. За это время многое произошло: начались измены и дезертирства. Первым изменил Плеханов. Он твердо держался, пока не очутился в привычной для него женевской обстановке, среди эмигрантов. На съезде Заграничной лиги он сначала шел за Лениным, но после почувствовал, что ему гораздо спокойнее будет со своими старыми друзьями — Аксельродом, Засулич и др. Он написал статью о «змеиной мудрости», которая будто бы заставляет мириться с меньшевиками и идти по отношению к ним на уступки. В редакции «Искры» встал вопрос — либо он, либо Ленин. Стало ясно, что вместе они работать не смогут. Среди большевиков не было никого, кто мог бы взяться за работу в редакции. Один вести «Искру» Ленин не решился, и он вышел из редакции. Плеханов «единогласно» кооптировал всю не выбранную на съезде четверку редакторов.

---

[1] *Камо* — профессиональный революционер — большевик С. А. Тер-Петросян.— *Ред.*

На этом закончилась славная история старой революционной «Искры». Затем перебежал выбранный на съезде член ЦК Глебов (Носков). Он от имени всего ЦК предложил ультимативно Ленину мириться с меньшевиками. За это время резко изменился состав ЦК. После ухода из редакции туда был кооптирован Ленин. Кроме него, был кооптирован еще ряд лиц. Кржижановский заболел, а кооптированная в ЦК Землячка перешла на местную работу в Одесский комитет. Оставшиеся в ЦК, не считаясь с Лениным, вынесли примиренческую резолюцию, которую и стал осуществлять Глебов, несмотря на протесты Ильича. И вот мы, большевики, получившие большинство на съезде, остались и без ЦО и без ЦК, которыми целиком завладели меньшевики. Ильич очень тяжело переживал эти измены. Но у него оставалась уверенность, что, несмотря на все это, большинство русских организаций пойдет за ним. Он продолжал неутомимо информировать всех оставшихся верными большевизму товарищей.

А между тем должен был состояться Амстердамский социалистический конгресс. Ильич, состоявший тогда еще членом ЦК, должен был участвовать на нем в числе делегации, составленной, кроме него, сплошь из меньшевиков, подобранных Советом партии, во главе с Плехановым. Ленин понимал, что на конгрессе ему выступить меньшевики не дадут, что ему предстоит там неблагодарная роль молчаливого свидетеля. Он хорошо понимал, что у бывших членов группы «Освобождение труда» имеются старые прочные связи и личная дружба. И вот он заявил в Совете, что по болезни не сможет поехать на конгресс и просит, чтобы его заменили Павловичем (Красиковым) и мной. Плеханов ответил ему, что он это сделать не может, что делегация уже составлена, что следует с этой просьбой обратиться к президиуму конгресса. Меньшевики от имени Совета составили доклад, который пустили в печать, не показав его одному из членов Совета — Ильичу. Тогда Ленин предложил нам срочно засесть за писание контрдоклада. Он распределил отдельные главы, которые должны были написать Воровский, Павлович и я. Сам он тоже взялся писать одну — последнюю главу. Мы засели у него на квартире за работу. Он писал сам и тщательно редактировал все написанное нами.

После этого мне пришлось переводить все написанное на немецкий язык и вести корректуру набранных в типографии листов. Во всей этой работе Ленин тщательно помогал мне. Больше семи суток мы почти не спали. Надежда Константиновна поила нас крепким кофе. Наконец я просмотрел последний лист корректуры. Мы не стали дожидаться, пока книжка будет напечатана. Ильич обещал, что вышлет ее, как только она будет готова, и мы поехали в Амстердам. Приехали туда как раз, когда перед открытием конгресса был устроен торжественный митинг, на котором выступали все вожди II Интернационала. Выступал и Плеханов. После его выступления мы подошли к нему. Он был очень удивлен и возмущен нашим появлением, но встретил нас как джентльмен. На наш вопрос, получил ли президиум телеграмму от Ленина с запросом о разрешении заменить его нами, он ответил, что телеграмма получена, но он не знает, как реагировал на нее президиум. После выяснилось, что полученную телеграмму президиум передал ему, как председателю делегации, для решения вопроса самой делегацией, а Плеханов заявил президиуму, что это была поздравительная телеграмма, которая не требует никакого решения. На наш вопрос, примет ли нас делегация или нам придется идти в президиум, Плеханов ответил, что он и делегация ничего поделать не могут, пусть решает президиум. Только мы отошли от него, как повстречали Розу Люксембург, с которой я был знаком в Берлине. Когда я рассказал ей, в чем дело, она очень возмутилась, и именно она рассказала нам, что Плеханов обманул президиум, заявив, что Ленин прислал поздравительную телеграмму. Она повела нас к Каутскому, который тоже знал меня по моей работе в Берлине. Тот встретил нас очень приветливо и посоветовал обязательно прийти на заседание президиума, обещая настоять там на нашем принятии в делегацию.

Наутро состоялось заседание Исполкома Интернационала, там заседали все вожди II Интернационала. Когда мне дали слово для изложения нашей жалобы, у меня екнуло сердце: мне ведь впервые пришлось выступать перед такой аудиторией, владел я немецким языком далеко не твердо. Но, быстро овладев собой, я изложил суть дела. Сказал о нашем II съезде, о тех

разногласиях, которые возникли там, о том, что мы, оставшись на съезде в большинстве и имея за собой в России большинство действовавших комитетов, лишены совершенно представительства на конгрессе. Я представил при этом только что полученную от Ленина телеграмму о том, что нам присланы мандаты от московской и одесской организаций. После меня слово было предоставлено Плеханову, который очень долго говорил о том, что на съезде обнаружилось полное единомыслие по всем важнейшим вопросам, что последовавший раскол партии произошел исключительно из-за желания Ленина играть первую роль в партии, что в действительности и сейчас в партии нет никаких разногласий, что существуют лишь ничтожные нюансы в мнениях, которые, конечно, ни в каком особом представительстве не нуждаются, поэтому он настаивает на отклонении нашей просьбы, как совершенно необоснованной. После него председательствующий на заседании Бебель дал слово Виктору Адлеру. Он заявил, обращаясь к Плеханову: «Разве ты не прожужжал нам все уши твоими жалобами на Ленина, на то, что между вами все большей становится пропасть, а теперь вдруг решаешься заявить, что у вас нет крупных разногласий, что только ничтожные нюансы мнений? Когда ты обманывал нас — тогда или теперь?» После него выступил с обстоятельной речью Каутский, который заявил, что в последнее время он имел возможность детально ознакомиться с положением в русской партии, говорил с большевиками и меньшевиками. Совершенно оставляя в стороне, кто из них прав, он не сомневается, что разногласия между ними очень крупные и принципиальные, и поэтому он настаивает на допущении нашего представительства, тем более, что Лидина (так звали меня в Берлине) он знает как вполне порядочного товарища. Говорили еще Роза Люксембург и англичанин Гайндман. Они тоже настаивали на нашем допущении. Заключительное слово взял Бебель, который тоже подтвердил, что от Плеханова и он слыхал про серьезные разногласия, возникшие у нас после съезда, поэтому он предлагает вынести резолюцию, что Исполком предоставляет право русской секции самой принять нас, если же там не договорятся, то тогда Исполком нас сам примет. Это была уже настоящая победа, и, выходя из Исполкома, мы

спросили Плеханова, как он теперь решит — допустит ли нас либо предоставит решать самому Исполкому. Он зло ответил, что делать нечего, придется допустить, но нам придется после конгресса отвечать перед Советом партии за самовольное обращение к конгрессу. Ну, это уже нас мало трогало, мы получили билеты и стали правомочными членами конгресса.

Через день был получен наш доклад, который был выпущен под моим авторством, так как Ленин, как член ЦК, не мог выпустить его под своим именем. Как только мы получили отпечатанную книгу, мы сейчас же разложили ее всем делегатам на столы. Многие подходили к нам и просили дополнительный экземпляр. Среди меньшевиков появление нашего отчета произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Аксельрод сразу побежал в президиум, чтобы добиться запрещения распространять наш отчет. А Засулич, которая сидела рядом со мной, перелистала лежащую перед ней книжку с нашим отчетом, сразу вскочила с места и с истерическим криком: «Я с вами больше не знакома!» — пересела на другой конец стола. Другие делегаты, особенно французы-гедисты, во время конгресса подходили и расспрашивали нас о подробностях нашего съезда и вообще нашей работы. Для большинства рассказанное в нашем отчете, в особенности о нашем массовом движении, было настоящим откровением. По этому поводу вспоминаю, как в самом начале моей работы в Берлине я с официальным мандатом ЦК, написанным Лениным, явился к главному редактору немецкого центрального социал-демократического органа «Форвертс» с извещением о съезде, о том, что у нас создалась единая партия, и с просьбой впредь помещать корреспонденции о России, только одобренные нашим ЦК. Старший редактор «Форвертс» ответил мне, что они охотно будут помещать наши корреспонденции, но одновременно с этим будут продолжать печатать корреспонденции и эсеровские, и бундовские, и сионистские.

И, действительно, они помещали наряду с написанными мной корреспонденциями самые фантастические небылицы о России, причем меньше всего о том, что действительно происходит в рабочем движении. Поэтому наш отчет с подробным изложением небывалой по размерам волны массовых забастовок, охвативших

за период 1902—1903 гг. весь юг, явился для большинства заграничных товарищей настоящим откровением. Наш отчет на деле, в особенности последняя глава, написанная Лениным, стал выступлением не только против наших меньшевиков, но и против основных принципов II Интернационала. Это было первым выступлением большевизма на международной арене. Не случайно поэтому, что сразу после конгресса все вожди II Интернационала встали на точку зрения меньшевиков, в то время как рабочие массы отнеслись сочувственно к нам, большевикам.

Когда я по приезде из Амстердама рассказал об этих наблюдениях Ильичу, он поручил мне заинтересовать нашим движением кого-либо из молодых социал-демократов — немцев и убедить выступить с рядом докладов о русском массовом движении. Познакомившись поближе с молодым Карлом Либкнехтом, я убедился, что он лучше других справится с этой задачей. Он жадно слушал мои рассказы о нашей нелегальной работе. Мы решили познакомить самую широкую немецкую рабочую массу с нашим движением. Я подобрал ему уйму фактического материала, он по нему составил несколько докладов, подыскал группу молодых социал-демократов, среди которых я припоминаю студента Альберти — мюнхенца. Они начали объезжать рабочие центры Германии с этими докладами. Всюду им приходилось выступать в переполненных залах, рабочие жадно вслушивались в их выступления. Германия переживала тогда острый экономический кризис, и в Саксонии против воли вождей началась волна забастовок, например знаменитая забастовка в Криммичау. Но скоро партайфорштанд (правление немецкой партии) запретил эти доклады под тем предлогом, что сейчас, во время предстоящих выборов в рейхстаг, нельзя отвлекать силы партии на чужие дела. А говорить про русские дела нельзя без того, чтобы оратора не привлекли к судебной ответственности за оскорбление дружественного монарха. И действительно, и сам Либкнехт и ряд его товарищей по докладам уже были привлечены к ответственности. Особенно протестовал против наших докладов член партайфорштанда Зингер. Он утверждал, что все русское движение не стоит и одного человека, который будет оторван от ос-

новной работы по проведению парламентских выборов. Он прямо пригрозил Либкнехту партийным взысканием, если он немедленно не прекратит свои выступления по русскому движению. Либкнехту пришлось временно, до окончания выборов, подчиниться. Но, как только кончились выборы, он снова вплотную занялся русскими делами.

Вскоре обнаружилось, что в целом ряде случаев немецкая полиция оказывала дружественное содействие русскому департаменту полиции в слежке за русскими социал-демократами. Иногда при этом совершались настоящие уголовные преступления. Так, например, у доктора Вечеслова, прежнего представителя «Искры», русский департамент решил произвести обыск, чтобы извлечь проходящую через него переписку с Россией. Официально произвести обыск было невозможно. Тогда немецкие полицейские симулировали ограбление его квартиры: в его отсутствие ворвались в квартиру, перерыли у него все вверх дном, забрали переписку. Мы пошли посоветоваться с Карлом Либкнехтом, у которого была адвокатская контора. Он сразу заинтересовался этим делом, привлек к нему нескольких товарищей, в том числе, помню, депутата от Шарлотенбурга Цубейля. Я тоже охотно принял участие в этом деле. Либкнехт организовал настоящий контрсыск, чтобы выяснить всю подноготную этого дела. Скоро выяснилось, что во главе русских полицейских в Берлине стоит старый провокатор Дандезен, живущий в Берлине под именем генерала Гартинга. Путем наблюдений мы скоро установили, что его штаб помещается в одной пивнушке, где аккуратно собираются русские сыщики и встречаются там с немецкими. Тут куются различные заговоры, например: в виде подкупа немецких почтовиков, чтобы они воровали письма русских революционеров для снятия с них копий; ограбления квартир поднадзорных и т. п. Когда был собран достаточный материал, Либкнехт передал его Бебелю для запроса в рейхстаге. Бебель им сразу заинтересовался, тем более, что немецкая партия одержала на выборах 1903 г. блестящую победу и могла теперь позволить себе резко протестовать против реакционного правительства Бюлова. Запрос Бебеля произвел колоссальное впечатление на самую широкую бюргерскую публику, которая гордилась честностью и

неподкупностью своей почты. А тут обнаружилось, что даже Берлинский университет оказывает поддержку русским сыщикам в их слежке за русскими студентами. На запрос Бебеля отвечал министр иностранных дел Рихтгофен. Он признал, что немецкая полиция помогает следить за русскими студентами, так как все они якобы являются анархистами, а русские студентки приезжают только для свободной любви.

Мы, конечно, созвали сейчас же после этого выступления собрание русской колонии, мне пришлось на этом собрании председательствовать, с подробным докладом выступил Либкнехт. После продолжительных прений была принята резолюция с протестом против наглого выступления министра Рихтгофена. Этот протест мы перевели на французский и английский языки и разослали по всем немецким и иностранным газетам. Конечно, ни одна немецкая газета не напечатала его, но зато почти все видные французские и английские газеты широко распространили наш протест. Он вызвал настоящий европейский скандал. Так что замолчать его не удалось, и с ответом на него выступил сам рейхсканцлер Бюлов, который обрушился на нас настоящей погромной речью, в которой, чтобы привлечь симпатию многочисленной партии консерваторов с антисемитским уклоном, он заявил, что «не позволит разным заговорщикам и бунтарям, вроде Мандельштама и Зильберфарба, вмешиваться в наши немецкие дела». Но после его выступления все антисемитские газеты подхватили его слова и всюду запестрели громадные анонсы о Мандельштаме и Зильберфарбе, под этими именами созывали митинги анархисты, с одной стороны, антисемиты и консерваторы — с другой. Мы сейчас же после выступления Бюлова организовали снова собрание русской колонии и вынесли новый протест, теперь уже против Бюлова, и снова разослали его по всем немецким и заграничным газетам. На этот раз большинство социал-демократических и свободомыслящих, и центристских газет перепечатали его с самыми различными комментариями, направленными против Бюлова. В тот же вечер старый социал-демократ Ледебур предупредил меня, чтобы я как можно скорей исчез из Берлина, так как он слыхал, что меня решили арестовать и выдать России. Конечно, я сразу последовал мудрому совету и

в тот же вечер через Италию направился в Женеву.

Я этому был очень рад, жизнь в Берлине мне здорово надоела, да и хотелось поработать рядом с Ильичем. Я тщательно информировал Ильича о всем, что делал в Берлине. Он особенно одобрил мое сближение с Либкнехтом, одобрил также мою статью, которую я отнес Каутскому для помещения в «Нейе цейт»[1]. В статье я выступил в защиту нашей большевистской точки зрения, против меньшевиков. Каутский отказался напечатать статью, но ответил на нее в меньшевистской «Искре», что особенно возмутило Ильича. В Женеве мне удалось занять квартиру в одном доме с Ильичем. В этом же доме жил Бонч-Бруевич и расположена была наша большевистская экспедиция. Весь дом состоял из двух- и трехкомнатных простеньких миниатюрных квартир, специально выстроенных для рабочих. Дом был недавно отстроен, поэтому не загрязнен, а главное очень дешевый. В месяц пришлось платить по 25 франков, т. е. рублей по 8. Постепенно вокруг Ильича поселились и все приезжавшие большевики. Тут же на улице Каруж сняли помещение Лепешинские, устроившие у себя столовую, в которой мы все дешево обедали. Вблизи поселились Воровские, Ольминский, Луначарские, Богданов, Гусев, Красиков и др. Так на берегах мутного Арва образовалась наша большевистская колония. Каждый день за обедом мы встречались у Лепешинских. Здесь на каждую новую выходку меньшевиков мы отвечали какой-нибудь карикатурой. Обычно придумывали ее коллективно. Один дополнял другого, а Лепешинский тут же рисовал ее. Так появилась в ответ на статью Мартова, в которой он возвестил о политической смерти Ленина, известная карикатура «Как мыши кота хоронили». Особенно хорошо вышел Ильич в образе кота

---

[1] *«Die Neue Zeit» («Новое время»)* — теоретический журнал германской социал-демократии, выходивший в Штутгарте с 1883 по 1923 г. В 1885—1895 гг. в «Die Neue Zeit» был опубликован ряд статей К. Маркса и Ф. Энгельса. Энгельс резко критиковал редакцию журнала за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал, являясь проводником каутскианских взглядов, систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов.— *Ред.*

Васьки, который, хитро прищурив один глаз, выслушивает надгробную речь Мартова, в заключительной картинке, когда он разделывается с меньшевистской редакцией. Очень удался также Плеханов в виде мудрой крысы Онуфрия и пляшущий с ним трепака молодой наглый Троцкий. Очень удалась также карикатура «Жизнь преподобного Георгия-непобедоносца», в которой рассказывается, как Плеханов впустил в храм — кооптировал в редакцию — меньшевиков и что из этого вышло, как они загадили этот храм. Эта карикатура особенно обозлила Плеханова. Когда Плеханов написал свое знаменитое «Теперь молчание невозможно», мы объявили конкурс на наилучший ответ на эту статью. На конкурсе было представлено несколько статей. Ильич одобрил мою, которую я и послал в виде письма в редакцию «Искры». Оно было напечатано там рядом с ответом Плеханова, в котором он грозно вопрошает, по какому праву я задаю ему вопросы. Ответ его поразил нас всех своей наглостью и высокомерием.

Одновременно со мной с письмом в редакцию обратилась и вся группа женевских большевиков. Письмо это «Искра» совсем не напечатала под тем предлогом, что неизвестно, являются ли подписавшиеся членами партии. В ответ на статью Плеханова появилась новая карикатура: мы все, писавшие в «Искру», изображены были в виде толпы оборванцев, подающих приставу Плеханову челобитную, Мартов — в виде полицейского делопроизводителя, Троцкий — в виде готового на все околоточного, Дан — в виде сыщика, разглядывающего внимательно толпу просителей. Аксельрод и Засулич — в виде икон. Все вышли очень удачно. Вообще все наши карикатуры были очень злые и попадали прямо в глаз. Конечно, больше всего доставалось Плеханову. Помню, как заразительно хохотал Ленин, который принимал самое живое участие при обсуждении текста карикатур. После карикатуры размножались на гектографе и разбирались нарасхват, преимущественно меньшевиками, хотя мы назначили за них сравнительно очень высокую плату.

Ильич заканчивал в это время свою фундаментальную книгу «Шаг вперед, два шага назад». После возвращения с Амстердамского конгресса Ильич назначил меня партийным кассиром. В экспедиции, помимо Бонч-

Бруевича, работала моя жена Кручинина и несколько молодых людей. Надежда Константиновна вела обширную переписку с Россией, аккуратно снабжала все наши организации сведениями обо всем, что творится у нас в Женеве. Я помогал ей шифровать и расшифровывать письма. Активным помощником в этом была и Фотиева, приехавшая к нам после побега из Уфы. Постепенно съезжались и литераторы: Воровский, Ольминский, Богданов и Луначарский. До того меньшевики постоянно кричали, что у большевиков, кроме Ленина, нет никаких литературных сил.

ЦК в лице Глебова хотел было запретить посылку в Россию ленинских «Шагов», но тут энергично восстала наша экспедиция, которая приняла все меры к тому, чтобы «Шаги» своевременно и быстро были переправлены в Россию. Ведь транспорт еще оставался в наших руках, в наших руках была пока и искровская типография. Транспортом в Берлине заведовал по-прежнему Пятницкий, а в России — Папаша (Литвинов). После измены ЦК мы уже не могли выпускать литературу от имени ЦК. Тогда появилась «фирма» «Ленин и Бонч-Бруевич»[1]. Под этой фирмой вышли книжки Галерки (Ольминского) и Рядового (Богданова), Воровского, Ленина. Все более становилось ясным, что между нами и меньшевиками никакой общей работы быть не может. Разрыв неизбежен. И его необходимо форсировать. От всей этой склоки (меньшевики всячески старались идейный спор превратить в настоящую мелочную склоку) Ильич очень устал, и его пришлось почти насильно отправить на отдых в деревню, близ Лозанны. Там, на лоне природы, путешествуя по горам с Надеждой Константиновной, он действительно отдохнул. Мы все старались, чтобы к нему совершенно не проникали новости о новых изменах — типографии, части транспорта и т. п.

А между тем все более и более выяснялось, что нам не обойтись без своей газеты, без своего практического

---

[1] Речь идет об *издательстве социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина,* которое было создано большевиками после того, как меньшевистская редакция «Искры» закрыла для них страницы газеты и отказалась печатать заявления организаций и членов партии, выступавших в защиту решений II съезда и требовавших созыва III съезда партии.— *Ред.*

центра. Надо было начинать серьезную подготовку созыва III съезда. Прежде всего нам нужна была газета. Мы были за границей страшно одиноки. Громадное большинство заграничной публики состояло из обеспеченных студентов, которые почти все были либо меньшевиками, либо эсерами, либо бундовцами. Рабочие-эмигранты были преимущественно бундовцы или сионисты. Среди старых русских эмигрантов преобладали народовольцы и бакунисты, которые все стали эсерами. Так что на заграничную публику нам рассчитывать не приходилось. Наша вся надежда была на Россию, где, несмотря на то что мы за отсутствием средств не могли посылать людей, симпатии к нам все более росли. Начать газету необходимо, но как начать без средств? А наша касса была пуста. Много планов, иногда самых фантастических, возникало у нас во время обеда. Для начала денег нужно было совсем немного, типография охотно предоставит кредит. Тут я узнал, что одна сочувствующая нам студентка — Попова получила из дома сто рублей на поездку на каникулы в Россию. Я решил убедить эту девицу, что она сделает благое партийное дело, если откажется от поездки домой и пожертвует эти деньги нам на газету. Попова долго колебалась: уж больно ей хотелось побывать дома. Но партийный долг взял верх, она отдала мне деньги. С ними уже можно было начать и можно было не сомневаться, что, если удастся выпустить газету, появятся и деньги. Теперь оставалось договориться с Ильичем, чтобы приступить к делу немедленно. Это поручили нам с Ольминским. Мы застали Ильича за работой в огороде. Он помогал своему хозяину рыть картошку. Ильич нам очень обрадовался. Ему, видно, здорово надоело вынужденное безделье. Но, когда мы заговорили с ним о газете, он не сразу согласился, не хотел действовать на авось, а тщательно все расспросил, все взвесил.

И вот тут-то был намечен весь план действия. Мы начнем с созыва конференции, хотя бы из тех работников, которые имеются уже в Женеве, затем с принятыми на конференции решениями кто-либо из нас поедет в Россию, отвезет их верным товарищам в три места: на север, на юг и Кавказ. Там местные организации должны созвать конференции — Северную, Южную и Кавказскую. На них должны быть одобрены принятые на

Женевской конференции решения, утверждены выдвинутые в Женеве кандидаты в руководящие органы. И тогда предполагаемая газета будет уже не частным изданием отдельных лиц, а официальным органом определенной организации. Обсудив и детально обдумав весь план предстоящей кампании, Ильич загорелся энергией, он уже не хотел более отдыхать, заторопился возвращаться в Женеву и скорее взяться за работу.

И, действительно, через несколько дней после нашего возвращения прикатил в Женеву Ильич. Он сразу созвал всю женевскую группу большевиков, рассказал про разработанный нами план начала решительных шагов по созыву III съезда. Всем нашлось дело в начавшейся работе. Вокруг Надежды Константиновны образовалась целая канцелярия, занятая срочной перепиской с российскими организациями, литераторы занялись выработкой резолюций. А Ильич взялся за составление обращения от имени конференции. А мы, хозяйственники, договаривались с французскими типографиями о наиболее льготных условиях печатания и о кредите на бумагу. Дело затруднялось тем, что только в немногих типографиях был русский шрифт и надо было подыскать русских наборщиков.

Ильич сразу ожил. Он сам участвовал в окончательных переговорах с хозяевами типографий, сам убеждал наборщиков из русских эмигрантов идти работать в нашу газету, редактировал все написанное нашими литераторами, одним словом, он всюду успевал, все делал. И на конференции чувствовалась его рука хозяина, твердо верящего в свое дело. Мы снова почувствовали, что старый опытный рулевой опять уверенно повел корабль.

Сразу после окончания работ конференции 22-х, как она называлась, Ленин поручил мне свезти ее решения в Россию. Прежде всего я поехал в Ригу, где тогда работал Папаша (Литвинов), которому Ильич поручил созвать конференцию северных комитетов, затем я поехал в Одессу, где передал Левицкому поручение собрать конференцию южных комитетов, и наконец — в Баку, где должен был повидаться с Алешей Джапаридзе, который должен был созвать конференцию кавказских комитетов.

Я очень быстро проделал этот путь, удачно выполнил все порученное Ильичем. Все намеченные конференции состоялись, и они полностью приняли предложенное конференцией 22-х решение о немедленном начале подготовки созыва III съезда. Эту задачу конференции возложили на специальный большевистский центр, названный Бюро комитетов большинства, и на центральную газету большевиков «Вперед».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,
фонд неопубликованных воспоминаний сектора
произведений В. И. Ленина.

Публикуется впервые.

Гусев Сергей Иванович (1874—1933) — член КПСС, профессиональный революционер. В 1896 г. работал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». С 1900 г. искровец, в 1902 г.— член Донского комитета РСДРП, один из организаторов ростовской стачки 1902 г. Делегат II съезда РСДРП от Донского комитета (по протоколам съезда — Лебедев), сторонник большинства. В 1905—1906 гг. секретарь Петербургского, затем Одесского комитетов РСДРП, член Московского комитета РСДРП. В 1906 г. арестован и выслан в Тобольскую губернию; после побега из ссылки в 1909 г. вел активную подпольную работу в Петербурге. В октябрьские дни 1917 г. секретарь Петроградского военно-революционного комитета, в 1918—1921 гг. на руководящей работе в Красной Армии, с 1923 г. член ЦКК, в 1925 г. заведующий отделом печати ЦК ВКП(б), в 1928—1933 гг. член президиума Исполкома Коминтерна.

С. И. ГУСЕВ

О ВТОРОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

(Из воспоминаний)

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

Представитель организационного комитета Попов (Розанов) приехал в Ростов-на-Дону как раз в тот день, когда там происходила известная мартовская демонстрация (2 марта 1903 г.).

Вечером, после демонстрации, он пришел ко мне на квартиру, где уже находились Локерман, Браиловский и еще некоторые члены Донского комитета. Собрание нам пришлось вести в крайне спешном порядке, так как ежеминутно можно было ожидать появления жандармов. Нам было известно, что жандармы успели получить сведения о составе нашей организации и наметили ее близкую ликвидацию, почему мы и поторопились использовать оставшееся время и устроили демонстрацию. Приходилось только удивляться, что они не пришли на мою квартиру тотчас же, а отложили визит до следующего дня. Это дало нам возможность заслушать доклад Попова о созыве съезда и принять предложение ОК. Заседание продолжалось часа $1^1/_2$ и носило весьма праздничный, оживленный характер, так как все участники его были еще полны впечатлений от только что удачно проведенной демонстрации.

На следующий день был арестован Локерман. Обыска у меня произведено не было, и обо мне жандармы не спрашивали. Некоторые товарищи решили на этом основании, что я жандармами не «расшифрован», но для меня было ясно, что это вопрос нескольких дней, если не часов. Поэтому я предпочел спрятаться у одного знакомого, стоявшего вне всяких подозрений. Через три дня я, переодетый реалистом, добрался до Новочеркасска и, пробыв там около недели, пока мне не добыли средства, отправился за границу.

После ряда мытарств и злоключений я благополучно перебрался через границу у Волочиска, но из-за недостатка денег застрял во Львове, откуда послал в «Искру» описание ростовской демонстрации.

Чуть ли не на следующий день по приезде в Женеву меня познакомили с Плехановым и Потресовым. По настоянию Плеханова решено было, что я сделаю публичный доклад о ростовских событиях (ноябрь 1902 г.— март 1903 г.). Докладом преследовались две цели: во-первых, дать бой эсерам, которые пытались приписать часть «заслуг» в ростовской забастовке себе, во-вторых, собрать деньги для «Искры». Обе цели удались. Народу собралось очень много, а разоблачение мною позорной попытки члена Донского комитета Брагина (в 1920 г. расстрелян в Ростове за службу в деникин-

ском Осваге[1]) и пропагандиста Владимира Азефа (брата известного провокатора) выступить во время забастовки от имени несуществующей группы эсеров произвело столь сильное действие, что нашелся только один эсер, который решился выступить, но не с опровержением моих утверждений, а с возражением против сделанной мной квалификации действий Брагина и Азефа. Действительно, сгоряча я обозвал их предателями, а следовало назвать их изменниками.

В переработанном виде мой доклад был напечатан в № 41 «Искры» (статья «Благородства своего не соблюла»).

На празднование 1 Мая я был отправлен в Цюрих, где сделал два доклада: о ростовских событиях и о 1 Мая. Как обнаружилось в 1920 г. из разговора с т. Дзержинским, он присутствовал на этих докладах.

Вскоре после 1 Мая я уехал в Кларан на берег Женевского озера, где в это время находился Плеханов. Здесь я имел возможность наблюдать Плеханова в его частной жизни во время ежедневных встреч, и эти наблюдения несколько расхолодили те чувства глубокого уважения и преклонения перед ним, которыми я был преисполнен, пока не узнал его ближе...

В конце мая мы вернулись в Женеву, куда к этому времени начали съезжаться делегаты съезда. Для делегатов было устроено несколько предварительных совещаний, из которых я запомнил два: одно — по вопросам о даче показаний, а другое — по вопросу о популярной газете.

На первом докладчиком был Дейч, доказывавший, что самая лучшая тактика — не давать жандармам никаких показаний. После окончания доклада несколько минут никто не брал слова, несмотря на неоднократные приглашения председателя. Мне стало неловко из-за товарищей, ибо получалось так, будто приезжие боятся выступать перед вождями, и я решился попросить слово. Я не возражал против основного положения доклада, а только поставил два вопроса: 1. Не могут ли быть такие случаи, когда организация найдет нужной дачу показаний, например при обвинении социал-демократа в террористическом

---

[1] *Осваг* — Осведомительно-агитационное отделение армии Деникина.— *Ред.*

акте и принадлежности к партии эсеров. 2. Применима ли тактика полного отказа от показаний в тех случаях, когда организация найдет нужным использовать судебный процесс для политических целей путем речей подсудимых, для сего может оказаться нужной дача некоторых показаний.

Отвечал мне какой-то неизвестный чернявый молодой человек в пенсне и с длиннейшей шевелюрой. Ответ был очень резок по форме. Это, впрочем, было тогда в духе времени и меня не удивило. Но что неприятно поразило— это нотка высокомерия, которая звучала в ответе.

Таково было мое первое знакомство с Троцким. Оно не вызвало у меня к нему никаких симпатий.

Второе собрание было не столь многолюдно, как первое. Были там Плеханов, Засулич и, кажется, Потресов, а также несколько делегатов. Тогда я еще не знал, что вопрос о популярной газете был у Ленина «лакмусовой бумажкой» по отношению к делегатам, которые не принадлежали к организации «Искры» и которых в Женеве еще не знали как следует. Считалось, что сторонники популярной газеты — нетвердые искровцы. Я же приехал с мыслью о необходимости издания такой газеты за границей, так как опыт «Южного рабочего», издававшегося в России, меня убедил, что гораздо труднее наладить регулярный выпуск и распространение газеты в России, чем организовать ее транспорт из-за границы. Да и газета за границей будет вестись, несомненно, лучше и живее. В течение получаса я приводил различные соображения, доказывая необходимость популярной газеты. Плеханов, стоявший за издание популярной газеты наряду с «Искрой» и искавший себе в этом вопросе союзников, по окончании моей речи скороговоркой сквозь свои пышные усы произнес: «Браво! Браво!»...

Вопрос о популярной газете обсуждался еще раз на частном совещании делегатов в начале съезда в Брюсселе...

На самом съезде вопрос о популярной газете выплыл в конкретной форме при обсуждении вопроса о «Южном рабочем». Я впервые увидел тогда, что политические соображения могут коренным образом изменить постановку и решение технического вопроса. По техническим соображениям популярную газету, доступную широким слоям рабочих, издавать было возможно. Но по полити-

ческим соображениям можно было в тот момент допустить издание только одного центрального органа. Политическая необходимость вытесняет техническую — таков был для меня один из первых политических уроков съезда, который я твердо запечатлел в своей памяти.

Время приближалось уже к съезду, а я все еще не видел Ленина, которого в Женеве не было. Дней за десять до съезда произошла и эта встреча.

Однажды группа делегатов съезда (в том числе и я) шла по улице Каруж и на повороте столкнулась с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной.

Больше всего меня поразило в Ленине при первом знакомстве умение его одновременно вести разговор с несколькими собеседниками. Он засыпал всех быстрыми вопросами, как-то успевал понять ответ, не дослушав его до конца, как бы заранее зная, каков будет ответ, и тотчас же ставил новые вопросы, и притом так, что самим вопросом ответ как бы предрешался. Получалось такое впечатление, как будто он одновременно быстро играл несколько партий в шахматы и ставил своих противников в такое положение, что у них не оставалось никаких других ходов, кроме вынужденных. При этом глаза его так быстро перебегали с одного собеседника на другого, что казалось, будто у него не одна пара глаз, а не менее двух.

Как только он услышал мою фамилию (я жил тогда под фамилией Лебедев), он тотчас же поставил мне вопрос: «Вы стояли за издание популярной газеты?»

И пока я ему ответил: «Да, я считаю издание популярной газеты за границей при «Искре» крайне нужным делом», он уже успел задать кому-то другой вопрос, а затем его глаза перепрыгнули на меня и засмеялись. «Будем посмотреть, насколько это нужно»,— быстро проговорил он. И опять: не успел я еще сообразить, что ответить ему, как он уже разговаривал с другим товарищем.

Только позже я понял, что вопрос о популярной газете был задан не случайно и неспроста.

Вскоре затем мы поехали на съезд. Мне, как знающему языки, поручено было довезти до Брюсселя тех рабочих, которые приехали в Женеву. Их было трое, и, если не ошибаюсь, все они ехали под моим руководством, что дало повод товарищам шутить надо мной, называя меня «вождем пролетариата». Ехали мы до Кельна по Рейну.

Превосходная погода, живописнейшая местность, радостные настроения в связи с предстоящим съездом, которого так долго ждали,— давало ли все это какой-либо намек на то, что произошло потом на съезде?

НА СЪЕЗДЕ

Общеизвестно и не раз уже было описано, как мое шумное пение оказало плохую услугу съезду. В гостинице, где за огромным столом собирались обедать чуть ли не все члены съезда, меня заставляли распевать «Эпиталаму» из рубинштейновского «Нерона», «Свадьбу» Даргомыжского и другие песни. Обеденный зал гостиницы находился во втором этаже и выходил на шумную, но узкую улицу, так что нетрудно было покрыть уличный шум пением. Перед окнами гостиницы собирался народ. Это бросилось в глаза полиции. Я первый заметил за собой слежку. Для проверки я сговорился с одесским делегатом Костичем. По окончании вечернего заседания я начал бродить по улицам Брюсселя, а Костич шел на некотором расстоянии от меня по другой стороне. Затем мы сошлись в условленном кафе, и Костич сигналом сообщил мне, что шпики за мной есть. Потом он вышел из кафе, я последовал за ним и обнаружил, что и его преследуют два шпика. На следующий день мы сообщили свои наблюдения на съезде, и в тот же день было решено съезд перенести в Лондон. Решено было также, чтобы все делегаты, в случае если им придется иметь дело с бельгийской полицией, выдавали себя за каких угодно иностранцев, но ни в коем случае не говорили, что они русские.

На следующий день меня вызвали в полицию, где я любезно сообщил, что я румынский студент Романеско, а в Брюсселе нахожусь по своим интимным (сердечным) делам. Мне выдали проходное свидетельство с предложением покинуть в двадцать четыре часа пределы Бельгии. На следующий день я вместе с Землячкой уехал в Лондон. Здесь полиция нас не тревожила и на мое пение никто не обращал внимания.

Но зато стало неспокойно на самом съезде.

Надо заметить, что не все делегаты, стоявшие на искровской точке зрения, принадлежали к организации «Искры». Хотя Донской комитет еще осенью 1902 г. при-

соединился к «Искре», но это еще не значило, что его члены тем самым стали членами организации «Искры». Даже после приезда к нам в Ростов члена ОК по созыву съезда Попова (Розанова) и после его благоприятного отзыва о комитете мы еще не считались членами организации «Искры». Эта часть делегатов-искровцев, не состоявших в организации «Искры», находилась в первую половину съезда на положении «диких», так как они не принадлежали ни к одной из представленных на съезде крупных организаций («Искра», «Союз русских социал-демократов», Бунд, «Южный рабочий»). Во время съезда происходили закрытые совещания делегатов, состоявших членами организации «Искры», но в тайны этих совещаний «дикие» посвящаемы не были. Только позже, когда организация «Искры» во время съезда раскололась и из нее образовались две фракции, «дикие» распределились между этими фракциями.

Первым громом, грянувшим на съезде, были прения по вопросу о первом параграфе устава партии. Они произвели на меня сильнейшее впечатление, ибо впервые на съезде обнаружилось, что среди самих искровцев, вместе с которыми мы, «дикие», шли единой стеной и против рабочедельцев, и против бундовцев, и против южнорабоченцев, имеются крупные разногласия по некоторым вопросам. Большое значение этой трещины в рядах искровцев я почувствовал особенно в связи с ничтожным инцидентом, происшедшим в перерыве тотчас после решающего голосования первого параграфа устава. Я подошел к Попову (Розанову) и в дружеском, товарищеском тоне сказал ему: «Как же это вы, товарищ, оказались за формулировку Мартова?» Попов ответил мне таким грубым ругательством, какое ни в коей мере не вызывалось ни тоном, ни содержанием моего вопроса. Почему этот южнорабоченец, только что одержавший победу вместе с искровцами Мартовым и Аксельродом над Плехановым и Лениным, находился в таком нервном настроении, я так и не понял. Но крайне болезненная реакция на мой вопрос дала мне почувствовать, что за разногласиями по первому параграфу устава кроется что-то большее.

Вопрос же мой я считал вполне законным потому, что, как практик, работавший на местах и имевший очень много всяких дел со всякими «сочувствующими» и «со-

действующими», начиная от мелких приказчиков, которым «лестно» было давать свои квартиры для конспиративных свиданий, и кончая крупнейшими купцами и банкирами, которые довольно охотно давали деньги на то, чтобы другие устраивали революцию, я ни на секунду не сомневался, какую формулу надо было выбрать — ленинскую или мартовскую. И мне казалось, что и Попов должен был, как практик, быть за ленинскую формулу.

Отойдя от Попова, я столкнулся с Лениным и, полный еще впечатлений от только что разыгравшейся жаркой битвы, заговорил с ним о его проекте устава. «Понятие члена партии у нас ясно, но понятие партийной организации расплывчато»,— сказал я ему. Ленин буквально уцепился за эти слова и, схватив кого-то из проходивших мимо делегатов за рукав, притянул его к себе со словами: «Послушайте, послушайте, что говорит т. Лебедев». Ленин повторил ему мои слова, а затем, обернувшись ко мне, разъяснил: «Совершенно верно. Но понятие партийной организации у меня определяет ЦК. Если ЦК утвердил организацию, то она тем самым и стала партийной».

Это был первый разговор мой с Лениным после встречи в Женеве на улице. Уже в течение первых двадцати заседаний для меня стало ясно, что Ленин играет в руководстве съездом не менее важную роль, чем Плеханов, а в отдельные моменты, наиболее горячие, берет на себя руководство целиком. Сила, выразительность, своеобразие и простота речи Ленина, отсутствие всяких «украшений», без которых Плеханов не мог произнести ни одной речи, великолепное спокойствие и улыбка Ленина, его поразительная простота в отношениях к товарищам, притом какая-то особая, ленинская простота, сильно отличавшаяся от интеллигентской простоты Мартова и Засулич, наконец, то, что наиболее резко отличало Ленина от всех других,— какое-то высшее наслаждение и упоение, с каким он отдавался работе, не уступая ни единой крупицы времени на какую-то «частную» жизнь и не считаясь ни с какими личными связями и симпатиями,— все это уже выделяло Ленина среди той шестерки, которую мы знали как возглавляющую «Искру». Но пока шестерка шла дружно вместе, роль и значение Ленина в ней оставались еще не вполне раскрытыми. Казалось, что все искровцы в борьбе против Бунда, против рабочедельцев

и т. д. выступают одинаково сильно и произносят одинаково прекрасные речи.

Однако, как только искровцы разбились на две части при обсуждении первого параграфа устава, так тотчас же стало ясно, какое большое различие существует между Лениным и Мартовым и насколько Ленин выше Мартова. И чем дальше шел съезд, чем сильнее разгоралась борьба между искровцами, тем все выше вырастала в наших глазах фигура Ленина. И к концу съезда она стояла, по крайней мере в моих глазах, выше фигуры Плеханова.

Характерно было уже то, как высказался Плеханов насчет первого параграфа устава. Он начал свою речь следующими словами: «Я не имел предвзятого взгляда на обсуждаемый пункт устава. Еще сегодня утром, слушая сторонников противоположных мнений, я находил, что «то сей, то оный на бок гнется». Но, чем больше говорилось об этом предмете и чем внимательнее вдумывался я в речи ораторов, тем прочнее складывалось во мне убеждение в том, что правда на стороне Ленина» [1].

Эти слова крайне удивили меня. Как можно по такому основному организационному вопросу не иметь «предвзятого взгляда»? Или, быть может, это дипломатический выверт по отношению к Аксельроду, который на утреннем заседании дважды выступал за формулу Мартова? Плеханову неприятно подносить пилюлю Аксельроду, и он позолачивает ее? Или, может быть, это неизбежные плехановские предисловия и вступления к речи, совершенно ненужные, так как вместо всего этого предисловия можно было просто сказать: «Я нахожу, что правда на стороне Ленина»?

Неприятное впечатление от начала речи Плеханова, правда, было сглажено ее продолжением.

Вопрос о первом параграфе устава обсуждался на 22-м и 23-м заседаниях съезда. На дальнейших заседаниях, вплоть до 30-го, за исключением 25-го, формально царит мир между обеими частями искровцев. Они еще продолжают совместно проводить ту линию против рабочедельцев и бундовцев, которая наметилась с самого начала съезда. На 25-м заседании выплывает вопрос о

---

[1] «Второй съезд РСДРП». Июль — август 1903 г., М., Партиздат, 1932, стр. 273 (Ин-т Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б). Протоколы съездов и конференций ВКП(б)).

В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию.— *Ред.*

Совете партии, и в зале заседаний создается еще более напряженная атмосфера, чем это было при обсуждении первого параграфа. За сравнительно спокойными дебатами о Совете чувствуется глухая борьба, происходящая за кулисами съезда. Это заседание запомнилось почему-то особенно ярко во всех деталях. Низкая зала, скупой желто-серый лондонский свет, какая-то суровая тень на всех лицах. Даже неунывающий и бросавший направо и налево шутки и остроты Плеханов приумолк. Еще недавно он издевательски шутил над бундовцем Либером, который на вопрос Плеханова, относится ли его, Либера, требование свободы или равноправия языка во всех государственных учреждениях также и к управлению государственного коннозаводства, смело бросил «да», на что Плеханов скороговоркой ответил: «К сожалению, лошади не говорят, а вот ослы иногда разговаривают». Но сейчас Плеханов молчалив и только усиленно подергивает свои усы. Ленин в каком-то повышенном настроении и при голосовании поднимает руку как-то особенно высоко, как бы командуя своим сторонникам: голосуйте!

Затем проходят еще четыре заседания, посвященные детальному обсуждению отдельных параграфов устава и главным образом «избиению младенцев», т. е. ликвидации ряда партийных организаций [1]. Несмотря на крайне обострившиеся к этому времени отношения между отдельными частями искровцев, они вынуждены совместно подводить итоги всей той борьбе, которую они вели против рабочедельцев, против Бунда, против «Борьбы» и т. д., но на каждом шагу чувствуется, что произошел в организации «Искры» какой-то внутренний неизлечимый надлом. Выступления против рабочедельцев и бундовцев ведутся как бы по обязанности. Только Плеханов еще пытается подшутить и бросает вдогонку уходящим со съезда Мартынову и Акимову: «Ушел Мартын с балалайкой».

Даже руководство заседаниями ослабевает, и прения приобретают какой-то хаотический характер. Особенно характерно в этом отношении 29-е заседание.

[1] Имеется в виду решение II съезда РСДРП о роспуске отдельных групп — группы «Борьба», причислявшей себя к РСДРП, социал-демократической группы «Южный рабочий», а также «Союза русских социал-демократов за границей».— *Ред.*

Наконец наступает историческое, решающее 30-е заседание. Оно начинается весьма странно. После принятия двух мелких резолюций председатель заявляет:

— На очереди стоит вопрос о группе «Южный рабочий».

Наступает долгое молчание, длящееся несколько минут. Никто не хочет брать слово. Вопрос полностью ясен, неоднократно обсуждался и был предрешен на предшествующих заседаниях. Все знают, что «Южный рабочий» будет распущен и что никакое иное решение вопроса уже невозможно. Но никому не хочется брать на себя роль инициатора в этом деле, однако, как видно будет дальше, по разным мотивам.

Молчание становится все более тягостным. Наконец я беру слово и предлагаю товарищам из «Южного рабочего» высказаться. Смысл этого предложения в том, чтобы облегчить съезду роспуск этой группы, вызвав со стороны представителей «Южного рабочего» заявление о том, что они не возражают против роспуска. Но один из представителей «Южного рабочего» — Попов притворяется, что они будто бы не понимают, чего от них хотят.

— Когда речь шла о других организациях,— говорит он,— их никто не заставлял высказываться... О группе «Южный рабочий» съезд также достаточно осведомлен,— мы своевременно представили доклад. Все зависит теперь только от съезда, и я не понимаю, чего от нас хотят [1].

Вновь наступает длительное молчание, и мне приходится вновь взять слово, чтобы «нанести смертельный удар» приговоренному к смерти «Южному рабочему». Стараюсь сделать это в возможно мягкой форме.

— «Южный рабочий»,— говорю я,— выполнял две функции: литературную и техническую (доставка литературы и т. п.) [2].

И дальше идет предложение: по части технической убить «Южный рабочий» теперь же. Впрочем, я великодушен и могу согласиться на то, чтобы это богопротивное дело сделал будущий ЦК. Что же касается литературной функции «Южного рабочего», то по этой линии будем убивать его позже, когда будет обсуждаться пункт о партийной прессе.

---

[1] «Второй съезд РСДРП», стр. 350.

[2] Там же.

Это было уже шагом вперед, но представителей «Южного рабочего» не так-то легко сдвинуть с места, и выступающий вслед за мной его второй представитель, Егоров (Левин), предлагает, чтобы высказались не они, а съезд. Начинается долгое хождение вокруг да около вопроса. Южнорабоченцы кланяются съезду и говорят любезности, съезд кланяется южнорабоченцам и говорит комплименты, и оба предлагают друг другу высказаться. И самое замечательное — это то, что наиболее ответственные представители обеих групп искровцев молчат. Только Плеханов приглашает представителей «Южного рабочего» высказать свои виды на будущее, чтобы уладить дело к обоюдному удовольствию. Попов и Егоров вновь берут слово, и на этот раз Попов более тонко, Егоров погрубее намекают на то, что они не прочь бы остаться в качестве второго партийного центра.

— Если подобная организация не вредна партии,— говорит Егоров,— то ее не к чему распускать. «Искра» сочла необходимым себя распустить, «Южный рабочий» этого не находит нужным [1].

Егоров не объясняет, почему же «Южный рабочий» «не находит этого нужным». Дело не двигается с места, и бедному Гусеву в третий раз приходится брать слово, чтобы разъяснить представителям «Южного рабочего», что съезд именно и ожидает от них объявления их организации распущенной и растворившейся в партии.

— Все уже достаточно говорили,— поясняет Гусев,— что «Южный рабочий» был очень полезен. «Искра» была еще более полезна, однако она сочла нужным объявить себя распущенной, раствориться в партии.

Наконец ввязывается в прения Русов (Кнуньянц), предлагающий «Южный рабочий» распустить. Но, насколько все висит на волоске, видно по тому, что в связи с упоминанием о «Рабочей мысли» Егоров устраивает Русову истерический скандальчик.

— Это ложь!— кричит он.— Нельзя ставить на одну доску «Южный рабочий» с «Рабочей мыслью».— Председатель обрывает Егорова. В зале заседания всеобщее волнение и крики: «К порядку! Возьмите свои слова обратно!» [2]

---

[1] «Второй съезд РСДРП», стр. 352.
[2] Там же, стр. 353.

Скандальчик ликвидирован. Прения развертываются. С обоснованными предложениями распустить «Южный рабочий» выступает Ланге (Стопани), его поддерживает Дейч, затем выступают Глебов, Попов, Лядов, но все же никакого движения вперед от этих выступлений не происходит. Председатель Плеханов упорно замалчивает давно уже внесенную представителем Екатеринославского комитета Орловым резолюцию, предлагающую распустить «Южный рабочий».

И вдруг завеса начинает приоткрываться, становится ясным, что хотя спорят о «Южном рабочем», но спор-то идет на деле о другом. Слово берет Ленин.

«Ленин. После целого ряда разъяснений, я нахожу наиболее целесообразным принятие резолюции Костича о популярном органе. Говорили, что «Южный рабочий» хотел быть популярным органом и занимал соответствующее место в партии. В интересах дела, ввиду щекотливого положения, в какое мы попали, следует признать этот «casus» [1] заслуживающим особенного внимания и разрешить себе отступление от принятого вчера регламента. Следует приступить к обсуждению вопроса о популярном органе, хотя это и неправильно. Следует допустить это, и я высказываюсь за это единичное исключение» [2].

Ленин таким образом отклоняет многочисленные предложения о роспуске «Южного рабочего» и предлагает заняться обсуждением вопроса о популярной газете (предложение Костича), переведя таким образом спор в принципиальную плоскость. Но предложение Костича не собрало необходимых по регламенту 10 голосов. Этим пользуются Троцкий и Мартов, резко выступающие против предложения Ленина.

Яркий свет во все эти запутанные моменты вносит Мартов, предлагающий оставить вопрос о «Южном рабочем» открытым впредь до обсуждения вопроса о партийной прессе и *«перейти немедленно к выборам».*

Так вот в чем дело! Мартов и Троцкий ставят решение вопроса о «Южном рабочем» в зависимость от выборов. Избирательный маневр!..

Наступает решающий момент заседания и всего съезда. Ввиду серьезности момента Ленин берет председе-

[1] — случай.— *Ред.*

[2] «Второй съезд РСДРП», стр. 355.

дательствование на себя, так как Плеханов чересчур горяч и ввязывается в бои по мелочам, а поэтому как председатель в наиболее жарких битвах не годится.

Наступает момент *открытого* разрыва Ленина с Мартовым. В протоколах (стр. 356) этот момент изображен так:

«*Председатель Ленин* (прочитав резолюцию Мартова). Резолюция Мартова поставит нас в совершенно невозможное положение.

(Сильное волнение, крики, протесты.)

Мартов берет резолюцию обратно, энергично протестует против заявления Ленина.

(Шум в зале усиливается.)»

«Энергично протестует» — сказано слабо и неверно, ибо Мартов закатил чудовищную истерику. Так или иначе, но открытый разрыв между двумя частями искровцев налицо.

В конце концов, после некоторых дополнительных маневров и контрманевров, принята резолюция Орлова подавляющим большинством в 31 голос, 5 голосов против, 5 воздержавшихся.

Избирательный маневр Мартова не удался, но не удалось также Ленину добиться принципиального решения по вопросу о популярной газете. Вопрос решили «дикие», которые в свою очередь размежевались и примкнули к обеим частям расколовшихся искровцев. Окончательное закрепление этого деления на две фракции, организационно оформившееся на следующий день, происходит во время боя по вопросу о составе редакции «Искры», по отношению к которому бой по вопросу о «Южном рабочем» был только авангардной стычкой. Во вторую половину 30-го заседания и первую половину 31-го создаются фракции большинства и меньшинства съезда.

Мартов воспользовался одной из первых речей, чтобы попытаться сорвать выборы редакции. «Раз заговорили о внутренних отношениях, бывших в редакции «Искры»,— заявил он,— мы, четыре из шести редакторов ее, удаляемся с заседания съезда, чтобы съезд в наше отсутствие свободнее обсудил этот вопрос».

Это заявление вызвало величайшее волнение среди делегатов, и не только среди сторонников удаляющейся

четверки, которые были буквально потрясены заявлением Мартова, но и среди сторонников остальных двух членов редакции, у которых заявление Мартова вызвало величайшее возмущение. Именно эта обывательская выходка Мартова сразу провела резкую разграничительную черту между большинством и меньшинством съезда.

Маневр Мартова был немедленно отпарирован Плехановым, который заявил, что и он с Лениным уходят. Таким образом, расчет Мартова, что съезд поползет к ушедшей четверке на коленях, умоляя ее вернуться на условии утверждения всей старой редакции целиком, не выгорел. Но благодаря этому маневру съезд неожиданно для себя оказался без вождей.

Для подавляющего большинства оставшихся в зале заседания делегатов этот съезд был первым в их жизни, на котором они присутствовали. И можно было ожидать, что они растеряются. Но этого не случилось. Делегаты съезда уже успели закалиться в предыдущих трехнедельных боях с бундовцами и рабочедельцами, и, несмотря на истерические выходки и скандальчики Троцкого и Попова, а также угрозы Дейча (Дейч перед решающим голосованием встал и сказал: «Посмотрим, кто решится голосовать»), ничто не могло уже поколебать сложившегося большинства.

После речи Царева я вышел в соседнюю комнату, куда удалилась редакция. Ленин подошел ко мне с вопросом: «Почему ничего не говорите?» Я ему ответил, что записался и скоро буду говорить. Вопрос Ленина я понял как поручение...

В это время Плеханов подошел к Засулич и что-то начал говорить ей. Бедная Засулич, тяжело страдавшая горлом и потому потерявшая голос, бешено захрипела и зашипела на Плеханова. Плеханов, впрочем, не смутился и, верный своей манере шутить и в самые тяжелые моменты, подошел к нам и заявил: «Я думаю, что Вера Ивановна приняла меня за Трепова» (Засулич стреляла в Трепова).

Я вернулся в зал заседаний к началу речи Русова (в издании протоколов «Прибоем», стр. 300, эта речь ошибочно приписана мне).

На вопрос о редакции ушло не только 30-е (вечернее) заседание, но и значительная часть 31-го (утреннего).

Заседания эти были не только самыми решающими, но вместе с тем и самыми мучительными для делегатов. Нелегко было рвать с четверкой, нелегко было «расплевываться» (это выражение тогда было в большом ходу) с товарищами, к которым мы питали долгие годы самое глубокое уважение, тяжело было разочаровываться в них.

А еще труднее это было Ленину.

Утром, еще до начала 31-го заседания, на котором вопрос о редакции был решен окончательно, я с несколькими товарищами из большинства стоял у наружного входа в помещение, где заседал съезд. Подошли Владимир Ильич и Надежда Константиновна. Лицо у Ленина было желтое, вид совершенно больной. Он иногда страдал какой-то болезнью кишечника, но не только или, вернее, не столько болезнь так подействовала на него. Он провел мучительную, бессонную ночь и к утру пришел к выводу, что ему нужно отказаться от участия в редакции. Надежда Константиновна поддерживала это решение. Владимир Ильич сообщил нам свое намерение отказаться от участия в редакции, но мы решительно воспротивились этому и стали уговаривать его ни в коем случае этого не делать. Владимир Ильич как будто ждал и искал у нас поддержки и, найдя ее, тотчас же отказался от своего намерения.

Начались последние, самые неприятные заседания съезда. Основные вопросы были решены. Оставалось только принять ряд резолюций и протоколов. При создавшихся отношениях между большевиками и меньшевиками (эти названия появились позже) эта работа сопровождалась огромным количеством конфликтов.

На следующий день по окончании съезда фракция большевиков отправилась на могилу Маркса. Я сорвал себе на память миртовый листок с могилы и долго хранил его. В 1906 г. во время ареста жандармы почему-то забрали его. Что они заподозрили в невинном миртовом листке, не могу до сих пор себе представить.

С кладбища пошли в большой парк и уселись там на травке. В центре восседал Плеханов и воодушевлял нас на дальнейшую борьбу против меньшевиков.

Какой-то досужий фотограф, увидев группу несомненных иностранцев, вознамерился сфотографировать нас и этим нарушил дальнейшее изложение воинствен-

ных планов Плеханова. Попасть на фотографию перед отъездом в Россию нам было не с руки.

В тот же день я вместе с Д. И. Ульяновым уехал в Россию.

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

В Киеве я заехал к Г. М. Кржижановскому — одному из тройки, выбранной в ЦК,— и, сделав ему доклад о съезде, направился в Одессу, Николаев, Екатеринослав и Харьков. В первых трех городах доклад о съезде сошел благополучно, и в них заложено было крепкое большевистское ядро; в Одессе — во главе с Левицким, в Екатеринославе — во главе с Ногиным. В Харькове же получилось нечто нелепое. Харьковский комитет уже заслушал доклады и своих представителей и южнорабоченца Егорова и был настолько крепко огорожен меньшевистскими рогатками, что здесь, собственно, нечего уже было делать. Пытался я было разыскать кое-кого из ростовцев среди студентов, чтобы через них связаться с рабочими, входившими в организацию, но из этого ничего не вышло. Да и засиживаться в Харькове долго мне не следовало, так как меня усиленно разыскивали в связи с таганрогским процессом [1].

На докладе в комитете все было именно так, как я предвидел. Передо мной была глухая, непроницаемая, враждебная, молчаливая стена. Когда я кончил, никто — хотя бы из партийного «приличия» — не потрудился возражать мне. Вместо возражений посыпался ряд преядовитейших вопросов «устрашающего» характера, например такого рода: известно ли докладчику, сколько лет работает в революционном движении Вера Ивановна (Засулич)? Известно ли докладчику, что Павел Борисович (Аксельрод) — первый русский социал-демократ? Правда ли, что Ленин показывал кулак съезду?

---

[1] Имеется в виду суд над участниками демонстрации 2 марта 1903 года в Ростове-на-Дону, происходивший с 19 по 23 августа 1903 года в Таганроге. Царское правительство, испугавшись широкого размаха революционного движения, охватившего после Ростова весь юг России, решило устроить показательный процесс. Участники демонстрации были преданы военному суду по статье, грозившей смертной казнью. В числе привлеченных был и С. И. Гусев, дело о котором было выделено «за нерозыском обвиняемого».— *Ред.*

Сначала я пытался давать спокойные разъяснительные ответы, но, увидев, что моих ответов даже и слушать не хотят, оборвал эту комедию резким заявлением, что нам разговаривать больше не о чем.

На обратном пути я еще раз заехал в Киев к Кржижановскому, который направил меня за границу. После ряда приключений я благополучно добрался до Женевы. Это было незадолго до съезда Лиги. Плеханова я застал еще в редакции «Искры» вместе с Лениным. Меня посадили за техническую работу в редакции, но мне пришлось принять участие всего только в двух номерах «Искры».

А затем ленинская «Искра» перешла в руки меньшевиков.

Скверные, унылые, тяжелые дни пришлось пережить большевистской группе в Женеве, пока не появилась ленинская работа «Шаг вперед, два шага назад». Мировая литература не знает такого изумительного комментария к протоколам партийного съезда, кроме разве ленинского же отчета об объединительном съезде. Эта работа есть поразительный образец тончайшего научного анализа. Ленин произвел научный анализ происходившей на съезде и частично после съезда борьбы группировок, которые на съезде складывались, и дал научное определение их политических тенденций. Ему пришла в голову мысль изобразить голосование на съезде в виде схемы. Это было нечто совершенно новое и невиданное.

Обвинения в оппортунизме в организационных вопросах и в барском анархизме, выдвинутые Лениным против меньшевиков, показались им чем-то чудовищно нелепым. Просто грубая ругань, говорили они. Ленин смеялся над всеми этими меньшевистскими вывертами и разъяснял, что самое резкое, самое грубое слово не есть еще ругань, раз оно выражает научное определение данного явления. Ругань — это резкое слово, которое научно не соответствует данному явлению...

Однажды в темный, дождливый осенний вечер я заглянул в известный ресторан Ландольта и столкнулся там лицом к лицу с Плехановым. Ретироваться было некуда, и пришлось усесться с ним за один столик и начать беседовать. Беседа сначала не клеилась, потом кое-как разговорились, и я сказал Плеханову, что напрасно он порвал с Лениным, так как Ленин — крупнейшая сила.

Плеханов задергал свои усы и начал сыпать свои любимые словечки: «Ще молода детына, у Саксонии не була», «Я уже был революционером, когда Ленин еще пешком под стол ходил» и т. п. А в заключение Плеханов весьма воинственно заявил: «И не таких еще бивали, справимся и с этим».

Ленин ужасно хохотал, когда я ему рассказывал эту сценку.

Началась длительная и упорная борьба за созыв III съезда. Меньшевики всячески мошенничали при подсчете числа организаций, высказавшихся за съезд. В конце концов стало ясно, что легальными партийными путями съезда не добиться. В таком положении нас застало лето 1904 г. В наших рядах наблюдалось некоторое уныние и разочарование, несмотря на то что силы большевиков росли и внутри страны и в эмиграции.

В один из этих дней я с Красиковым забрел к одному меньшевику. На столе у него лежал листок под названием «План земской кампании» с надписью: «Только для членов партии». Мы очень заинтересовались листком и попросили меньшевика дать его нам. Меньшевик не отказал. Обнаружилось при этом, что листок вышел недели за две до того, как мы его увидели, и что меньшевики приняли все меры, чтобы скрыть его от большевиков.

Тотчас же мы отправились с листком к Ленину. Застали мы его в весьма кислом настроении. Он прочитал листок, но отнесся к нему равнодушно. Мы оба, я и Красиков, стали «наседать» на Ильича, доказывая, что листок содержит совершенно новые и чуждые социал-демократии мысли. Ленин слушал нас вяло и отвечал неохотно. Но потом, после моих слов, что листок проникнут насквозь «оппортунистическим прожектерством», Ленин вдруг «загорелся», схватил листок и стал его перечитывать, язвительно усмехаясь, прочитывая некоторые места вслух и подчеркивая в них «курсивом» отдельные слова и фразы (только Ленин умел говорить «курсивом») и временами заразительно смеясь.

— Хорошо, я напишу ответ,— заявил Ленин.

По тону этого заявления мы почувствовали, что Ленин сейчас же сядет за эту работу и что нам надо немедленно уходить. Через три дня ответ был готов и что-то очень скоро, дня через два, вышел из печати под

названием «Земская кампания и план «Искры»»[1]. В сборнике статей Ленина «За 12 лет» сказано, что эта работа написана в ноябре или декабре 1904 г. Это, по-моему, неверно. Ноябрь, во всяком случае, совершенно исключается, так как я уехал из Женевы во второй половине октября. Помнится, что эта брошюра вышла не меньше чем недели за две до моего отъезда. Поэтому наиболее вероятной датой я считаю вторую половину или конец сентября.

Брошюра «Земская кампания и план «Искры»» сыграла крупнейшую роль в развитии большевизма. Она была боевым сигналом к борьбе с меньшевиками на новой, принципиальной почве. До ее появления от меньшевиков нас отделяли в области принципиальной только организационные разногласия... Поэтому, несмотря на жестокую фракционную драку, возможность сговориться с меньшевиками еще не была исключена, но после листка меньшевистской «Искры» о земской кампании и ответа Ленина наши дороги начали быстро расходиться. Надвигающиеся революционные события отбросили в сторону все фракционные дрязги и споры по организационным вопросам и повелительно поставили перед обеими частями партии тактические вопросы. И в этой области с огромной быстротой образовалась между большевиками и меньшевиками глубокая пропасть.

В брошюре «Земская кампания и план «Искры»» содержится уже в зачаточной форме то основное разногласие по вопросу об отношении к буржуазии, которое по существу навсегда отделило большевиков от меньшевиков. И в этом смысле эта брошюра была первой большевистской платформой, вокруг которой объединились большевики для новой борьбы за III съезд. Начался новый, второй период в развитии большевизма. Первый период был периодом II съезда, периодом, разбившимся на три этапа: предсъездовская борьба, борьба на съезде, борьба после съезда. Новый, второй период был периодом III съезда.

«Воспоминания о втором съезде партии». Сборник статей, М., Партиздат, 1932, стр. 33—52.

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 7, стр. 461—482.— *Ред.*

Шотман Александр Васильевич (1880—1939) — член КПСС с 1899 г. Революционную деятельность начал в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1902—1903 гг. был членом Петербургского (искровского) комитета. Делегат II съезда партии (по протоколам съезда — Горский), сторонник большинства. Вел партийную работу в Ярославле, Одессе, Костроме, Иваново-Вознесенске. Несколько раз сидел в тюрьмах, был в ссылке. После Февральской революции вел активную партийную работу в Петроградской организации большевиков. Участник VI съезда партии. После Октябрьской революции находился на ответственной советской и хозяйственной работе. Неоднократно избирался членом ЦКК ВКП(б).

А. В. ШОТМАН

ВТОРОЙ СЪЕЗД ПАРТИИ

О том, что мне придется ехать за границу на II съезд партии, я узнал в середине апреля. Это сообщение было для меня несколько неожиданным. Поездка за границу меня не смущала, так как я уже бывал там и мог ехать совершенно легально, но поездка на съезд партии в качестве делегата меня весьма смущала. О своих колебаниях я сообщил Елене Дмитриевне Стасовой, но она объяс-

нила мне, что на съезд необходимо послать рабочих, особенно от Петербурга, и что моя кандидатура, как члена комитета, в то время работавшего на заводе и являвшегося организатором такого крупного района, как Выборгский,— самая подходящая. Я не стал спорить.

В то время в Петербурге работали три подпольные социал-демократические организации, и все три претендовали на посылку своих делегатов. Две из этих организаций называли себя Российской социал-демократической рабочей партией и обе имели свой Петербургский комитет. В чем состояли тогда принципиальные разногласия между этими двумя организациями, сейчас не помню, но знаю, что наша организация имела связи почти со всеми заводами; литература, особенно листки, распространялась среди широких рабочих масс исключительно нашей организацией; у другой организации связей среди рабочих совсем не было, имелись лишь кое-какие связи среди студенчества.

Третья организация не имела своего комитета и называлась Петербургская группа русских социал-демократов. Это была группа рабочедельцев.

Так как все три организации, как я уже говорил, требовали себе мандата на съезд, а согласно постановлению организационного комитета, созданного специально для подготовки и созыва съезда, решено было дать Петербургу, как и всем комитетам, только два мандата, то для решения спора несколько раз приезжали члены ОК. После долгих обсуждений, споров и обследований ОК решил дать нашей организации два мандата условно, оба с решающим голосом, и один мандат, также с решающим голосом, петербургской группе.

После этого решения ОК было заседание нашего Петербургского комитета, на котором мы обсуждали кандидатуры делегатов. Моя кандидатура, как рабочего, да еще работавшего на заводе, не вызывала никаких возражений и была утверждена без прений. Что же касается второй, то тут возникли продолжительные дебаты. Наиболее подходящим кандидатом на съезд была Е. Д. Стасова. Эта кандидатура сначала также не вызывала никаких возражений. Но когда возник вопрос о замене секретаря, то тут все в один голос заявили, что Елену Дмитриевну заменить в данный момент некем. И, действительно, только ее энергии, ее колоссальным связям во всех слоях Питера,

умению подбирать людей мы были обязаны тем размахом, сплоченностью и твердостью, какие проявил в это время искровский Петербургский комитет РСДРП.

Произведенные незадолго до этого значительные аресты среди нашей организации требовали напряжения всех сил для продолжения борьбы и сплочения организации, поэтому в конце концов решили из членов комитета, кроме меня, больше никого не посылать, а дать второй мандат члену ОК Гореву-Гольдману, присутствовавшему на заседании. На этом и разошлись.

Съезд намечался в июле 1903 г. Но так как я еще на заседании комитета заявил о своей неподготовленности к такому ответственному делу, а кроме того, надвигалось 1 Мая, когда обычно усиливались аресты, то Петербургский комитет совместно с представителями ОК решил послать меня за границу немедленно, с тем чтобы я там на свободе занялся чтением революционной литературы, познакомился и побеседовал с руководителями партии, ознакомился бы с положением дел в нашей партии, а кроме того, был бы застрахован от первомайских арестов.

Работал я в это время на чугунолитейном и механическом заводе Людвига Нобеля, на Выборгской стороне. Чтобы получить расчет, необходимо было предупредить контору за две недели вперед, что я и сделал. Было решено, что я перееду границу легально, так как мне, как финляндскому уроженцу, легко было достать легальный заграничный паспорт.

Продолжая работать на заводе, я вместе с тем хлопотал о паспорте, для чего мне пришлось бегать в полицию и в финляндскую паспортную экспедицию. Самый паспорт нужно было получить в Выборге, куда я решил ехать, когда получу расчет. Кроме того, нужно было заканчивать подготовку к 1 Мая, подготовить себе заместителя — организатора — и выполнить ряд других дел, связанных с подпольной работой. Жил я тогда с матерью и с калекой-братом на Выборгской набережной. Брат не работал, а мать вела наше домашнее хозяйство; жили на мой заработок. Нужно было обеспечить мать, пока я буду жить за границей. Елена Дмитриевна достала мне 100 рублей, что вместе с моим жалованьем, которое я получил при расчете, должно было ей хватить месяца на три.

Перед отъездом я виделся с Адель, с которым мы долго гуляли сначала по набережной Невки, вдоль Бота-

нического сада, а потом в саду. Там он меня подробно информировал, как надо ехать, дал явку в Женеву к А. Н. Потресову (Староверу), снабдил паролем, дал денег на дорогу, и мы с ним распрощались, чтобы встретиться в Женеве.

После этого мне нужно было зайти в полицейский участок на Сампсониевском проспекте за какой-то справкой. Когда я сидел там в коридоре вместе с другими посетителями, вбегает запыхавшийся городовой и, не обращая внимания на посторонних, тут же, в коридоре, докладывает остановившемуся околоточному, что рабочие фабрики Воронина прекратили не в урочное время работы и выходят из ворот с криками и пением. Это сообщение было неожиданным не только для полиции, но и для меня, районного организатора. Едва получив необходимую мне справку, я чуть не бегом бросился из участка разыскивать т. Изотова, по кличке Мужик, работавшего у Воронина и бывшего на этой фабрике организатором. Разыскав Изотова, я узнал от него, что ему не удалось удержать рабочих от выступления и теперь надо срочно созвать собрание кружка. К вечеру собрался кружок; что мы на нем решили, сейчас не помню. Было это за несколько дней до 1 Мая.

По моему предложению, заместителем моим в качестве организатора района Петербургский комитет назначил покойного ныне Н. Н. Юникова, работавшего слесарем на одном из заводов Выборгского района. Покончив со всеми делами, я накануне 1 Мая с маленьким узелком под мышкой уехал сначала в Выборг, где получил в тот же день паспорт, и отправился с ним за границу. О том, куда и зачем я еду, я никому, кроме матери, не сказал, что было, как выяснилось по возвращении со съезда, весьма целесообразно.

В Гельсингфорсе купил билет до Любека, сел без всяких препятствий на пароход и через два дня благополучно высадился в Любеке. По железной дороге доехал до Гамбурга, где переночевал и купил билет до Женевы. На вокзале со мной случилась маленькая неприятность. Стоя у входа на перрон, где проверяют билеты, я, посмотрев на часы, заметил, что до отхода поезда остается всего три минуты. Показываю свой билет контролеру, а он машет головой и не пускает на перрон. Когда же я заметил, что поезд трогается (он стоял как раз против

открытой двери), я оттолкнул контролера, бросился к отходящему поезду и вскочил в один из вагонов. Когда я оглянулся назад, то там что-то кричали, указывая на меня. Проверявший билеты кондуктор, посмотрев мой билет, начал мне что-то говорить, но я его не понял. На одной из больших станций ко мне подходят двое в мундирах и предлагают мне выйти. Я начинаю протестовать, но они, не обращая на меня внимания, берут мой чемоданчик, купленный в Гельсингфорсе, и уносят его из вагона. Я, конечно, пошел за ними, решив, что арестован. Проведя меня через какой-то мост, под полотном, они привели меня на другой перрон и велели тут стоять, положив рядом со мной чемоданчик.

Немного погодя, подходит поезд, а через минуту ко мне подбегает человек в форме, берет чемодан, идет в вагон и приглашает меня за собой. Там он кладет мой чемоданчик на полочку и, показывая мне свободное место, улыбается, хлопает меня по плечу и говорит: «Нах Генф, гут» [1], показывая рукой по направлению поезда. Тут только я сообразил, что у меня не хватило терпения подождать три минуты, чтобы сесть в поезд, идущий на Женеву. В Германии я был первый раз (до этого я бывал в Англии, Италии и во Франции), и такая точность и организованность меня поразили.

Дальше ехал без каких-либо приключений и прибыл в Женеву рано утром.

Показывая время от времени прохожим клочок бумаги, на котором был написан адрес А. Н. Потресова, я довольно легко нашел его квартиру. Отворил мне, как я потом узнал, сам А. Н. Потресов. Показав ему клочок бумаги, на котором был написан его адрес, я произнес условный пароль. Потресов очень обрадовался моему приезду, ибо я был, если не ошибаюсь, первым приехавшим на съезд делегатом. Он распорядился, чтобы мне дали помыться, почистить платье, запылившееся в дороге, и всячески выражал радость по случаю моего приезда. Когда мы сели за чай, он не стал сразу расспрашивать, как я ожидал, про Питер, про знакомых, а только о том, как я доехал, здоров ли и пр., говоря, что эти вопросы он откладывает до прихода Ю. О. Мартова, за которым он уже послал.

---

[1] В Женеву, хорошо.

Через несколько минут пришел Мартов, и меня засыпали вопросами. Обоих чрезвычайно радовали мои рассказы о развитии рабочего движения, о котором они, конечно, знали в общих чертах. Но их интересовала каждая мелочь из жизни подпольной организации, особенно заводской. Оказались у нас и общие знакомые, с которыми я расстался всего с неделю назад. Опять вопросы: как живут, не грозит ли им арест, здоровы ли, что наказывали и пр. и т. п.

Оба они мне очень понравились; точно большие, добрые дети, радовались они всякому нашему, даже маленькому, успеху, удивлялись, что я проработал год в качестве организатора района и не провалился. Потом я часто встречался с ними, особенно с Мартовым, много нашел в них отрицательных черт, особенно во время съезда, но первая с ними встреча и почти двухчасовая задушевная беседа навсегда врезались мне в память.

Зная обоих, особенно Мартова, по нелегальной литературе, я смотрел тогда на них как на людей особенных, тем более, что, несмотря на мое более чем трехлетнее участие в революционном движении, я до этой встречи ни разу не беседовал по душам с такими знаменитыми литераторами, да еще революционерами. Помню, как поразил меня тогда внешний вид Мартова. В то время как Потресов — широкоплечий, с легким румянцем на щеках, с тщательно подстриженной бородой, в хорошем костюме — выглядел настоящим европейцем, Мартов был похож на бедствующего российского интеллигента. Лицо его было бледное, с ввалившимися щеками, жидкая борода всклокочена, на носу едва держалось пенсне, костюм сидел точно на вешалке, из всех карманов торчали газеты, брошюры, рукописи и т. п. Ходил он как-то сгорбившись, одно плечо выше другого, и вдобавок еще заикался. Внешне фигура неприглядная. Но, когда с ним беседуешь или слушаешь его речь, все эти внешние недостатки как-то исчезают, остается только колоссальное знание, острый ум...

Как жаль, что такой большой ум отошел затем от рабочего класса, а в решительный момент, когда рабочий класс осуществил то, к чему он его призывал в начале своей революционной деятельности, начал борьбу против этого класса.

В этот же день было назначено собрание искровцев, на котором должны были присутствовать все руководители партии. Мартов и Потресов предложили мне пойти с ними на это собрание, на что я, конечно, с радостью согласился. Наговорившись досыта, мы распростились с Мартовым (он куда-то спешил) и остались вдвоем с Потресовым. Тут уж я перешел на вопросы, а он мне отвечал. Побеседовав вдвоем около часу, мы пошли на собрание. Шел я на это собрание, где, как мне сказал Потресов, я увижу Плеханова, Ленина, Засулич и др., с бьющимся сердцем и в несколько торжественном настроении. После недолгой ходьбы по женевским улицам, где Потресов часто раскланивался со знакомыми встречными, мы вошли в небольшую, заставленную книгами комнату, где нас очень любезно встретил профессорского вида седой человек. Потресов меня представил ему, но я не расслышал его фамилии, да и не интересовался, так как полагал, что это один из сочувствующих либералов, который предоставлял свою квартиру для собраний революционерам. Я с волнением ожидал прихода Плеханова, Ленина, Аксельрода, Веры Засулич и других руководителей партии.

Через несколько минут пришел Мартов, а вслед за ним Г. В. Плеханов, которого я сразу узнал по виденным мной его портретам. Он очень радушно со мной поздоровался, спросил, как я доехал. Я пожал ему руку с каким-то благоговением, и, когда он сел у края большого стола, стоявшего посреди комнаты, я, не отрывая от него глаз, смотрел на него в каком-то телячьем восторге. Не верилось, что я сижу в одной комнате с Плехановым, о котором я так много слышал и читал. Он сидел рядом с Мартовым и, показывая ему какие-то исписанные листки бумаги, тихо, но с горячностью что-то ему начал говорить. Минуты через три пришли две женщины в сопровождении человека с большой лысиной и, едва со мной поздоровавшись, уселись в противоположном от меня конце комнаты и стали тихо между собой разговаривать. Об одной из них, с седыми волосами, весьма небрежно одетой, я спросил тихо на ухо у Потресова, кто она. Он так же тихо сообщил, что это Вера Ивановна Засулич. Совсем не такой ожидал я увидеть героиню, стрелявшую в 1878 г. в царского сатрапа Трепова. Она, посидев с минуту рядом с пришедшей с ней вместе женщиной, как-то порывисто

вскочила, подбежала к Плеханову, что-то шепнула ему на ухо, тот засмеялся, потом подошла к Мартову, взяла у него папиросу, закурила и села рядом со мной. Весело поглядывая на меня, стала меня расспрашивать, как я доехал, как себя чувствую, как поживает Елена Дмитриевна Стасова и т. п. Я чувствовал себя с ней хорошо, но отвечал невпопад, так как все мое внимание было обращено на присутствующих и приходящих. После Засулич вошли еще двое или трое, которым меня также представил Потресов, но фамилий которых я не разобрал. Потресов объявил заседание открытым. Что это было за собрание, я так и не знал; я с нетерпением ждал прихода Ленина, Аксельрода, Дейча. О чем говорили, совершенно не помню. Помню только, что собрание проходило спокойно, говорил больше всех Плеханов, а за ним Мартов. Собрание продолжалось не больше часа. Пришедшая с лысым человеком женщина записала постановление, и потом все быстро, не прощаясь, разошлись. Я остался один с седым хозяином квартиры. Показывая ему на большой портрет, висевший у него на стене, я спросил, кто это.

— Это Кравчинский,— ответил он мне.

Я с восхищением начал вспоминать о его замечательном террористическом акте в 1878 г., произведенном среди белого дня в центре города,— убийстве шефа жандармов Мезенцова. Это мое восхищение Кравчинским понравилось старику (он уже тогда был старик в моих глазах).

— Это мой лучший друг! — воскликнул он.— А меня вы знаете? — спросил он меня.

— Нет, не знаю.

— Я Дейч,— сказал он, мягко улыбаясь.

Это было так неожиданно, я так оторопел, обрадовался, что бросился его обнимать и крепко, крепко расцеловал.

Кто тогда из нас, молодых революционеров, не восторгался героями «Народной воли»! Кто не читал тогда прекрасных рассказов Кравчинского-Степняка «Домик на Волге», «Штундист Павел Руденко» и пр.! Мы, захлебываясь, зачитывались рассказами Л. Дейча о его побегах из тюрем. Не удивительно, что я пришел в такой восторг, когда увидел лично одного из героев, так смело совершившего побег из киевской тюрьмы вместе с Фроленко и Стефановичем.

Когда Лев Григорьевич немного успокоился от моих неожиданных для него выражений восторга, мы уселись с ним за стол и долго беседовали на различные темы. Он очень подробно расспрашивал меня о подпольной работе в Петербурге, рассказал много интересного о жизни за границей. Перед тем как пойти на квартиру, которую мне уже подыскали где-то за городом, я стал расспрашивать его о присутствовавших только что на собрании, признавшись, что почти половины фамилий я не расслышал, когда мне их рекомендовали.

Человек с рыжеватой бородкой и с большой лысиной, пришедший с Засулич и просидевший в углу все собрание молча, был Ленин, а пришедшая с ним женщина — Надежда Константиновна Крупская. Только тут я вспомнил, что иногда Плеханов и Мартов обращались к нему как бы за подтверждением своих мыслей, и он изредка в знак согласия кивал головой.

Был ли Ленин в тот день, как говорится, не в духе или вопросы, обсуждавшиеся на этом собрании, были предварительно согласованы, не знаю, но он вспоминается мне при этой встрече молчаливым и немного суровым.

Делегаты на съезд понемногу съезжались. Приехал ростовский делегат Сергей Иванович Гусев, с которым мы с первой же встречи очень подружились. Это был не только хороший революционер, едва избежавший виселицы после знаменитых стачек в Ростове-на-Дону в 1902 г., где впервые в России комитет нашей партии собирал митинги, доходившие до нескольких тысяч человек, но он был еще и прекрасный, жизнерадостный товарищ. Он был всегда в курсе всех совещаний и решений наших руководителей и всегда информировал нас, рабочих делегатов, об этих решениях. С ним мы иногда совершали большие прогулки в окрестностях Женевы, где вдали от чопорных женевских мещан распевали удалые русские песни, причем запевалой всегда был Сергей Иванович.

Незадолго до моего приезда в Женеву туда приехали и другие организаторы и участники ростовской стачки, за которыми, как за героями, стаями следовали русские курсистки и студенты, проживавшие в Женеве. Среди них выделялся Ив. Ив. Ставский, бывший душой ростовских событий. Вместе с ним приехал Мочалов, описавший тогда довольно подробно историю этих событий, и тре-

тий приехавший с ним — Зека (Михайлов), впоследствии оказавшийся злостным провокатором. Из конспиративных соображений нам, делегатам, было предложено воздержаться от знакомства с ними, как и вообще с проживающими в Женеве эмигрантами, за исключением очень узкого круга товарищей, которых нам рекомендовал Ленин или кто-либо из редакции «Искры».

Мы, рабочие делегаты, жили как-то обособленно от остальных приехавших делегатов, хотя и присутствовали почти на всех совещаниях делегатов, которые устраивались чуть ли не ежедневно. Смутно помню сущность споров на этих совещаниях, помню только, что споры иногда бывали весьма горячие.

Если на первом собрании, где я встретился с Лениным, он молчал, то о следующих собраниях этого сказать нельзя. Не помню хорошо, о чем шел спор на следующем собрании, где я впервые слушал Ленина, но очень хорошо помню, что после первых же речей я был всецело на его стороне: так просто, ясно и убедительно он говорил.

Когда говорил Плеханов, я наслаждался красотой его речи, удивительно меткими остротами, но, если с ним спорил Ленин, я всегда был на стороне Ленина. Почему, право, не могу объяснить, но так было, и не только со мной, но и с другими рабочими делегатами — Степановым и Андреем [1].

Когда мы втроем после таких собраний собирались у меня или у Андрея, мы каждый раз восхищались практическим чутьем Ленина, его знаниями и каким-то особенным умением излагать свои мысли.

Иногда Ленин после совещания предлагал нам пройтись с ним и побеседовать по душам. После этих бесед мы уходили еще более очарованными, хотя в этих беседах он ни разу не навязывал нам своих взглядов, не ругал инакомыслящих. Он очень ясно, как-то по-товарищески говорил, чтó он думает по данному вопросу.

По мере того как подъезжали делегаты, стали чаще устраиваться и собрания делегатов, иногда и без участия членов редакции «Искры», причем нас, рабочих делегатов, приглашали на все совещания, чему мы были очень рады, так как хотели добросовестно разобраться во всех

---

[1] *Андрей* — И. К. Никитин, делегат II съезда РСДРП от Киевского комитета.— *Ред.*

малейших разногласиях и оттенках между делегатами. Очень хорошо помню споры, которые разгорались вокруг вопроса о популярном органе, т. е. нужен или не нужен, кроме «Искры», еще популярный нелегальный орган нашей партии в настоящий момент. Дело в том, что группа екатеринославских товарищей в это время издавала на юге популярную газету-журнал «Южный рабочий». Мне ее приходилось читать еще в Петербурге, и, должен признаться, она мне нравилась, так как излагала те же мысли, что и «Искра», но языком понятным для широких масс рабочих, в то время как чтение «Искры» требовало некоторой подготовки. Так мне казалось. Но, когда возник спор между Лениным и Плехановым о целесообразности издания двух органов и Ленин с присущей ему решительностью и настойчивостью стал доказывать бесполезность в данный момент параллельного, хотя бы популярного органа, я захотел подробнее выслушать обе стороны.

По одному только этому спорному вопросу было устроено несколько собраний, и довольно бурных. Аргументы у той и другой стороны были убедительные, и нам, рабочим делегатам, трудно было на первых порах стать на ту или другую сторону, так как «Южный рабочий» нам нравился своим популярным изложением задач партии, а с другой стороны, мы в душе чувствовали, что два центральных органа — один за границей, другой в России — могут создать, пожалуй, осложнения.

На одном из наших собраний меня познакомили с Павлом Борисовичем Аксельродом. Он сразу завоевал мое сердце своим милым, каким-то отеческим обращением. Он подолгу беседовал с нами, то вместе, то с каждым из нас в отдельности. Он очень радовался, когда мы ему говорили, что брошюры группы «Освобождение труда» рабочими зачитываются до дыр. Мы очень с ним подружились и подолгу беседовали на всевозможные темы. Можно ли было ожидать тогда, что этот человек через 20 лет будет в рядах злейших врагов российского пролетариата, будет бороться против того самого рабочего, которого он тогда с таким успехом учил бороться против гнета и угнетателей и который с таким успехом осуществил то, чему учил его тогда этот ныне предавший его учитель!

Однажды, не помню, по какому случаю, я был приглашен на «чашку чая» на квартиру Георгия Валентиновича Плеханова.

В частной жизни Плеханов, как мне рассказывали, жил обособленно от остальной эмигрантской публики, и приглашения с его стороны кого-либо к себе на квартиру были чрезвычайно редки. Чем я заслужил такую честь, не знаю. Были на этом вечере, помню, Мартов, Засулич, Дейч, Потресов. Хозяин, по-видимому, был не в духе, так как разговор не клеился. Чувствовал я себя среди них на этот раз как-то неловко, не знал, куда руки девать. Подавляла ли богатая обстановка и присутствие взрослых дочерей — барышень, не умевших, как передавали, говорить по-русски (они с матерью при мне разговаривали только по-французски), или что другое, но чувствовал я себя на этом вечере весьма не по себе. К счастью, «визит» мой продолжался недолго, и я с облегчением вздохнул, выйдя на улицу.

Зато как хорошо я чувствовал себя у Ильича, куда я попал благодаря случайной встрече на одной из улиц Женевы, по которой Ильич несся на велосипеде. Шли мы в это время с М. Н. Лядовым, и Ленин, увидя нас, соскочил с велосипеда и повел к себе на квартиру. Простая пролетарская обстановка, задушевный прием, дружеская беседа за стаканом чаю, а затем иногда маленькая прогулка за город. Но эти посещения Ленина были очень редки, так как Владимир Ильич был с утра до поздней ночи занят работой, главным образом подготовкой съезда. В перерывах между совещаниями я вместе со Степановым ходил в экспедицию «Искры» помогать работавшим там товарищам по отправке литературы в Россию. Там я познакомился с Литвиновым, которого все называли почему-то Папашей. Папаша подробно ознакомил нас с техникой экспедиции, отправлявшей огромное количество брошюр и газет в Россию. Довольно большое помещение на улице Каруж было завалено литературой, которую в одной из комнат паковали в специальной формы пакеты, тщательно заворачивая их в непромокаемую бумагу, так как пакеты эти, отправлявшиеся в Россию через контрабандистов, могли попасть в воду.

В одной из комнат Папаша вместе с Блюменфельдом, заведовавшим искровской типографией, делал опыты над только что изобретенным способом печатать газеты на цинковых листах. Способ этот заключался в следующем. На хорошо отшлифованный цинковый лист, чем-то смазанный, клали отпечатанный лист газеты (печаталась эта

газета особой, коричневого цвета краской), тщательно его разглаживали, затем, немного погодя, газету с цинкового листа осторожно снимали, и на цинке оставался отпечатанный текст газеты. После этого проводили по цинку каучуковым валиком, смазанным типографской краской, клали на цинк чистый лист бумаги, разглаживали ее чистым резиновым валиком и затем осторожно снимали. Получался чистый оттиск газеты. Особенность цинка и краски состояла в том, что с этого листа, как бы стереотипа, можно было получить бесконечное количество оттисков газеты. С этим изобретением тогда очень возились, предполагали, что во многих крупных центрах России можно будет таким способом воспроизводить не только «Искру», но и брошюры, а из-за границы будут посылаться только оригиналы газет, отпечатанных особой краской. Почему этот способ не получил тогда у нас широкого распространения, не знаю...

В это время партия социал-революционеров была в зените своей славы. Убийства и покушения на царских министров, жандармов и губернаторов следовали одно за другим. Это увлечение единоличным террором могло отрицательно отразиться на массовой агитации и пропаганде среди широких слоев рабочего класса, и как раз в такой момент, когда огромная волна массовых стачек и демонстраций разливалась по России и все чаще и чаще раздавался на них лозунг: «Долой самодержавие!»

«Искра» учла это и открыла на своих страницах энергичную кампанию против такого увлечения и призывала массы к организации своих рядов, призывала готовиться к организованному массовому штурму самодержавия.

Между «Искрой» и «Революционной Россией», органом эсеров, началась жестокая полемика. После очень ядовитого, талантливо и резко написанного фельетона «Тартюфы революционной морали», принадлежавшего перу Мартова и появившегося в очередном номере «Искры», эсеровская колония в Женеве, к которой присоединились и анархисты, вызвала «Искру» к общественному суду, вроде как на дуэль.

Редакция «Искры» вызов приняла, и в один из ближайших праздничных дней было решено устроить совместно с эсерами собрание и дать им решительный, словесный конечно, бой.

На совместное с эсерами собрание собралась чуть ли не вся русская колония в Женеве. Эсеры почему-то долго не появлялись, мы прождали их больше часа. Наконец мы решили объявить собрание открытым без эсеров. Плеханов поднялся на трибуну и, заняв председательское место, позвонил и предложил открыть собрание. Тотчас же в задних рядах поднялся невероятный шум и крики. Что кричали, нельзя было разобрать, хотя и кричали во всю глотку. Этот шум и крики подняли, оказывается, анархисты, собравшиеся в довольно большом количестве в зале.

Плеханов, окруженный на трибуне Лениным, Мартовым, Дейчем и др., спокойно ожидал, когда утихнут скандалисты. Но те не унимались. Мы, искровцы, занимавшие переднюю часть зала, старались себя сдерживать и молчали. Но какое-то брошенное Плехановым слово вдруг, точно взорвавшаяся бомба, подбросило анархистов, и те бросились к трибуне с поднятыми кулаками, а некоторые размахивали над головами растерявшейся публики схваченными стульями и даже револьверами. Положение становилось опасным, часть публики бросилась к выходу. Помню, как сейчас, как один известный в Женеве кавказский анархист, хромой на одну ногу, с дико вращающимися глазами, поднял над головой стул и, расталкивая публику, пробирался к трибуне. Я не утерпел, тоже схватил стул и стал пробираться к трибуне, чтобы встать на защиту Плеханова и других наших руководителей. Но они были уже окружены своими и продолжали спокойно смотреть на беснующихся анархистов. Я с поднятым стулом стал пробираться сквозь напирающую, бегущую к выходу толпу, чтобы сразиться с хромым анархистом, но как он, так и я были оттерты толпой в разные стороны. Эсеры так и не пришли, и эта довольно оригинальная дискуссия кончилась ничем.

* *
*

Прожил я в Женеве в общем около полутора месяцев. К началу июля съехались почти все делегаты, часть из которых, не заезжая в Женеву, направилась прямо в Брюссель, где решено было проводить съезд. Из многочисленных совещаний делегатов, на которых предварительно обсуждались все вопросы порядка дня предстоящего съезда, выяснилось полное единодушие съехавшихся

искровцев. Казалось, что съезд пройдет дружно и не затянется. С этим настроением начали делегаты небольшими группами разъезжаться, чтобы встретиться в Брюсселе.

Мы, делегаты-рабочие (всего на съезд приехало только трое рабочих), решили поехать вместе. К нам присоединился С. И. Гусев и, кажется, Царев — делегат от Донского комитета. Отъезд пришлось обставить конспиративно, чтобы не выследили место съезда, поэтому выезжали небольшими группами в продолжение нескольких дней. Билеты были куплены заранее, на вокзал пошли каждый в отдельности, но в вагон сели все вместе, причем в начале дороги старались не узнавать друг друга. Но уже в Германии забыли о конспирации и беседовали открыто.

По приезде в Брюссель остановились в гостинице, а дня через два нам подыскали комнату в одной из частных квартир, где мы трое поселились в одной большой комнате. Через несколько дней рядом с нами, в маленькой комнате, поселился также один из приехавших делегатов. Прописки паспортов в то время в Бельгии не требовалось, и нас никто не спрашивал, кто мы такие.

С обедами и ужинами устроились прекрасно. Какой-то бельгийский социалист, содержавший довольно солидный ресторан, предоставил этот ресторан в распоряжение съезда за приличную, конечно, плату. В этом ресторане собирались мы два раза в день, знакомились с вновь приезжающими делегатами и там же за столом продолжали наши беседы и споры, начатые еще в Женеве.

Иногда после ужина устраивали «концерты», на которых исполнителем являлся главным образом С. И. Гусев, обладавший прекрасным голосом. Не эти ли «концерты» обратили на нас внимание бельгийской полиции, через несколько дней после начала съезда организовавшей за нами слежку?

Наконец съехались все делегаты, кроме двух-трех, арестованных в России, в числе которых, как мы узнали, был и третий делегат от Петербурга — Адель (Гольдман), тот самый, который провожал меня на съезд. Он был арестован на самой границе, при переходе через нее.

Помещение для заседаний съезда предоставляли нам бельгийские товарищи, главным образом профессиональные союзы. Помогал нам в то время и нынешний бельгийский министр Вандервельде. Помещения были весьма

неудобны. По конспиративным соображениям заседания съезда происходили в различных частях города, большей частью в рабочих районах.

Не помню, при открытии ли съезда или на одном из первых заседаний нам пришлось по совершенно непредвиденному обстоятельству прекратить заседание. Собрались мы в довольно мрачном, почти без окон зале, где-то чуть ли не на чердаке.

Сидеть пришлось на неструганых сырых досках, стулья были только в президиуме... Едва открылось заседание, как среди делегатов началось какое-то странное движение, все начали как-то нервно вздрагивать, потом оглядываться. В президиуме тоже начали сначала переглядываться, потом шептаться. Через несколько минут один за другим делегаты стали вскакивать, нервно передергивать плечами и, как-то виновато оглядываясь по сторонам, быстро направлялись к выходу. Когда почти половина делегатов таким образом покинула «зал» заседания, кто-то из делегатов предложил прервать заседание и разойтись, так как сидеть стало совершенно невозможно... блохи закусали.

Когда выяснилась причина такой «нервной» обстановки, заседание немедленно было прервано, и все стремглав, почесываясь, бросились к выходу. Как потом выяснилось, бельгийские товарищи предоставили нам для заседания помещение, бывшее недавно складом не то шерсти, не то чего-то вроде этого, где блохи находили себе обильную пищу и расплодились в огромном количестве.

Недолго нам пришлось заседать под сенью бельгийской конституции. Насколько помню, удалось нам устроить всего 4—5 заседаний, на которых съезд успел только конституироваться и принять порядок дня, или, как тогда говорили, «тагесординунг».

В один далеко не прекрасный день бельгийская полиция предложила четырем нашим делегатам — тт. Землячке, Гусеву, Кнуньянцу и Зурабову — выехать из пределов Бельгии в двадцать четыре часа. Почему, зачем, никто не знал.

Ездили по этому поводу к Вандервельде, но тот тоже не знал причины высылки и обещал выяснить и заступиться. Из хлопот ничего не вышло, и четырем товарищам оставалось только собрать вещи и выметаться из «свободной» Бельгии. Кажется, дня на два им отсрочили

пребывание в Брюсселе. Уж один этот факт расстраивал работы съезда, и встал вопрос о переезде в другое место. Но, когда выяснилось, что и за остальными делегатами началась усиленная слежка, решено было переехать немедленно.

Наиболее подходящим местом для продолжения работ съезда признали Лондон; о продолжении же работ в Брюсселе нечего было и думать, так как слежка за нами приняла самый беззастенчивый, наглый характер. Мы, привычные к слежке в России, часто смеялись над неопытностью бельгийских шпиков: они ходили за нами, совершенно не скрывая этого, и когда мы иногда, желая их подразнить, брали одиноко стоящего извозчика и уезжали, то шпики некоторое время буквально бежали вслед за нами.

По дороге из ресторана до дому шпики нас аккуратно провожали. Наконец однажды утром пришли к нам на квартиру два полицейских агента в штатском и затребовали у нас сведения, кто мы такие.

Так как мы не говорили по-французски, то оказались в несколько затруднительном положении; выручили зашедшие к нам Павлович (Красиков) и Мартын (В. Розанов), знавшие французский язык. Красиков часто к нам захаживал и держал нас в курсе дел съезда, так как был в президиуме съезда.

Полицейские предложили нам заполнить опросный лист. Мне пришло в голову назваться нам всем троим... шведскими студентами. Я знал несколько шведских слов, а кроме того, знал, что шведы — народ благонадежный, никаких революций они не устраивают, поэтому бельгийская полиция оставит нас в покое. Заполнив анкеты тут же мною выдуманными фамилиями, вроде Сундстрем, Викстрем, Карлсон, родом один из Стокгольма, другой — из Упсала, третий — из Гетеборга, род занятий — студенты, по стольку-то лет, полицейские вежливо раскланялись и ушли. Степанов и Андрей только руками разводили, неожиданно превратившись в шведских студентов.

На следующее утро пришел полицейский чиновник и пригласил нас к начальнику полиции. С нами пошел, не помню хорошо, Красиков или Розанов. Начальник принял нас очень вежливо в большом кабинете, где сидело несколько полицейских чиновников. У начальника на столе

лежали наши анкеты. Он спросил, кто из нас Сундстрем, кто — Карлсон, кто — Викстрем. И тут среди нас произошло маленькое замешательство: мы забыли, кто из нас Сундстрем, кто — Викстрем. Из беды выручил сам же начальник полиции. Он обратился к нам... на шведском языке. На очень ломаном языке он спросил, говорим ли мы по-шведски. Из этого вопроса я сразу понял, что он знает шведский язык так же, как и я, если не хуже, т. е. почти не знает. Я поспешил ему ответить по-шведски и что-то спросил. Он ответил невпопад, потом что-то спросил у меня, я тоже ответил ему ни к селу ни к городу, так как не совсем понял, что он спросил. Словом, «разговорились». Из того, как он гордо посматривал на своих подчиненных, я убедился, что он очень доволен, что мог на практике подтвердить свое знание шведского языка, чем он, вероятно, не раз хвастал перед своими знакомыми. После этого «разговора» все оказалось в порядке, и мы очень любезно распрощались, а на следующий день выехали в Лондон.

В Лондон приехало несколько человек в одном поезде. Сначала мы поехали по железной дороге до Остенде, оттуда на пароходе в Дувр, а из Дувра до Лондона опять по железной дороге.

Проживавшие в Лондоне Алексеев и Тахтарев с женой заблаговременно подыскали для нас квартиры, и все устроились довольно хорошо. Гусев, Степанов, Красиков, Андрей и я проехали прямо на квартиру Алексеева, проживавшего где-то в районе Кингс-Кросс. Тов. Алексеев проживал в Лондоне много лет, говорил хорошо по-английски и явился для нас незаменимым человеком. Он познакомил нас с обычаями и некоторыми достопримечательностями Лондона. Занимал он небольшую комнату в третьем этаже и жил «по-студенчески» — как будто бы поселился на несколько дней и вот-вот уедет; питался он, казалось, одними консервами: пустые банки из-под консервов валялись у него во всех углах комнаты...

Я со Степановым поселился в небольшой комнате, «в тихом семействе» англичанина, недалеко от комнаты Алексеева, где мы часто затем собирались по нескольку человек и продолжали «преть» по поводу многочисленных выступлений на съезде.

Заседания съезда начались на второй день по приезде. Собирались, так же как и в Брюсселе, в различных частях

города. Помещения нам предоставляли профессиональные союзы.

Однажды, в первые же дни после приезда, когда мы возвращались после одного заседания, уличные мальчуганы начали бросать в нас гнилой картошкой, комками мокрой бумаги и прочей дрянью. Чем это было вызвано, не знаю. Вероятно, англичан возмутила эта разношерстная публика, продолжавшая на улице неоконченные споры, происходившие на съезде.

А толпа наша была действительно разношерстная. Какие только национальности и костюмы не были представлены делегатами! Один Рашид-бек (Аршак Герасимович Зурабов), ныне покойный, чего стоил, когда он со свойственной кавказскому темпераменту горячностью начинал на улице убеждать инакомыслящих!

Когда мы на следующий день выходили из этого же помещения, у дверей стоял рослый английский полисмен, как оказалось, поставленный по просьбе профсоюза специально для охраны нашего съезда.

Заседания съезда происходили ежедневно с утра до вечера с небольшим перерывом на обед. Продолжался съезд свыше трех недель.

Из 37 заседаний съезда в память врезалось лишь заседаний десять, не больше. По неопытности или по каким другим причинам по некоторым, даже незначительным в конечном счете, вопросам прения чрезвычайно затягивались, и казалось, им конца не будет. В таких случаях некоторые из нас, в том числе и я, грешный, незаметно скрывались и, гуляя по блестящим улицам, наблюдали за жизнью европейского города. Единственным, кажется, делегатом, не пропустившим не только ни одного заседания, но даже ни одного слова выступавших делегатов, был В. И. Ленин.

И, действительно, как теперь известно, если бы Ленин не следил так внимательно за работами съезда и не вел почти протокольных записей, очень многое пропало бы для истории нашей партии.

Только благодаря Ленину некоторые вопросы, казавшиеся делегатам на первый взгляд несущественными, поднимались на принципиальную высоту, и в спорах по этим вопросам выявлялись иногда глубочайшие разногласия между будущими большевиками и меньшевиками. Многие ли, например, из делегатов придавали большое зна-

чение спору Ленина и Плеханова с Потресовым и Мартовым об отношении нашей партии к либералам? Многие из нас удивлялись горячности Ленина из-за «пустячной», как некоторым казалось, разницы в формулировках предложенных резолюций. К сожалению, этому важному вопросу не удалось уделить на съезде должного внимания и прений по этому вопросу почти не было, так как в порядке дня этот вопрос стоял в конце, а съезд и так очень затянулся. Помню, что голосовали предложенные резолюции в конце заседания, стоя, собираясь выходить. И в конце концов приняли обе резолюции одинаковым числом голосов.

Не прошло и двух лет после принятия этих двух «с пустячной разницей» в формулировках резолюций, как жизнь показала на практике 1905—1907 гг., насколько правильней было сформулировано предложение Ленина и Плеханова об отношении нашей партии к либералам и как не пустячна была разница в формулировках.

Смысл резолюции Ленина и Плеханова был, грубо, таков: используем либеральную буржуазию в борьбе против самодержавия, но вместе с тем будем объяснять рабочему классу, что либералы — враги рабочего класса, что и после свержения самодержавия они будут эксплуатировать рабочий класс и попытаются согнуть его в бараний рог.

Потресов же, поддержанный Мартовым и другими будущими меньшевиками, говорил приблизительно так: в борьбе с самодержавием мы должны идти вместе с либеральной буржуазией, а чтобы она нас не надула, мы поставим ей условие, чтобы она выставила в своей программе требование всеобщего избирательного права и вообще не выставляла бы таких требований, которые бы шли вразрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняли сознание их.

Только из вышедшей в 1904 г. брошюры Ленина «Шаг вперед, два шага назад», прочитанной мной по выходе из тюрьмы в 1905 г., я понял, какая существенная разница заключалась в этих двух принятых съездом резолюциях. Предательство кадетов (либеральной буржуазии) в 1904—1907 и в последующие годы особенно убедительно показало, как прав был Ленин, так горячо отстаивавший свою резолюцию.

Особенно затянулись и накалились прения по вопросу о месте Бунда в партии. Бунд через своих делегатов Либера, Медема, Коссовского и др. (всего делегатов Бунда на съезде было: 5 с решающим голосом и 1 — с совещательным) доказывал, что он является единственным представителем еврейского пролетариата в России, и требовал, чтобы Бунд входил в нашу партию на федеративных началах, в то время как большинство съезда не возражало против предоставления Бунду автономии. Вокруг этого вопроса пришлось «преть» несколько заседаний.

Главным оратором от Бунда был Либер, тот самый меньшевик, прославившийся в 1917 г., но без Дана[1]. Оратор он был первоклассный, и речи его, пылкие, красиво построенные, слушали мы с удовольствием, а ударным местам даже аплодировали, но по существу его выводов и предложений доставалось ему основательно от таких мастеров дискуссии, как Плеханов, Ленин и Мартов (Мартов к этому времени еще не успел объединиться с бундовцами, так как вопрос о Бунде обсуждался в начале съезда). Помню, как меня возмущали эти домогания бундовцев, и хотя я не решался выступить против них с трибуны, но репликами старался доказывать бундовским ораторам свое отрицательное отношение к их неправильной установке.

Отдавая должное прекрасной организации еврейских рабочих и ремесленников, с восхищением следя за их героической борьбой с капиталистами-эксплуататорами, мы все же не могли пойти на организацию нашей партии на федеративных началах, как того требовали лидеры Бунда. В соответствии с такой постановкой вопроса, т. е. против федерации, и была принята резолюция. И все же, несмотря на такой, казалось бы, простой вопрос — автономия или федерация, на обсуждение его ушло много заседаний. Происходило это потому, что бундовские делегаты при обсуждении их вопроса говорили по поводу каждой запятой длиннейшие речи, прерывали заседания,

---

[1] Имеется в виду ироническая кличка — либерданы, укрепившаяся за меньшевистскими лидерами — Либером и Даном и их сторонниками после того, как в московской большевистской газете «Социал-демократ» (№ 141, 25 августа (7 сентября) 1917 г.) появился фельетон Д. Бедного под названием «Либердан». —*Ред.*

чтобы у себя на делегации обсудить чуть ли не каждое выступление против них Ленина, Плеханова или Мартова. Если не ошибаюсь, больше всего времени отняло у нас обсуждение вопроса о месте Бунда в партии.

Напечатанный в «Искре» и «Заре» проект программы партии еще задолго до съезда и, как теперь говорят, «проработанный» в тогдашних комитетах и кружках, очень долго обсуждался в программной комиссии и не вызвал особенно больших и горячих споров, какие были почти по всем другим вопросам порядка дня съезда.

Хотя представителями «Рабочего дела», или «экономистами», и было внесено огромное количество мелких и мельчайших поправок и поправочек, но проваливались они как-то уж очень быстро и дружно. Между прочим, три делегата-рабочедельца — Акимов-Махновец, его сестра Брукэр и Мартынов — доставили нам много забавных и еще больше досадных минут.

Не только при обсуждении программы вносили они часто совершенно нелепые поправки, но буквально по всем вопросам. Хорошо, если бы они ограничивались только предложением поправок, но они каждое свое предложение мотивировали длиннейшими и скучнейшими речами.

Когда Мартынов, Акимов и Брукэр демонстративно ушли со съезда [1], что означало то же, что уйти из партии, не согласившись с постановлением съезда о ликвидации их рабочедельческой организации, никто не выразил по этому поводу сожаления. Наоборот, появилась надежда, что работа съезда пойдет значительно быстрее. А Плеханов даже сказал по этому поводу, как тогда рассказывали: «Ушел Мартын с балалайкой».

Также без какого-либо трагизма ушли и делегаты Бунда, когда съезд не согласился строить партию на федеративных началах.

Многие из делегатов даже выражали сожаление, что они раньше не ушли, тогда некоторые предложения антиленинцев не получили бы большинства голосов, как например при голосовании § 1 устава партии.

Особенно горячие прения разгорелись при обсуждении устава партии, главным образом по поводу формулировки § 1.

---

[1] Со съезда ушли два делегата «Союза русских социал-демократов за границей» — рабочедельцы Мартынов и Акимов.— *Ред.*

Очень многим сначала казалось, что существенной разницы между редакцией, предложенной Лениным, и редакцией, предложенной Мартовым, нет.

Проект Ленина сформулирован так: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций».

Проект Мартова гласил: «Членом Российской социал-демократической рабочей партии считается всякий, признающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Действительно, на первый взгляд и не сообразишь особо существенной разницы. Даже Плеханов полушутя говорил: «Послушаешь Ленина — Ленин прав, послушаешь Мартова — Мартов прав».

Но, когда открылись прения и по этому вопросу высказалось несколько ораторов, для всех стало ясно, какие глубокие разногласия таятся в этих двух резолюциях о членстве партии.

Ленин требовал, чтобы членом партии считался только тот, кто подчиняется партийной дисциплине как член той или другой партийной организации, а Мартов считал возможным называться членом партии, не входя в какую-нибудь организацию.

Нужно было слышать Ленина, с какой горячностью и настойчивостью отстаивал он свою формулировку, чтобы понять, какое огромное значение он придавал правильной организации партии. Он снова и снова доказывал, что партия будет сильна только тогда, когда все ее члены связаны между собой не только тем, что признают ее программу и платят членские взносы. Нужно, чтобы каждый достойный называться членом революционной пролетарской партии принимал активное участие в ее опасной работе, а не только оказывал какое-то содействие. Не может быть членом партии какой-либо либеральный буржуа, предоставивший свою квартиру под собрание кружка.

Как почти при всех вопросах, где будущие меньшевики спорили с Лениным, к ним присоединились бундовцы, рабочедельцы Акимов и Мартынов и вносили такие

поправки, от которых на первых порах даже некоторых не определившихся еще будущих меньшевиков коробило. Так случилось и с поправкой Акимова, который, будучи последовательным правым и не скрывая этого, предложил формулировку § 1 устава в такой редакции, благодаря которой членом партии мог называться, кто только пожелает. Его формулировка гласила: «Членом партии признается всякий, кто в *основном* признает программу», а дальше, как у Мартова.

После очень долгих и горячих прений § 1 устава благодаря голосам еще не ушедших со съезда 5 бундовцев и 3 рабочедельцев был принят в редакции Мартова.

Особенно ярко воскресают в памяти заседания, посвященные выборам центральных учреждений партии. К этому времени вполне определились принципиальные разногласия, разделившие съезд на две почти равные половины.

Еще до того, как официально на съезде был поставлен вопрос о составе будущей редакции центрального органа, нам, делегатам, было известно о тех постоянных трениях, которые происходили между шестью редакторами «Искры». Редакция состояла из следующих лиц: Ленина, Плеханова, Мартова, Засулич, Аксельрода и Потресова. В редакции нередко возникали разногласия, в которых Ленин очень часто подавлялся голосами Аксельрода и Засулич, всегда голосовавших с Плехановым.

Помимо этого, нам было известно, что писали в «Искре» и вели практически организационную работу партии первые трое, а остальные очень редко помещали свои статьи (например, Аксельрод за 3 года поместил только 3 статьи, и то не руководящие), а в редакционной работе совсем не принимали участия. Когда встал вопрос о выборе редакции центрального органа партии, каковым съезд утвердил «Искру», было внесено два предложения: первое — выбрать старую редакцию и второе — выбрать тройку.

Совершенно правильное принципиально и практически предложение избрать редакцию подвижную, из трех лиц, фактически работавших в «Искре» и фактически создавших революционное крыло социал-демократии, известное тогда под именем «искровцев», вызвало со стороны буду-

щих меньшевиков невероятное озлобление против Ленина, внесшего такое предложение.

Каких только выражений мы, сторонники этого предложения Ленина, не наслушались со стороны этих будущих предателей рабочего класса! Стыдно и больно было слушать от революционеров, каковыми они до этого были в наших глазах, обывательские рассуждения об обиде и неуважении к ветеранам революции. Такие люди, как Розанов, один из редакторов закрытого съездом органа «Южный рабочий», особенно бесновались, и мы, делегаты-рабочие, хотя еще и не искушенные в политике, все же понимали, что беснуется он не только за обиду ветеранов, но и за то, что закрыли «Южный рабочий». Особенно как-то злило всех этих будущих меньшевиков, что к предложению Ленина в этом вопросе присоединились все три рабочих делегата. Во время голосования, когда мы голосовали за редакцию в числе трех: Ленина, Плеханова и Мартова, к нам подбежал Л. Г. Дейч и с какой-то странной жестикуляцией, с искаженной, точно от великого страдания, физиономией укорял нас за измену основателям группы «Освобождение труда», каковыми были Аксельрод и Засулич.

Было досадно, что все это было перенесено на личную почву, на обиду, тогда как мы, голосуя за тройку, вовсе не хотели кого-то обижать, кому-то изменять.

Съезд избрал ответственную редакцию из трех лиц: Ленина, Плеханова, Мартова. Мартов отказался вступить в редакцию. Тогда съезд поручил Ленину и Плеханову кооптировать в состав редакции, кого они найдут необходимым.

Центральный Комитет был избран из трех товарищей, причем от голосования отказались все антиленинцы.

По конспиративным соображениям оглашена была только фамилия одного из избранных, покойного Носкова, известного нам тогда под именем Бориса Николаевича.

Двое других, избранных в первый большевистский ЦК, были тт. Г. М. Кржижановский и Ф. В. Ленгник.

«Воспоминания
о втором съезде партии».
Сборник статей, М., Партиздат, 1934,
стр. 53—77.

Стопани Александр Митрофанович (1871—1932) — профессиональный революционер, член КПСС, видный деятель Советского государства. В 90-х годах участвовал в работе социал-демократических кружков Казани и Ярославля. В 1896 г. был арестован и находился под гласным надзором полиции. Принимал участие в организации газеты «Искра». В 1901 г. работал в «Северном рабочем союзе». В 1902—1903 гг. был членом организационного комитета по созыву II съезда РСДРП. Делегат II съезда от «Северного союза» (по протоколам съезда — Ланге), сторонник большинства. В 1903—1904 гг. вел работу по организации большевистских комитетов в Ярославле и Баку. Неоднократно подвергался аресту и тюремному заключению. После Октябрьской революции находился на руководящей советской работе. В 1920 г. член Северо-Кавказского ревкома, в 1921—1922 гг. член Реввоенсовета Кавказской трудовой армии, с 1922 г. член Верховного суда РСФСР, в 1930—1932 гг. член Московского комитета партии, заместитель председателя Всесоюзного общества старых большевиков.

А. М. СТОПАНИ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Псков — II съезд — Ярославль

Забастовка в Ярославском земстве, где я работал в качестве статистика, последующая безработица и ухудшившиеся полицейские условия забросили меня в конце 1899 г. из Ярославля в Псков, где я остался до II съезда

РСДРП. Попал туда после неудачных попыток устроиться в разгромленной жандармами Москве.

Псков, будучи под самым Петербургом, жил преимущественно интересами последнего. Местная социал-демократическая работа имелась, но была мизерна по своему объему и значению: она велась среди ремесленников в самом Пскове и в некоторых уездах (город Остров и др.). Весь интерес местной жизни заключался в бесконечных дискуссиях — с одной стороны, между социал-демократами и эсерами и эсерствующими, а с другой стороны, между социал-демократами искровского и рабочедельческого толков, благо представители всех этих течений имелись в изобилии (главным образом, высланные из Петербурга).

В своей, марксистской среде дискуссировали бернштейниаду (книжка Бернштейна тогда появилась), рукопись известного Махайского, а позднее «ломали копья» с рабочедельцами. В это время уже нарождалось освобожденчество, представители левого крыла которого — Пешехонов, М. Бернштам и др.— были высланы в Псков (впоследствии энесовцы[1]). В то же время в городе было несколько видных рабочедельцев (тоже высланных из Питера) — Лохов и др. К нашей группе примыкали, кроме меня и моей жены, Лепешинские, Красиков и др.

Однако за этой дискуссионной жизнью клубного типа имелось и нечто более серьезное. Существовала небольшая «группа содействия» «Северному союзу»[2], состоявшая из нескольких северян и связанная с Ярославлем и Воронежем (идейный и материальный центр «Северного союза»), а главное, эта группа искровцев была связана с заграницей и некоторыми такими же группами в России. Наша искровская группа преследовала цель — получение из-за границы и распределение искровской литературы,

---

[1] *Энесы* — «народные социалисты» — мелкобуржуазная партия; образовалась в 1906 г., выделившись из правого крыла эсеров; выставляла умеренно-демократические требования, не выходившие из рамок конституционной монархии. В. И. Ленин называл энесов «мещанскими оппортунистами», «социал-кадетами», «эсеровскими меньшевиками». Лидерами энесов были А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др.— *Ред.*

[2] *«Северный союз РСДРП»* объединял социал-демократические организации Владимирской, Ярославской и Костромской (впоследствии и Тверской) губерний. В 1901 г. «Союз» установил связь с ленинской «Искрой».— *Ред.*

выполнение всяких «специальных» поручений, иногда связанных с весьма конспиративными поездками (в Прибалтийский край, на границу и пр.). Имелось сильное руководящее влияние общего «центра» (искровского заграничного), имелась ясно намеченная цель — «собирание» Российской социал-демократической партии и планомерная работа по созданию условий для ее организации... Наконец, и непосредственные шаги по созыву II съезда РСДРП — в лице (2-го) организационного комитета (1902 г.) — делаются в том же ничем не известном до того времени (кроме древних стен) тихом Пскове. Всю техническую работу по организации заседаний ОК проводила псковская искровская группа. В ОК я был кооптирован на Псковской конференции, состоявшейся в начале ноября 1902 г., в качестве представителя, делегированного «Северным союзом» (под кличкой Семен), как бывший работник Севера, не порывавший связи с «Северным союзом»[1]. Этот же «Северный союз» я представил и на II Всероссийском съезде РСДРП (кличка Ланге). Вскоре после Псковской конференции нас разгромили. Лепешинский был арестован (у него что-то было найдено серьезное); у меня ничего не нашли — отделался обыском и надзором; оставаться в Пскове стало невозможным. Переезжаю снова в Ярославль и вскоре еду на II съезд.

С различными приключениями переходим границу. Только на самом съезде, после того как он окончательно осел в Лондоне (нас и за границей преследовала всесильная десница царского самодержавия), мы, провинциальные работники, впервые живо почувствовали себя партией и поняли, что социал-демократическая партия действительно существует и будет существовать... Мы, особенно члены псковской искровской группы, прекрасно были посвящены в суть разногласий между рабочедельцами («экономистами») и ортодоксальным революционным крылом социал-демократии, к которому принадлежали и искровцы, в том числе, следовательно, и Мартов с К°. Поэтому для нас, провинциалов-искровцев, полнейшей неожиданностью было обнаружение крупнейших разногласий между нашими же вождями-искровцами, о чем нас ознакомили еще до начала съезда (у нас были сове-

---

[1] «Северный союз» звался конспиративно — Семен Семенович, откуда и моя псковская кличка — Семен или Семка.

щания во главе с В. И. Лениным). На самом съезде мы встретили крупнейшие разногласия (которые и привели затем к расколу партии), и совершенно не в той плоскости, в которой мы рассчитывали эти разногласия встретить...

Получив после съезда принятые им программу и устав РСДРП и нужные директивы и адреса от нового ЦК (помнится, у Надежды Константиновны Крупской), я направился на работу опять в свои «северные леса» — в район бывшего «Северного союза», благо в центре этого района — Ярославле у меня имелись старые связи по прежней работе девяностых годов. Стягиваю нужных работников — первых членов Северного комитета. Это, кроме меня, Н. В. Романов, И. И. Лузин, И. А. Санжур и др. Организуем уже по новому уставу партии комитет РСДРП, но, будучи верны традициям «Северного союза», структура которого имела и в 1903 г. свое жизненное основание, организуем Северный комитет РСДРП с группами: костромской, иваново-вознесенской и владимирской (ярославская первое время сливалась с самим Северным комитетом), совершаем объезды, вызываем к себе работников с мест, организуем получение литературы и ее развоз на места. Наконец налаживаем и свое издательство, сначала гектографическим способом, а затем и типографию. Однако эта первая в районе Северного комитета типография просуществовала недолго, выпустив несколько номеров журнала «Бюллетень Северного комитета» и несколько листков (к рабочим отдельных фабрик, к учащимся, о тюремной голодовке в Костроме и др.; об образовании СК было декларировано в № 1 «Бюллетеней СК»).

Условия для работы были крайне затруднены постоянными провалами: провалился дважды наш транспорт литературы в Кострому, Санжур, потом костромич Лебедев и другие товарищи, приехавшие тоже из Москвы в Ярославль вместе с принадлежностями для типографии,— И. И. Лузин, Ю. А. Воровская; был арестован посланный в Кострому для доклада Н. В. Романов, произошел провал у О. Н. Алексеевой (Принцевой), Горшковой и др. Все же связи с рабочими были налажены на всем Севере, в том числе и в Ярославле (правда, с Корзинкинской фабрикой — слабо); мы даже руководили забастовками на Дунаевской табачной и спичечной фабриках. Различные общественные слои (врачи, инженеры, железнодорож-

ники, студенчество, статистики) были использованы вовсю, главным образом в отношении добывания денежных средств, укрепления нашего влияния против социалистов-революционеров и освобожденцев...[1] Со всей округой устанавливается правильная связь (в Костроме — с Р. С. Зеликсон; во Владимире — с Добронравовым, Дебюком и в Иваново-Вознесенске — с рабочими, фамилий которых не помню).

Начавшаяся война с Японией и наша позиция в отношении к ней, а также глубокие корни, пущенные нами среди рабочих и во все слои общества, усиливают симпатии к нам, социал-демократам, и укрепляют наше влияние; отсюда бессилие жандармов, несмотря на постоянные провалы, задержать нашу работу.

В марте 1904 г. я должен был оставить работу в Ярославле: интерес ко мне жандармерии со всеми вытекающими отсюда последствиями (вплоть до обысков и постоянного караула у квартиры) усилился; слишком много нитей, хотя и не уловимых для охранки, проводилось ко мне в результате целого ряда частичных провалов...

Перекинулся я в мае или апреле 1904 г. в Баку. О бакинских делах того времени и моей работе там я уже писал в кавказских изданиях.

«Пролетарская революция» № 1, 1926 г.,
стр. 87—92.

---

[1] *«Освобожденцы»* — члены либерально-монархической организации «Союз освобождения», основанной П. Струве за границей в 1904 г. «Освобожденцы» были сторонниками конституционной монархии. Позднее они составили ядро партии кадетов.— *Ред.*

Степанов Сергей Иванович (1876—1935) — член КПСС, рабочий. Революционную деятельность начал в Туле в 1895 г. Делегат II съезда партии от Тульского комитета РСДРП (по протоколам съезда — Браун), сторонник большинства. Неоднократно арестовывался и сидел в тюрьмах, был в ссылке. В 1915 г. арестован и выслан в Иркутскую губернию. После Октябрьской революции находился на хозяйственной, партийной и советской работе в Туле и в Москве.

С. И. СТЕПАНОВ

О ВСТРЕЧАХ С ЛЕНИНЫМ НА II СЪЕЗДЕ ПАРТИИ

На меня, как участника II съезда партии, неизгладимое впечатление и глубокий след на всю последующую жизнь оставили встречи на съезде с В. И. Лениным.

С начала 1903 г. началась подготовка к посылке делегатов на съезд. В Тулу приехал для временной работы Д. И. Ульянов. Здесь был искровский комитет. Он разъяснил нам цели и задачи предстоящего съезда. Выяснилось, что я и Д. И. Ульянов должны были ехать за границу делегатами на съезд.

Зная только русский язык, преодолев целую кучу всяких препятствий, наконец я добрался до явочной квартиры Потресова. Мое появление ночью у Потресова произвело переполох. На другое утро отправляемся на квартиру Ленина. Встретив нас так, как будто знаем друг друга десяток лет, Ильич полушутя, полусерьезно поругал меня за беспокойство, причиненное ночью Потресову, и тут же настоятельно рекомендовал не появляться больше в том районе, где жил Потресов.

Ленин быстро забросал меня вопросами об организации, о рабочих, чем они живут, как борются. Тут же начал горячо доказывать необходимость создания партии революционных марксистов, интересовался, как поняли рабочие его брошюру «Что делать?». Я с трудом успевал давать ответы.

С первых же дней началась подготовительная работа к съезду. На совещаниях обсуждались программные и тактические вопросы, а также устав.

Встреча с Лениным, Плехановым, В. Засулич произвела на меня огромное впечатление. Вместе с тем мы, группа делегатов, рабочие от станка, привлекали к себе особое внимание. Ленин же, ставя серьезные вопросы, шутя и незаметно отучал от робости и преклонения перед людьми «с большим авторитетом».

После жарких боев с Бундом начались споры вокруг программы и устава. На меня крепко влияли Ленин и Плеханов, особенно Ленин своей несокрушимой логикой и той ядовитой издевкой над бывшими соратниками по работе в «Искре», особенно над Троцким, который вел себя, как драчливый петух.

По специальному поручению Ленина я усиленно уговаривал Мартова отказаться от саботажа работы в «Искре». Мартов же категорически отказывался, доказывая мне, что Плеханов не годится для постоянной работы в боевом органе партии, а с Лениным ему с работой трудно справиться, да и оставаться в меньшинстве он не хочет, о чем я и передал Владимиру Ильичу.

После того как был принят первый параграф устава в редакции Мартова, Ленин очень много уделял внимания в беседах с нами об этом во внесъездовской обстановке. Ленин со всей мощью железной логики доказывал нам противоречие принятого устава с тем абзацем программы, где говорится, что «необходимое условие со-

циальной революции составляет диктатура пролетариата», чего не было записано ни в одной программе партий, входящих во II Интернационал. Поэтому партия наша должна быть крепка, дисциплинированна и ограждена от разных «болтунов», не связанных прямым личным участием в одной из партийных организаций, чего именно и недоставало в первом параграфе устава, принятом на съезде.

В частности, Ленин разъяснял мне предстоящие трудности, какие встретятся сейчас же по возвращении в Россию при разъяснении решений съезда, рисовал перспективу ожесточенной борьбы с меньшинством, с той клеветой, какая разгорится во время отчетов о работе съезда...

Для нас уже тогда ясно было, к каким приемам будет прибегать меньшинство в борьбе с большинством. Как только наметился раскол, так сейчас же Л. Г. Дейч мне и другим из большинства заявлял, что для окончания съезда и на разъезд средств нет и своими решениями мы отрезали возможность к их получению. Когда я рассказал об этом случае Ленину, он назвал это подлостью.

И в Брюсселе и в Лондоне наряду с работой съезда Ленин не забывал о наиболее продуктивном использовании нашего пребывания за границей, чтобы познакомить нас с тем, как живут рабочие Европы. Еще и еще раз он старался убедить нас в неизбежности революционных боев, в необходимости для рабочего класса своей революционной партии, для того чтобы взять власть в свои руки и осуществить диктатуру пролетариата для окончательной победы над эксплуататорами.

Перед отправлением обратно в Россию Ленин в течение нескольких дней занимался с нами — группами и с каждым в отдельности, горячо напутствовал: как можно больше вовлекать рабочих в партию, крепить связь с профессионалами-революционерами. Тепло распрощавшись, мы расстались на вокзале с пожеланием встретиться на следующем съезде, имея большее число наших сторонников.

«Воспоминания
о втором съезде партии».
Сборник статей, М., Партиздат, 1934,
стр. 78—80.

Пятницкий Иосиф (Осип) Аронович (1882—1939) — активный участник революционного движения, член КПСС с 1898 г. Подвергался неоднократным арестам, сидел в тюрьмах, был в ссылке. Находясь в эмиграции, ведал транспортом нелегальной литературы и отправкой партийных работников из-за границы в Россию. Активно участвовал в организации II и III съездов РСДРП. В период II съезда партии сторонник большинства, искровец. Участник первой русской революции 1905—1907 гг. В октябрьские дни 1917 г. член боевой партийной пятерки в Москве. Был членом бюро МК РКП(б), в 1919—1920 гг. председатель объединенного профсоюза железнодорожников (Цекпрофсожа), секретарь Московского комитета РКП(б). С 1921 г. работал в Коминтерне, с 1923 г.— секретарь Исполнительного комитета Коминтерна. На IX партийном съезде избран кандидатом в члены ЦК РКП(б), на XIII и XIV — членом ЦКК, на XV съезде — членом ЦК ВКП(б).

О. А. ПЯТНИЦКИЙ

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

(Из воспоминаний)

Нелегко далось Ленину и настоящим искровцам, основному ядру профессиональных революционеров, выпестовать большевистскую партию. Для осуществления этой задачи, которую Ленин себе поставил, пришлось преодолеть очень большие трудности.

Если на II съезде партии большевизм оформился «как течение политической мысли и как политическая партия» (Ленин), то основы партии нового типа, партии ленинизма, закладывала «Искра».

Когда Ленин приступил к изданию «Искры», то, как это явствует из первых его работ: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и «Задачи русских социал-демократов», у него уже сложилась законченная концепция как о программе и тактике, так и об организационных принципах большевистской партии, ведущей рабочий класс на борьбу за свержение буржуазии и за диктатуру пролетариата. За осуществление этих задач Ленин боролся всю свою жизнь, и еще при жизни он добился их осуществления.

Когда появилось заявление редакции об издании «Искры» (октябрь 1900 г.) [1], а затем и первые ее номера, в центральных промышленных городах, а также в местах ссылки уже существовали отдельные социал-демократы и даже социал-демократические группы, которые не только приветствовали появление «Искры», но и взялись со всей энергией за проведение ее плана о создании революционной социал-демократической партии в России. Статьи «Искры», направленные против «экономистов», рабочедельцев, эсеров, Бунда и других оппортунистических элементов, подхватывались русскими революционными социал-демократами, использовались ими в своей агитации, в борьбе против этих течений.

Докатились искровские идеи и до того сравнительно небольшого города (Вильна), где я тогда работал. Ко времени выхода «Искры» я был уже знаком с литературой группы «Освобождение труда». В Вильне в то время шла борьба за влияние на передовых рабочих между Бундом, ППС и сторонниками «Искры». Бунд примыкал к «экономистам», был связан с рабочедельцами и терял свое влияние на передовых рабочих; ППС очень импонировала рабочим своей борьбой против самодержавия, но отталкивала их своим национализмом. Появление «Искры» было встречено передовыми рабочими с энтузиазмом. «Искра» отвечала их чаяниям. Многие революционные рабочие стали искровцами. Примкнул к «Искре» и я. «Искра», как известно, издавалась за границей, и спрос на нее во всей России был громадный.

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 4, стр. 326—331.— *Ред.*

Узким местом была доставка нашей газеты в Россию. Я занялся доставкой литературы из-за границы в Россию, не оставляя в то же самое время работы и в мастерской. Мне это было легко делать, так как у меня были связи среди рабочих-щетинщиков на границах Литвы и Польши с Германией.

Ко мне в Вильну искровские организации России стали посылать людей для отправки их за границу. Сергей Цедербаум извещал меня об искровской литературе, находящейся на германской границе, и я доставлял ее в Вильну, откуда организация «Искры» рассылала ее по всей России. Эту работу я продолжал и после ареста С. Цедербаума. В начале 1902 г. за мной началась слежка и я указал через виленскую организацию «Искры» на необходимость дать мне заместителя, которому я мог бы передать связи на границах. Для принятия у меня транспортных связей был прислан в Вильну Арцыбушев (под кличкой Маркс). В начале марта 1902 г. я был арестован в Вильне на вокзале, и хотя был задержан не под своей фамилией, но жандармы знали мое настоящее имя. Полицейский, находившийся в жандармском управлении на вокзале, предложил направить меня к нему, заявляя, что у него я скоро заговорю. Но жандармский офицер ответил: «Ошибаетесь, он вам ничего не скажет: он искровец». Таким образом, даже жандармы отличали искровцев от сторонников других течений и партий.

Меня направили в киевскую тюрьму; в этой тюрьме тогда сидели многие видные искровцы. Они были присланы сюда из крупнейших центров России — Питера, Москвы, Баку, Харькова, Одессы и других городов (впоследствии выяснилось, что у Крохмаля, бывшего тогда главой искровской организации в России, жандармы перехватывали и расшифровывали переписку и что у него были найдены многие адреса, в том числе и мой). Главный контингент политиков, заключенных в киевской Лукьяновской тюрьме, составляли искровцы, социалисты-революционеры и украинские социалисты. В тюрьме шла идейная борьба между этими группами. Все эти группы наладили получение в тюрьму своей нелегальной литературы. Искровцы подготавливали себя для будущей работы и дебатировали все вопросы тактики, программы и организации партии.

Сидеть тогда в тюрьме изолированным от развивающегося в стране революционного движения было очень тяжело. В стране происходили студенческие демонстрации, крестьянские волнения (в Харьковской и Полтавской губерниях), стачки рабочих. Искровцы задумали и осуществили побег из киевской тюрьмы; бежало 10 искровцев, в том числе и я. Бежавшие переправились за границу, и каждый из нас получил задание от редакции «Искры». Часть вернулась на работу в Россию, другая, к которой принадлежал и я, была оставлена на работе за границей. Мне было поручено организовать в Германии отправку литературы в Россию и переправу людей через границу в Россию и обратно.

«Искра» делала колоссальные успехи по объединению партии. Комитет за комитетом в России переходил на сторону «Искры». Ни один комитет не мог бы удержаться в промышленных центрах в конце 1902 и 1903 гг., если бы выступил открыто против «Искры». Спрос на искровскую литературу был громадный... Члены местных организаций партии и даже не принадлежащие к организации революционные рабочие давили на комитеты, добиваясь, чтобы те пошли с «Искрой». Немало комитетчиков поэтому перекрашивалось в искровцев, не будучи ими на деле, только с той целью, чтобы не оказаться выброшенными из движения.

Как известно, то же самое происходило через 16—17 лет, в период перед II конгрессом Коминтерна, со многими вождями партий II Интернационала, когда под давлением партийной массы они, заявляя о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу, не только не разделяли его программы, тактики и организационных принципов, но были даже противниками Коммунистического Интернационала. Ленин на II съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии (13—18 октября 1903 г.) в своем докладе о II съезде партии говорил:

«Высказываются теперь некоторыми искровцами и такие в высшей степени странные взгляды, будто ЦК должен отражать в своей деятельности всякие шатания и примитивные воззрения в партии. В этом же духе говорили некоторые нетвердые, колеблющиеся искровцы и на съезде. Таким образом оказывается, что взгляд, будто все, причисляющие себя к искровцам, являются таковыми

и на самом деле, совершенно неверен. Есть искровцы, стыдящиеся даже называть себя искровцами, это — факт. Есть искровцы, борющиеся с «Искрой», ставящие ей разные препятствия, тормозящие ее деятельность. «Искра» стала популярна, сделалось модой называться искровцем, но это не мешает многим оставаться тем, чем они были раньше, до признания ее многими комитетами. Такие ненадежные искровцы принесли ей много вреда. Если бы они еще боролись с нею прямо, открыто... Но нет, они действуют исподтишка, из-за угла, незаметно, тайно» [1].

Я думаю, что этот опыт присоединения к «Искре» лжеискровцев, которые на самом II съезде партии и в особенности после него примкнули к меньшевикам и яростно боролись против большевиков, был учтен Лениным при выработке им в 1920 г. 21 условия приема в Коминтерн...

РАЗНОГЛАСИЯ СРЕДИ ИСКРОВЦЕВ НА II СЪЕЗДЕ

В начале 1903 г. в Берлин приехал В. Носков (участник II съезда партии под фамилией Глебов); с ним вместе мы отправились в Лондон, где находилась тогда редакция «Искры». Ленина и Крупскую во время этого моего пребывания в Лондоне я видел очень редко, зато Мартова и Засулич (два члена редакции «Искры»), Дейча и Блюменфельда я ежедневно встречал (Блюменфельд принадлежал к числу бежавших из киевской тюрьмы, где я с ним сильно подружился). С Носковым Ильич договаривался насчет подготовки II съезда, я же должен был подготовить границы и явки к приезду многих делегатов из России на съезд.

Первая половина 1903 г. ушла на подготовку II съезда. На самом съезде я не был, но многие из делегатов, проезжая Берлин, приходили на явки, данные мной, и таким образом у меня установился контакт со многими делегатами съезда. Долго мы никаких сведений о том, что делается на съезде, не получали. В конце съезда до нас дошли очень тревожные слухи о разногласиях среди искровцев, чему мы не поверили вначале. Только после

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 7, стр. 61—62.— *Ред.*

окончания съезда возвращающиеся делегаты повели агитацию среди нас, не бывших на съезде искровцев. В результате искровцы, находившиеся в Берлине и выполнявшие там разную работу, разделились на два враждебных лагеря.

Главным предметом расхождения между искровцами на съезде был, как известно, первый пункт устава и вопрос о выборах редакции центрального органа.

Соотношение сил на съезде было такое: 24 голоса твердых искровцев, 7 делегатов с 9 голосами искровского меньшинства (мартовцы), 4 делегата — сторонники «Южного рабочего», 3 делегата — сторонники «Рабочего дела», 5 делегатов от Бунда и 6 голосов колеблющихся — «болото», как их иронически называли на съезде искровцы. Когда начались разногласия между искровцами, то делегатов искровского меньшинства — мартовцев усердно поддерживали бундовцы, рабочедельцы, «болото» и сторонники «Южного рабочего». Все вместе они имели 27 голосов, а сторонники Ленина — 24 голоса. С уходом со съезда делегатов Бунда (после того как съезд отверг предложения Бунда «быть единственным представителем еврейского пролетариата в партии») и двух делегатов-рабочедельцев (после того как съезд утвердил Заграничную лигу русской революционной социал-демократии единственной партийной организацией за границей) искровцы — сторонники Ленина получили твердое большинство.

Разногласия, которые возникли среди искровцев на II съезде, многим из нас, не участвовавшим на съезде, сразу не были достаточно ясны. Мы не знали, кто какие статьи писал в «Искре»; для нас «Искра» была единым целым. Уже значительно позже мы узнали, что редакция за три года ни разу не собиралась в полном составе, что целый ряд важнейших статей ходил по рукам от одного редактора к другому со всякими изменениями, и таким образом задерживался на недели выход этих статей. Мы позже узнали, что в процессе борьбы двух течений в редакции фактически не работала та тройка — Ленин, Мартов, Плеханов,— которая была съездом выбрана в редакцию. С другой стороны, меня очень возмущало то, что, после того как съезд выбрал редакторов, Мартов и остальные три редактора прежней «Искры» (Засулич, Аксельрод, Потресов) отказались выполнить решения съезда.

Что касается первого параграфа устава, то на этот счет у меня не возникло никаких сомнений. С первого момента я был за формулировку Ленина и против той формулировки, которую съезд принял по предложению Мартова.

Принятый в редакции Мартова первый параграф устава гласит: «Членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Тов. Ленин настаивал, чтобы вместо слов: «и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций», поставить: «и личным участием в одной из партийных организаций».

В своем докладе на II съезде Заграничной лиги Мартов, защищая свою точку зрения, пытался смазать принципиальные разногласия между своей и ленинской формулировкой.

«Мне,— заявил он,— не представлялось и сейчас не представляется столь существенным различие между двумя формулировками, которые формально отличаются между собой лишь несколькими словами (*Ленин:* Неверно!)» [1].

В действительности же те «несколько слов», в которых Мартов усматривает лишь формальное отличие между обеими редакциями первого параграфа, заключают глубокое принципиальное расхождение в понимании членства партии.

Эта разница очень велика для любой нелегальной партии, тем более для РСДРП, которая во время II съезда была сугубо нелегальной... Мартов был вполне последователен в этом вопросе с точки зрения II Интернационала. Но большевики во главе с Лениным ставили себе целью построить — и построили — партию нового типа — большевистскую партию. Такой партии нужен был и свой устав.

В партиях II Интернационала члены партии пассивны. За них все дела партии обсуждают и решают руководство и актив, который подбирается руководством на длительный срок, независимо от его работы в массах и от того, что он делает для партии. Члены партии несут пар-

[1] «Протоколы 2-го очередного съезда Заграничной лиги русской революционной соц.-демократии», стр. 59.

тийную работу лишь во время выборов в представительные учреждения, а социал-демократическая партия в целом является не боевой партией пролетариата, но избирательным аппаратом, приспособленным к парламентским выборам, к парламентской борьбе. Единственный контроль, который существует у этих партий,— это уплата членских взносов. Посещают ли члены партии партийные собрания, выполняют ли они партийные обязанности — это не проверяется. На партсобрания социал-демократов приходит мало членов; но это соответствует расчетам вождей: они могут на этих собраниях проводить все, что им угодно.

Допустимо ли такое положение для большевистской партии даже в обстановке легальности? Конечно, нет. Ведь задачи большевистской партии принципиально отличаются от задач партий II Интернационала.

Большевистские партии постоянно борются против буржуазии и ее правительства, готовят и организуют рабочий класс для борьбы за власть. Они должны, следовательно, постоянно агитировать и организовывать рабочих на фабриках и заводах, устраивать демонстрации, стачки и т. д.; они должны также подготавливать резервы пролетариата. Боевая революционная партия пролетариата может выполнить стоящие перед ней задачи только в том случае, когда все члены партии самоотверженно отдают себя партийной работе, а для этого они должны состоять в партийных организациях, которые руководят классовой борьбой пролетариата.

Тем большее значение имело определение членства для нелегальной партии, какой была РСДРП того времени. Зачем члену партии подвергаться риску быть арестованным на партийных собраниях, на демонстрациях, на массовках, при перевозке и распространении литературы и т. д., когда он мог считать себя и называться членом партии и сидя дома, лишь оказывая даже незначительные услуги парторганизациям? Я не говорю уже о том, что при таком уставе нельзя было бы даже проводить формального контроля членства, чтобы убедиться, оказывает ли тот или иной член партии услуги парторганизации, платит ли он хотя бы членские взносы (в частности, ни парткнижек, ни марок, которые партии II Интернационала вклеивали в парткнижки, тогда ведь у нас не было).

Ленин в своем докладе на съезде Лиги, доказывая, что разница между двумя формулировками огромная, сказал:

«Между тем как я предлагал признать членом партии того, который, разделяя программу партии и оказывая ей материальную поддержку, входит в какую-нибудь партийную организацию,— Мартов находил достаточным, кроме двух первых условий, работу под контролем одной из партийных организаций. Я стоял за свою формулировку и указывал, что иного определения члена партии мы не можем сделать, не отступая от принципа централизма. Признать членом партии лицо, не входящее ни в какую партийную организацию, это значит высказаться против всякого контроля партии. Здесь Мартов вносил новый принцип, совершенно противоречащий принципам «Искры». Формулировка Мартова расширяла пределы партии. Он ссылался на то, что наша партия должна быть партией масс. Он открывал настежь двери всяким оппортунистам, расширял пределы партии до полной расплывчатости. При наших же условиях это представляет большую опасность, так как установить границу между революционером и праздноболтающим очень трудно; поэтому нам необходимо было сузить понятие партии.. Мартов в данном случае проявил оппортунизм. Его формулировка вносила фальшивый диссонанс в устав: каждый член партии должен находиться под контролем организации так, чтобы ЦК имел возможность доходить до последнего члена партии. Моя формулировка давала стимул организоваться. Тов. Мартов принижал понятие «члена партии», оно же, по моему мнению, должно стоять высоко, очень высоко» [1].

Последующие события показали, что борьба Ленина на II съезде по первому параграфу устава была борьбой за партию нового типа в международном масштабе. Точно так же и разногласия по вопросу о составе центральных органов партии имели крупнейшее значение. Твердые искровцы боролись на съезде за создание дееспособной редакции центрального органа партии — «Искры», за работоспособный состав ЦК.

Искровцы мартовского толка, поддерживаемые всеми врагами «Искры», стояли за бесформенный ЦК и неработоспособную редакцию «Искры».

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 7, стр. 63—64.

Мартов и его сторонники уже на самом съезде заявили, что они не подчинятся решениям съезда о составе редакции; они действительно тотчас же использовали Заграничную лигу революционной социал-демократии для того, чтобы начать борьбу против решений II съезда партии.

II СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНОЙ ЛИГИ И ВЕРОЛОМСТВО ПЛЕХАНОВА

Параграф 13 устава, принятого на II съезде, посвящен Заграничной лиге. Этот параграф гласит:

«Заграничная лига русской революционной социал-демократии, как единственная заграничная организация Российской социал-демократической рабочей партии, имеет целью пропаганду и агитацию за границей, а равно содействие русскому движению. Лига имеет все права комитетов с тем только исключением, что поддержку русскому движению она оказывает не иначе, как через посредство лиц и групп, особо назначенных Центральным Комитетом» [1].

Как только выяснилось, что съезд партии не пошел с Мартовым, который требовал избрания прежней редакции «Искры», Мартов, Троцкий и их сторонники хотели использовать Заграничную лигу для борьбы против центральных органов партии. Они поставили себе целью превратить Лигу в литературную группу, куда входили бы и три редактора, которые не были выбраны в редакцию центрального органа партии — «Искры». Эту литературную группу они задумали противопоставить «Искре». II съезд партии принял специальную резолюцию о партийной литературе. Пункт 3 этой резолюции указывает, что должна быть «создана обширная брошюрная литература, которая ставила бы себе задачей систематическую популяризацию партийной программы и резолюций съезда по вопросам тактики.

Съезд поручает центральным учреждениям партии озаботиться принятием всех нужных мер для проведения в жизнь этих решений» (указанных в резолюции «О партийной литературе».— *О. П.*) [2]

---

[1] «Второй съезд РСДРП», стр. 425.
[2] Там же, стр. 433.

Эти решения не оставляли сомнений, что центральным учреждениям партии поручается издание этой литературы. Однако Мартов и его сторонники воспользовались параграфом 13 устава о Лиге, дающим ей право вести за границей пропаганду и агитацию, для того чтобы провести на съезде Лиги решение об *издании литературы Лигой.* Кроме того, они отклонили предложение сторонников большинства II съезда о внесении в устав Лиги пункта, устанавливающего, что устав Лиги входит в силу после утверждения его ЦК.

Еще до съезда Лиги я был вызван из Берлина в Женеву. Все искровцы, которые бежали из киевской тюрьмы осенью 1902 г., в том числе и я, были приняты в члены Лиги. Сторонники Мартова, к которым примкнул уже упомянутый мной Блюменфельд, не были уверены, что они получат большинство на съезде Лиги. Поэтому Блюменфельд стал обрабатывать меня в духе меньшевизма. Считая, что мой голос на съезде даст перевес либо большевикам, либо меньшевикам, он убеждал меня не мешать созданию литературной группы, в которую входили бы и бывшие редакторы «Искры». Эта литературная группа, по мнению Блюменфельда, должна контролировать работу центральных органов партии, и своими литературными произведениями корректировать их работу. Если ее не будет, говорил он, партия превратится в секту, так как Ленин и большевики хотят сузить партию таким образом, чтобы в нее входили только агенты ЦК. Если я дам перевес большевикам, то на мою совесть ляжет невероятная ответственность. Но я не согласился с доводами Блюменфельда. Тогда он выдвинул предложение, что мне лучше уехать из Женевы и таким образом не участвовать в съезде.

Меньшевики оттягивали открытие съезда Лиги до тех пор, пока не убедились, что они будут иметь на нем большинство. К моменту открытия съезда они уже располагали таким большинством. На съезде присутствовало 15 сторонников большинства, которые имели вместе 18 голосов (отсутствовавшие члены Лиги имели право передачи своих голосов), и 18 сторонников меньшевиков, которые имели 22 голоса. Не примкнувшим ни к большинству, ни к меньшинству оказался только один член Лиги с двумя голосами. Таким образом, меньшинство на II съезде партии получило большинство в несколько го-

лосов на съезде Лиги. Опираясь на это большинство, меньшевики лишили права голоса тех членов Лиги, сторонников большевиков, которые после II съезда поехали в Россию, хотя они и были хорошо информированы о разногласиях.

До II съезда Лиги я — хотя мне было неприятно, что конфликт на съезде вышел из-за недостаточно оцененного мной тогда вопроса о составе редакции,— твердо стоял в вопросе об организационных принципах на точке зрения большинства съезда партии. Этим объясняется, что я решительно отклонил предложение Блюменфельда: либо голосовать с ними, либо уехать со съезда Лиги. Я был очень близок с Блюменфельдом и во время пребывания в Англии близко сошелся с Мартовым. Я тогда не понимал, почему принципиальные разногласия должны повлиять на личные отношения между членами партии. Но я убедился на деле, что Мартов и его сторонники, которые до съезда Лиги были дружески расположены ко мне, резко порвали всякие отношения со мной, как только я подписал на съезде Лиги документ вместе со сторонниками большинства.

На съезде Лиги Мартов, сообщая в своем содокладе о II съезде всякие сплетни, отрывки из личных разговоров и т. д., довел большевиков до того, что они покинули зал заседания. Вначале я, не уйдя со сторонниками большинства, оставался на заседании съезда, но после речи Троцкого, который не уступал Мартову ни в политической беспринципности, ни в клеветническом тоне, и я покинул заседание. Во время съезда Лиги я уже по всем вопросам твердо стоял на точке зрения большинства, все время голосовал с ними и подписывал все документы сторонников большинства.

На съезде Лиги я впервые познакомился с Плехановым. Он бывал на всех совещаниях сторонников большинства, которые происходили во время съезда Лиги. Он верховодил, он председательствовал, он вносил всякие предложения, и они принимались. В этих своих предложениях он шел очень далеко, советуя, например, представителю Центрального Комитета внести на съезд Лиги список новых членов Лиги и ввести их таким образом своей властью в Лигу. Он вместе с остальными сторонниками большинства ушел со съезда Лиги, когда представитель ЦК заявил, что он не утвердит устава

Лиги. А через пару дней Плеханов переметнулся на сторону меньшинства.

На меня поведение Плеханова произвело самое отрицательное впечатление. У меня создалось такое мнение, что все это была игра, что он заранее знал, что перейдет к меньшевикам. Вряд ли можно думать, что истерики литераторов и тех заграничных членов Лиги, которые были на съезде, произвели на Плеханова такое впечатление, что в течение нескольких дней он решил, что именно они, а не то большинство, которое было на II съезде партии, представляют общественное мнение партии. Если бы Плеханов не замышлял заранее перехода к меньшевикам, он не мог бы тотчас же после съезда Лиги действовать так решительно в пользу меньшевиков и так злобно против большевиков, как он это делал.

БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ВО ГЛАВЕ С ЛЕНИНЫМ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ РЕШЕНИЙ II СЪЕЗДА ПАРТИИ И ПРОТИВ ПРИМИРЕНЧЕСТВА

Плеханов кооптировал в редакцию тех трех редакторов, которые были отвергнуты съездом партии. «Искра» начала борьбу против сторонников большинства, главным образом против Ленина, по всему фронту, даже и по таким вопросам, по которым на съезде разногласий как будто не было.

В написанном Лениным обращении к партии участников частного собрания — 22 членов РСДРП, стоящих на точке зрения большинства II съезда, новой «Искре» дается такая характеристика:

«Партийный орган, который «меньшинству» вопреки воле съезда и благодаря личным уступкам выбранных съездом редакторов удалось захватить в свои руки, стал органом борьбы против партии!

Всего меньше он является теперь идейным руководителем партии в ее борьбе с самодержавием и буржуазией, всего больше — руководителем кружковой оппозиции в борьбе с партийностью. С одной стороны, чувствуя недопустимость своей основной позиции с точки зрения интересов партии, он усиленно занят изыскиванием действительных и мнимых разногласий, чтобы идейно при-

крыть эту позицию; и в этих поисках, хватаясь сегодня за один лозунг, завтра за другой, он все более черпает материал у правого крыла партии — прежних противников «Искры», все более идейно сближается с ними, реставрируя их отвергнутые партией теории, возвращая идейную жизнь партии к пережитому, казалось, периоду принципиальной неопределенности, идейных шатаний и колебаний»[1].

В письме к Глебову от 11 сентября 1904 г. Ленин писал:

«Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дрязг, путаницы в рассуждениях и заигрыванья с оппортунистами, сведения личных счетов и выискивания разногласий. Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это теперь видят все и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру»»[2].

Не лучше новой, меньшевистской «Искры» оказался и Центральный Комитет. После целого ряда арестов и изменений состава ЦК стал на точку зрения примирения большевиков и меньшевиков, при этом он понимал примирение таким образом, чтобы сдать все позиции меньшевикам, не считаясь с решениями съезда и с волей большинства местных комитетов.

Большевика Васильева (Ленгника), который во время съезда Лиги был представителем ЦК за границей, заменил В. Носков, который на II съезде партии поддерживал Ленина, а после съезда партии перешел к примиренцам и кооптировал в ЦК примиренцев против воли Ленина и несмотря на то, что устав партии требовал при кооптации новых членов в ЦК единогласия членов ЦК. Носков запретил партийной типографии печатать брошюры, которые писались сторонниками большинства. Так как транспорт через Германию был в моих руках, то примиренческим ЦК был прислан ко мне комиссар в лице Сюртука (Коппа) и была создана в Берлине транспортная группа, куда входил, кроме меня и Коппа, еще один член «болота». Они требовали от меня, чтобы я прекратил

---

[1] *В И. Ленин,* Соч., т. 7, стр. 422.
[2] Там же, стр 435.

посылку большевистской литературы в Россию. Самый большой транспорт литературы шел через Германию. Берлинский транспортный аппарат функционировал хорошо. В России же заведовал транспортом т. Литвинов. Поэтому, как только выходила новая литература сторонников большинства, я ее отправлял в Россию, усиленно пересылая также все находившиеся на складах написанные раньше Лениным брошюры: «Что делать?», «Задачи русских социал-демократов», «К деревенской бедноте» и др. Но как только была создана транспортная группа, большинство ее запретило мне отправлять в Россию большевистскую литературу...

Этим примиренческий ЦК хотел изолировать Ленина и заграничных большевиков от российских парторганизаций.

Примиренчество внесло большую путаницу в ряды членов партии не только в России, но и за границей.

Берлинская «группа содействия большевикам» всеми голосами против меня и больного Горина (бывшего делегата II съезда от саратовской организации), который в то время лежал в больнице, высказалась за объединение с меньшевиками. Между тем берлинская группа имела большое значение. Она не только имела много связей с Россией, не только распространяла литературу, влияла на русскую колонию, но и собирала много денег. По отчетам Заграничной лиги, за десять месяцев 1902 г. самое большое количество денег было переведено Лиге из Берлина — 3794 швейцарских франка. Берлинская группа покрывала большую часть расходов по отправке людей и транспорта. Само собой разумеется, что сторонники большинства II съезда создали свою самостоятельную заграничную группу.

Что касается России, то здесь деморализация сказывалась сильнее в тех организациях, где сидели представители «болота». Примиренцы — члены ЦК и агенты ЦК — разъезжали по России, старались внушить комитетам, недовольным примиренчеством ЦК, что им удается привлечь сторонников меньшинства съезда к общей партийной работе, что те готовы распустить свою обособленную организацию и вернуться в партию. В то же самое время эти примиренцы тайно от партии вели переговоры с меньшевиками о кооптации их в ЦК и о фактическом переходе на сторону меньшевиков...

Этот обман не мог быть скрыт от партии, и громадное большинство русских комитетов сами создали орган — Бюро комитетов большинства — для созыва III съезда...

Борьба за партию от II до III съезда показала, что Ленину и его «Искре» не только удалось воспитать в большинстве русских организаций те кадры профессиональных революционеров, которые на II съезде отстаивали взгляды старой «Искры», ленинскую линию, но, несмотря на то что после II съезда центральный орган и Центральный Комитет попали к меньшевикам и к примиренцам, которые третировали решения съезда, большинство российских комитетов занимало твердую ленинскую линию. Борьба против меньшевиков, борьба за большевистский III съезд, борьба против Плеханова создала те кадры, которые руководили революцией 1905 г. и руководили партией и после победы над буржуазией.

В борьбе за III съезд партии, в борьбе против меньшевиков и примиренцев выдающуюся роль играл орган большевиков «Вперед», который стал выходить в декабре 1904 г. (№ 1 вышел 22 декабря 1904 г.). Я присутствовал на совещании большевиков в Женеве, которое обсуждало вопрос об издании своего печатного органа. К тому времени с согласия представителя БКБ и заграничного центра большевиков я удалил Сюртука и его товарища по «болоту» из германской транспортной группы и прекратил отправку в Россию меньшевистской литературы, в том числе и новой «Искры». С энтузиазмом мы, большевики, стали отправлять нашу газету «Вперед» и брошюры сторонников большинства в Россию всеми способами.

Во всей этой борьбе можно отметить, между прочим, следующий характерный штрих. Как известно, Мартов и Троцкий, вся эта оппортунистическая компания, метали на II съезде партии и на II съезде Лиги громы и молнии против централизации, против якобы диктаторской власти, которую Ленин хотел предоставить ЦК. Когда же они при помощи всяческих махинаций и отсрочек захватили большинство на съезде Лиги, то они избрали администрацию Лиги из трех лиц, все сторонники Мартова, несмотря на то что большевики, сторонники Ленина, имели на съезде Лиги лишь на несколько голосов меньше мартовцев. Когда меньшевики очутились в ЦО, то они третировали местные комитеты партии, без всяких

церемоний нарушали решения съезда. Когда большинство комитетов высказалось за созыв съезда и Совет партии обязан был созвать его, меньшевистский Совет решительно отказался выполнить волю партии.

Так действовали не только оппортунисты российские, то же самое было и в других партиях II Интернационала. Когда до войны в социал-демократических партиях большинство принадлежало центристам, то оппортунисты пользовались полной автономией для себя. А когда оппортунисты оказались в большинстве — еще во время войны,— они беспощадно выкидывали из партии всех, кто казался им левым.

«Воспоминания
о втором съезде партии».
Сборник статей, М., Партиздат, 1934,
стр. 110—128.

Землячка Розалия Самойловна (1876—1947) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. В революционном движении принимала участие с 90-х годов. В 1901 г. агент «Искры» в Одессе и Екатеринославе. Делегат II съезда РСДРП от одесской организации (по протоколам съезда — Осипов), сторонник большинства. В 1903 г. кооптирована в члены ЦК, в конце 1904 г. избрана в Бюро комитетов большинства. Неоднократно арестовывалась и отбывала тюремное заключение. С 1909 г. была секретарем бакинской большевистской организации, затем находилась за границей. В 1915—1916 гг. член Московского бюро ЦК партии. После Февральской революции 1917 г. первый секретарь легального Московского комитета большевиков. В дни Октябрьской революции руководила вооруженной борьбой рабочих Рогожско-Симоновского района в Москве. В 1918—1921 гг. начальник политотделов армий на Северном и Южном фронтах. В последующие годы вела большую партийную и государственную работу, в 1926—1931 гг. член коллегии Наркомата РКИ, в 1932—1933 гг. член коллегии НКПС. Была делегатом всех партийных съездов (кроме I и V). С XIII съезда РКП(б) член ЦКК. На XVII съезде ВКП(б) избрана членом Комиссии советского контроля, на XVIII съезде — членом ЦК ВКП(б). Была депутатом Верховного Совета СССР, заместителем Председателя Совнаркома СССР, заместителем председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Награждена двумя орденами Ленина и орденом Красного Знамени.

Р. С. ЗЕМЛЯЧКА

ОРГАНИЗАЦИЯ БЮРО КОМИТЕТОВ БОЛЬШИНСТВА

В период подготовки II съезда В. И. Ленин письмом, которое привез в Полтаву И. И. Радченко, поручил мне выехать в Одессу в качестве агента «Искры» для завоевания Одесского комитета. С этого времени и до 1917 г. протекает моя нелегальная жизнь.

Владимир Ильич придавал особенное значение печатному органу. «Искра» призвана была не только пропагандировать вопросы правильного построения партии. Она одновременно объединяла вокруг себя лучшие силы, мобилизовала лучших рабочих на борьбу с оппортунизмом. Небольшая группа искровцев боролась тогда с «экономистами».

Период «Искры» начался для меня в Полтаве в 1901 г., где находилась небольшая группа поднадзорных социал-демократов и где был тогда центр «Южного рабочего». Намечавшиеся уже тогда разногласия в партии были выражены в этом органе, которым руководили поднадзорные Левины (один из них — Егоров, по II съезду). Но разногласия носили тогда чисто теоретический характер и получили организационную форму лишь с появлением «Искры». Полтава являлась центром эсеров, где сосредоточились крупнейшие силы их партии. Борьба с последними ослабляла борьбу внутри группы, и вследствие этого среди нас были товарищи, недостаточно разобравшиеся в существе внутренних разногласий...

Задача искровской группы заключалась в том, чтобы создать возможность наибольшего распространения «Искры», пропагандировать ее идеи. Мы воевали за каждую букву ленинского слова, за каждого рабочего. Мы видели в каждом противнике «Искры» врага, который, ведя работу против правильного построения партии, толкает партию к оппортунизму и расплывчатости, гибельным для партии. Мы были непримиримы. И только благодаря этой непримиримости мы очень быстро отвоевали позиции.

В нашей группе были оттенки (Малянтович уже тогда нерешительно подходил ко всем нашим мероприя-

тиям), но они не проявлялись в практической работе, так как нам приходилось ожесточенно бороться за «Искру», против группы «Борьба»...

Во главе «Борьбы» стоял Д. Б. Рязанов. Но «Искра» оказалась сильнее, и мы победили, завоевав на свою сторону вместе с рабочими местную организацию... Искровцы из маленькой группы интеллигентов превратились в довольно многочисленную (по тому времени) и влиятельную группу, со значительным количеством рабочих.

Огромное значение в подполье имела типография. Своей типографии у нас в Одессе не было. Неоднократные попытки организовать свою типографию проваливались. К этому времени относится также провал типографии, которую организовал А. А. Сольц. И несмотря на это, в течение очень короткого времени Одесский комитет был завоеван на сторону «Искры».

Положение в Одессе мы считали уже достаточно прочным, и меня сочли возможным перебросить в Екатеринослав, где провалы комитета происходили чуть ли не каждый месяц. Провокатор обнаружился значительно позже; им оказался некий Батушанский, зубной врач, у которого в течение долгого времени были наши явки и квартиры для собраний.

Из-за частой смены работников организация переживала постоянные колебания. Связь с массой была слаба. В организации орудовал младший Цедербаум — ярый антиискровец, позже меньшевик, неплохой оратор и организатор-массовик. Внутри комитета часто получали перевес противники «Искры» благодаря одному колеблющемуся товарищу, по кличке Борис. Но рабочие группы на больших екатеринославских заводах постепенно переходили на нашу сторону.

Это было уже в 1903 г. Подготовка к съезду была в самом разгаре. К нам летели всевозможные посланцы — и от рабочедельцев и от просто колеблющихся. Организация была к этому времени уже прочная, большинство в ней было крепкое, искровское. Масса была уже наша. Но, чем крепче становилась организация, тем сильнее нажимала полиция.

Провокатор Батушанский, который знал всех в лицо, выдавал и поодиночке и скопом. Больше трех месяцев там не мог оставаться ни один из видных работников.

Прошло три месяца пребывания моего в Екатеринославе, и все сигнализировало о моем близком провале. Тогда организационный комитет приказал мне немедленно уехать за границу для подготовки II съезда.

И тогда, если память мне не изменяет, я впервые увидала Ильича. Все значительное в жизни партии неразрывно связано с личностью Ильича, и на этой встрече незадолго до II съезда мне хочется остановиться подробнее.

Ильич жил тогда с Надеждой Константиновной и ее матерью на маленькой дачке в деревушке не то в окрестностях Берна, не то Цюриха [1].

Помню кухоньку, идеально чистую, где мы пили чай и где Ильич аккуратно выполнял свою часть обязанностей по хозяйству — перетирал чашки.

При первой личной встрече меня больше всего поразила в Ильиче необыкновенная мягкость, внимательность и деликатность в отношении к новому человеку. Он прощупывал каждого нового работника насквозь, но так, что вы чувствовали какую-то особенную, ему свойственную деликатность. Позже я узнала очень хорошо, как прощупывает Ильич своего идейного противника, как умеет он отбрасывать не только активного врага, но все дряблое, колеблющееся, что часто в огне сражений наносит вред не меньший, чем может нанести организованный враг.

Первое, что меня поразило в нем,— это удивительное знание, до мелочей, всего, что делалось тогда в организациях на местах. Он знал каждого искровца, его способности, его слабые стороны. Он имел особенность слушать, впитывая в себя каждое слово о том, как реагируют массы на нашу борьбу внутри организации. Мы наперебой рассказывали ему о жизни в России, а он с довольным видом потирал руки, делая про себя выводы, отмечая что-то на бумаге.

Собирание партии по одному человеку, по маленьким группам, борьба против оппортунистических взглядов в вопросах организации, которые на съезде оформились в меньшевизм, методы борьбы и сила влияния каждой

---

[1] В конце апреля (ст. стиля) 1903 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали из Лондона в Женеву и поселились в пригороде Séchéron.— *Ред.*

группы — все то, о чем мы и другие товарищи рассказывали тогда Ильичу, давало ему ясное понимание действительного положения в России, и на этом отчасти Ленин построил свою тактику на самом съезде. Особенно его интересовала тогда наша работа среди рабочих и влияние наших противников на определенные группы рабочих.

Ильич мало высказывался и много, непрерывно и жадно расспрашивал о России, о каждой мелочи борьбы. После Ильича меня взяла в переделку Надежда Константиновна, учинив допрос по организационной части, об установлении связи путем шифра и пр.

Несколько замечаний, сделанных Ильичем по сравнительно мелким вопросам, осветили для меня новые перспективы организационной борьбы. Внимательное отношение Ильича к мельчайшим извилинкам нашей организационной борьбы, к самому незначительному проявлению мысли и борьбы рабочего в России показало мне уже тогда, как умеет Ильич строить — на действительном знании движения рабочих, на знании малейших поворотов в развитии этого движения.

В Женеве, куда все мы съехались, мне пришлось оставаться недолго. Меня вместе с С. И. Гусевым направили в Брюссель для подготовки к съезду. Но те несколько совещаний, на которых Ильич излагал программу работ съезда, рисовали фактически картину возможного раскола. Мы жили это короткое время как в лихорадке, отдавая себе ясный отчет в важности для партии этого съезда. Линия, намечавшаяся в рядах наших будущих противников, вызывала величайшие опасения, заставляла Ильича с особенной, ему только одному свойственной энергией организовывать, разъяснять и убеждать, анализировать положение, намечать перспективы будущей борьбы.

Я была направлена для приема делегатов в Брюссель, где мы собирались созвать съезд и откуда нас выслали к границе, как только собралось человек 50. Переезд через границу был связан с большими трудностями. Поэтому довольно значительная группа прожила в Брюсселе дней 20, дожидаясь остальных. Среди делегатов шло оживленное обсуждение вопросов, стоявших на съезде. И драка началась уже до съезда. Еще до съезда определились некоторые фигуры «твердокамен-

ных», оппортунистов, «болота». В Лондон многие приехали, уже изрядно перессорившись между собой.

Я помню, какое впечатление производили на противников речи Ильича на II съезде. Вялость их ответов на нападки Ильича говорила о той оцепенелости мысли, которую они испытывали от железной и ничем не опровержимой логики Ильича. Мне говорили бундовцы и меньшевики на II съезде, позже другие наши противники, что после речи Ильича, ясной и простой, нужно некоторое время, чтобы собрать свои растерянные мысли. Впечатление от ясности его речи остается такое, что каждому начинает казаться, что Ильич высказал его мысль.

Оформившиеся на съезде разногласия казались многим, и в первую очередь «болоту», созданными на почве дрязг и склоки. Наши противники считали, что разногласия создались из-за пустяков...

Весной 1904 г. раскол в партии назрел настолько, что стал ясен для широких партийных масс. Ряд членов ЦК растерялся из-за боязни полного разрыва с меньшевиками перед началом решительной борьбы. ЦК в России взял линию примиренчества.

Примиренчество на всех этапах жизни партии неизбежно приводило к оппортунизму.

В августе или сентябре 1904 г. в Женеве состоялась конференция 22 большевиков, на которую я была вызвана Владимиром Ильичем и которая фактически положила начало подготовке к III съезду большевиков. Эта конференция, помню, наполнила нас радостью и придала исключительную энергию. Ленин на конференции был особенно радостен. Кончался период мелких дрязг, кружковщины, тяжелой, утомительной борьбы по мелочам с нечестными вылазками меньшевиков и примиренцев.

Ильич правильно учел настроение организаций. Совещание (конференция 22-х) было посвящено исключительно выяснению сил и организации Бюро комитетов большинства. Через несколько дней, несмотря на крайнее утомление от пережитых волнений и трудного переезда, мы мчались обратно в Россию, окрыленные ясностью линии, решимостью и верой в победу, которую так крепко вдохнул в нас Ильич. Мне лично по поручению организации удалось тогда объездить с резолюцией

конференции 13 комитетов: Рижский, Московский, Петербургский, Тверской, Тульский, Бакинский, Батумский, Тифлисский, Кутаисский, Екатеринбургский, Пермский, Ярославский и Вятский.

Хорошо помню, что была в Риге, где организовали собрания с Папашей (Литвиновым), в Баку, где останавливалась у Красина, в Тифлисе (устраивал собрание Миха Цхакая), Екатеринбурге, где организовала собрание Кирсанова. Объездила Тверь, Тулу и ряд других комитетов. Большинство резолюций, принятых по моему докладу этими комитетами, вошли в сборник «Как рождалась партия большевиков». В Баку мне сообщили, что Дубровинский (Иннокентий) успел уже побывать до меня с примиренческой резолюцией. Но это не остановило меня, и, кажется, через три дня после принятия его резолюции Кавказский комитет принял резолюцию, высказавшуюся за созыв III съезда.

Несмотря на то, что до моего объезда эти же комитеты объехали примиренцы, комитеты один за другим присоединились к резолюции «22-х». Ожесточенная была борьба в Петербурге, но и там вскоре сдались под давлением рабочих масс.

В декабре на Северной и Южной конференциях было выбрано Бюро комитетов большинства (БКБ). Какое значение Ленин придавал конференциям большинства и выбранному на них Бюро комитетов большинства, можно видеть из трех выдержек из его письма ко мне от 26 декабря 1904 г.:

«Такая конференция (Северная.— *Ред.*) — труднейшее дело при русских условиях, удалась она, видимо, отлично. Значение ее громадно...» И дальше: «Теперь задача такова: 1) как можно скорее выступить в России с печатным листком о Бюро Комитетов Большинства. Ради бога не откладывайте этого ни на неделю. Это важно чорт знает как». И еще дальше: «Скорее извещение публичное о бюро и непременно с перечнем всех 13-ти комитетов. Скорее и скорее и скорее!»[1]

Ленин торопился прочно сорганизовать большевистскую партию, чтобы к моменту массовых боев иметь подлинно революционную партию и твердо повести пролетариат в бой.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 34, стр. 242.

«Мелкие дрязги» и «пустяки», внутренняя склока, как определяла тогда некоторая часть партии внутрипартийную борьбу, на самом деле была борьбой за крепость рядов партии, за ее монолитность, за железную дисциплину, за четкую программу и устав партии. Непримиримая борьба с оппортунистическими элементами всех оттенков закаляла и организовывала. «Твердокаменный» большевик не упал с неба. Он выковывался в этой повседневной борьбе.

Теперь, когда оглядываешься назад, на три десятка лет, мы можем лишний раз с уверенностью подчеркнуть, что величайшие победы, одержанные нашей партией сегодня, являются результатом победы, одержанной Лениным на II съезде, и той упорной борьбы за чистоту рядов партии, за ее единство, которую со всей непримиримостью ведет партия.

«Воспоминания
о втором съезде партии»
Сборник статей, М., Партиздат, 1934,
стр. 162—168.

СОДЕРЖАНИЕ

Воспоминания о II съезде
РСДРП

Редакторы *Н. Мазэ* и *В. Киналева*
Художественный редактор *Г. Семиреченко*
Технический редактор *А. Данилина*

Сдано в набор 24 ноября 1958 г. Подписано в печать 25 апреля 1959 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5 + 1 вклейка ¹/₁₆ л. Условн. печ. л. 8,3.
Учетно-изд. л. 8,23. Тираж 60 тыс. экз. А 01976. Заказ № 4240. Цена 2 руб.

Госполитиздат, Москва. Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ВЫШЛИ В СВЕТ ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ГОСПОЛИТИЗДАТОМ КНИГИ И БРОШЮРЫ О В. И. ЛЕНИНЕ:

2 руб.

Цена 2 руб.

ГОСПОЛИТИЗДАТ — 1959